

"Хроники Каторги: Цой жив (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

ГЛАВА 1

Угрожающе затрубил горн, предвещая начало боя.

Шестеро из семи человек Ямы Баззарра отдадут жизни во благо Дома и на потеху жадной до зрелищ толпе. Над Ямой вознесется только один.

Глухо застучали барабаны, вскричали люди, подбадривая себя и бойцов. Другие - и таких становилось все больше, - молча смотрели с осуждающей печалью в глазах.

Цой крепко ухватился за прутья клетки, в которой его спускали к Яме. Лязг цепей и нарастающий людской ор - несменная песнь арены.

Бруты Домов в клетках нависли над Ямой метрах в десяти. Двое выкрашены в желтый - что-то не поделили. Другой - не брут; он позорно вымазан в красный, он предал Дом, предал каторжан во благо себе, он виноват и будет наказан. Глаза рыскали спасенья, а оно поджидало внизу. Гомонящая толпа обескуражила, он не держался за решетку. Сырой, бедолага, не знал, что в любой момент сбросят вниз. Пережившие падение будут биться за собственную жизнь и свой Дом. Выживший восславит его и поймет: время умирать не пришло. Выживший получит пайки за одержанную победу, а кто-то из толпы выиграет паек только за то, что угадал, кто из бойцов погибнет от удара о землю.

Клетки со скрежетом остановили над Ямой метрах в пяти и она, подобно пасти морского чудовища, была готова сожрать их.

Все смолкли в предвкушении.

И только брутов бросили вниз, толпа взвыла и закричала. Железные кубы рухнули; один из них упал совсем рядом с клеткой Цоя, он мог дотянуться и без промедления просунул руку. Обхватил противника за голову и несколько раз ударил лбом о ржавую решетину. Брызнула кровь, боец вскрикнул и Цой, сжав брута за затылок и челюсть, свернул ему шею.

Толпа неистово взревела, возрадовавшись первой смерти. Воля брута исполнена. Еще несколько убийств и они снова начнут скандировать имя победителя.

Оставшиеся пятеро в набедренных повязках торопились покинуть клетки, а Цой не спешил. Глубоко вдохнул и задержал дыхание. Знал, что толпа начнет кидаться пылью дурума, вызывающей жуткие галлюцинации и неконтролируемые вспышки ярости. Каторжане ждали Яму слишком долго и хорошо подготовились.

Так оно и вышло.

В Яму, ударяясь о торчащие из земли обшарпанные бетонные глыбы, полетели мешочки. Лопались от столкновения, разлетались в воздухе ярко-красной и оранжевой дымкой; ярко-красная пыльца особенно опасна и сильна.

Цой не дышал, оставался в клетке и ждал, пока осядет пыльца, стараясь не выпускать бойцов из виду. Увидел, как один угодил в токсичное облако и опрометчиво втянул алую тучку в себя.

Глаза мигом покраснели, и взгляд тотчас переменялся; стал бешеным, лишенным всякого сознания, а движения - дергаными и резкими. Цой не знал, какими тот несчастный видел его и остальных, но судя по крику - галлюцинации нахлынули ужасающими образами. Брут, в порыве ярости, набросился на другого и с невероятной скоростью принялся лупить со всей силы руками и ногами, а когда повалил, вцепился пальцами в рот, стараясь разорвать, но убил, ударив подвернувшимся под руку булыжником.

И снова пролилась кровь, и снова над Ямой пронесся восторженный крик. Мелодия, отбиваемая по черным цилиндрам, стала агрессивнее.

Двое других, те, чьи тела окрашены желтым, позабыв о споре и распрях, напали на одурманенного пылью. Один колотил железным прутом, оторванным от ржавой клетки, а другой бросился под ноги, стараясь повалить. И пока они, занятые убиением, отвлеклись, Цой незаметно выскользнул из клетки и подхватил уцелевший мешочек пыли. Мазнул немного на пальцы, натер десны и сглотнул, смочив накопленной слюной. Выбранного недостаточно для появления галлюцинаций, но с лихвой хватило на придание организму сил, позволивших со звериной ловкостью подскочить к двум бойцам, убивавшим третьего и размозжить их головы, столкнув лбами.

Толпа ликовала с неутолимой жадой.

Цой ловко схватил железный прут, подкинул и заостренной частью направил в одурманенного пылью бойца. Тот ворочался на земле, кричал и дергался, как умалишенный, отмахиваясь от воображаемых чудовищ. Вдохнул слишком много токсина. Избавить от мучений могла только смерть. Цой без тени сомнений подарил ее сбрендившему бруту, одним отточенным движением вонзив железяку прямо в башку; тот не успел понять, что умер.

Под рев восторженных зрителей Цой оглядывал Яму, и увидел в одной из клеток каторжанина, вымазанного в красный. Виновный. Яма его приговор, а Цой - палач.

Падение не убило его, но потрепало изрядно. Он стонал от боли в сломанной руке и ноге. Цой направился к виновному, и по мере приближения волнение в толпе нарастало; глухой, ритмичный топот усиливался, но сердце упавшего билось сильнее.

Тумб-тумб-тумб - Цой подходил все ближе - тумб-тумб-тумб - едва ли не вырвал дверцу клетки, выволок кряхтящего от боли виноватого на середину Ямы и взглядом обратился к каторжанам за решением.

В воцарившейся на мгновение тишине каждый присутствующий услышал хриплое дыхание страдальца, а затем его непрекращающиеся стоны.

- Жии-и-изнь! - донеслось откуда-то с трибун, окружавших Яму.

- Пусть живет! - вяло выкрикнул кто-то.

- Жии-и-изнь! Жии-ии-изнь! Жии-ииии-изнь! - подхватила толпа уже сильнее, посчитав, что виновный сполна получил за проступок.

Цой угрюмо глянул на лежащего в сырой земле мужика. Он тяжело и сипло дышал, может, повредил легкое. Рука сломана, возможно, в нескольких местах. Переломанная кость почти торчала из ноги, обеляя смуглую кожу - еще немного и разорвет.

Цой опустил над лежащим каторжанином. Коленом придавил ему шею. Сдавил сильнее и тот

задохнулся. Решил, что лучше бруту умереть так, чем позже в муках и агонии. Бесценные лекарства уже не спасут и его оставят помирать.

Толпа на мгновение стихла, услышав последний выдох лежащего под Цоем бруса, а когда тот скончался, взревела и скандировала имя:

«Цой! Цой! Цой!» - неугомонным эхом нависло над Ямой.

Поднялся, бросив в воздух жилистые руки. На грубом ястребином лице, вспотевшем и грязном, появилась еще более грубая, но все же улыбка. Цой купался в овациях толпы, благодарил, но в действительности, нехотя следовал некоему этикету Ямы.

Воля брутов исполнена. Отмучались.

Съехавшиеся в Баззарт каторжане продолжали выкрикивать его имя. Их совершенно не заботило, скольких припасов лишились их Дома. Мало заботили и жизни убитых брутов, - они выбрали свой путь, прошли его достойно и зрелище тому доказательство.

Цой вернулся в клетку и та со знакомым до боли лязгом цепей, подняла наверх за наградой и женщиной - нет, и не было ничего лучше добротной девы после боя в Яме, которая смоем с грязь и кровь, а затем поделится теплом и лаской. У Цоя была такая, одна единственная девушка с чудным именем Ада - кладезь нежности, заботы и чувств, которых он не мог позволить, которыми не мог поделиться в ответ; Каторга давно отучила, вынуждая постоянно быть начеку.

Имя Цой выбрал сам. Не знал, как его назвали родители, если называли вообще. Он их не помнил, как не помнил и себя до Крушения - события, ставшего началом вымирания мира.

Очевидцев тех давно минувших дней уже не было в живых, они погибли. Одни испустили дух, предварительно ослепнув, другие, что удивительно, умудрились умереть своей смертью, до последнего рассказывая истории о том, как нечто черное, катастрофических размеров ныне именуемое Обелиском, вспорол небеса и под ужасающие ревущие звуки извергало клубы густого дыма и обрушилось на землю.

Помнил только, как очнулся. На краю никому не известного океана. Соленая вода, ударившая в лицо, вырвала человека из небытия. Весь вымок до нитки. Холодный ветер выл, сквозняком пронизывая мокрое тело. Шум прибоя гнал человека прочь, и человек шел, потеряв счет дням и ночам. Шел в едва просохших лохмотьях посреди дремучего леса. Смутно сохранилось в памяти и то, как лишенный сил, с трудом, раз за разом теряя сознание, добрался до развалин, позже служивших ему безопасным Убежищем. Именно там, на избитой временем бетонной стене, завалившейся наземь и частично заросшей мхом, человек увидел надпись, сделанную кем-то когда-то давно.

«МИР УМЕР» - зловеще гласила она, небрежно намалеванная смолой, а под ней виднелась еще одна, сделанная много позже, вероятно, кем-то другим, и чем-то белым: «А ЦОЙ ЖИВ!».

Человек не знал, кем был тот «Цой» и как ему удалось выжить после гибели мира, но нашел их ситуацию схожей и тогда за неимением и незнанием собственного имени, решил назваться Цоем, рассчитывая, что имя поможет выжить ему так же, как помогло счастливчику, пережившему конец мира.

- Ты туда вернешься? - боязливо спросила Ада, сидя на нем в большой ванной, сделанной из

корпуса небольшой лодки. - Продолжишь идти дальше? - говорила, растирая проволочной мочалкой его твердую грудь.

Он кивнул.

И он, и она - оба знали, - речь не о Яме. Цой изучал округу близь Баззарра, но теперь, пропадая на долгие недели, ходил к Обелиску и каждую вылазку подбирался все ближе, но, в то же время, оставался на безопасном расстоянии.

- Не ходи больше, а? - она плотнее прижала мочалку к телу, и голос стал мягче. - Мне плохеет от одной только мысли, что можно оказаться там, за стенами. Я слышу тех, кто возвращается и их разговоры... бросает в дрожь, и всякий раз думаю, что тебя уже нет. Лежишь в желудке каком. Не ходи, а? Остаешься здесь, со мной, - она крепко обняла его бедрами и прижалась: как приятно ощущать ее тело, грудь. - Тут полно работы, забот и моего тепла.

Цой отвел взгляд. Ада хорошо знала своего мужчину и давно поняла: ей не пробиться через стену, и все же она не оставляла попыток разобрать ее по кирпичикам и, возможно, когда-нибудь достучаться.

- А болвашки? Так и стоят там, ждут?

- Угу-м. Стоят.

- Написатели говорят, с самого Крушения стоят и ждут, а чего - неясно. Чистенькие такие, ухоженные, как не случилось ничего.

Он смог лишь пожать плечами, но Ада сдать не могла:

- А голоса? Правда, болвашки разговаривают? Поют?

- Гм. Не слышал.

Ада черпнула воды в ковш и медленно вылила на голову Цою, пустив пальцы меж густых волос. За два месяца отросли и стали намного длиннее, чем ей нравилось. Сегодня Ада опять его подстрижет, но он еще об этом не знает. Как и она не знает о подарке, что он для нее приготовил.

Цой вынул из воды стеклянный шар, встряхнул и внутри, как по волшебству, поплыл снег. Взвизгнув от радости, Ада выпустила из рук ковш, глухо угодивший Цою по голове, и схватилась за шар обеими руками.

- Спасибо! Спасибо! Спасибо! - выкрикивала, не скрывая радости, искрящимися от счастья глазами рассматривая, как снег кружился вокруг башни, образованной четырьмя колоннами, соединяющимися на высоте.

Немедля выскользнула из ванной, расплескав горячую воду и, шлепая мокрыми ногами по скрипучему деревянному полу, устремилась к небольшому завалившемуся набок комоду. Ради этого. Ради этого стоит выходить, терпеть боль и муки. Что угодно, только бы видеть радость в глазах, почувствовать, что кто-то может быть счастлив и знать, что люди не разучились улыбаться, пусть и мелочам.

С нижних этажей вместе с радостными возгласами накатывали глухие звуки все тех же барабанов, но играли не агрессивно, а с задором. Собравшиеся жители семи Домов простились

с брутами, придав их тела огню, и теперь праздновали победу Баззарра, а Цой, расслаблено запрокинув голову, наблюдал за тем как Ада, совершенно нагая, поставила снежный шар на комод рядом с пятью другими. Кто знает, сколько еще этих шаров оставил Старый мир? Собирали их кто-нибудь еще?

Мокрая, бронзовая кожа девушки приятно поблескивала в теплом свете ламп; от нее, как от неизвестного волшебного существа, воспаряли языки пара. Хороша - широкие бедра, длинные ноги, тело все еще девичье, но закаленное Новым миром и его порядком. Длинные и черные, как смола, волосы змеились по осиной талии, доставая до самых ягодниц, а на теле - ни единого шрамика. Ада выросла за массивными стенами Баззарра и никогда не покидала его пределов. Выйдя наружу, непременно получила бы шрам, как Цой получил свои. Один, небольшой, узким серпом тянулся от горбинки носа вдоль правой щеки, а другой, побольше, полумесяцем - от макушки и заканчивался над левым глазом на лбу. Каторга, она такая, клеймила всякого, кто в нее попадал и повезет, если платой оказывалась только отметина, а не жизнь, как случилось намного чаще.

Зеленые глаза Ады трепетно глядели на снежные шары, но красота ее все равно не шла ни в какое сравнение с женщинами, которых Цой видел изображенными на плотной бумаге; чистыми, аккуратными, непередаваемо сексуальными. Он искренне не понимал и никогда не поймет, как им удавалось достичь такой неземной красоты. Женщины Старого мира были несравненно хороши, а в Новом мире являлись недосягаемой фантазией.

Уснул в горячей ванне и не помнил, как среди ночи Ада коротко обкорнала его волосы, а после помогла дойти до кровати. Утром, оставив ей пять пайков, выигранные в Яме, отправился к Старому - местному лавочнику.

ГЛАВА 2

Цой шустро спустился с пятнадцатого этажа северной Сестры по лестничным пролетам. Мог воспользоваться одним из лифтов, но те работали ужасно медленно и скрипом нагоняли жуткую тоску. Молниеносно спускаться вниз, разом перепрыгивая пять, а то и десять ступеней минуя пролет за пролетом много лучше; своего рода утренняя зарядка организма, настраивающая на нужный ритм.

Через три с половиной минуты быстрого спуска, Цой выскочил на просторы довольно большого внутреннего двора, окруженного четырьмя двадцатипятиэтажными высотками. Между ними жители Баззарра воздвигли массивные прочные стены из грузовых контейнеров, которые продолжали укреплять, заливая цементом и усиливать железными балками, чтобы ничто не забралось внутрь и не посеяло хаос, правящий снаружи.

Солнце взошло, но копыта лучей не успели проникнуть за высокие ограждения, а жизнь за ними давно пробудилась и была ключом: водители Домов подготавливали тягачи к обратной дороге, звенели разводными ключами, заливали сыворотку против обсеменения в специальные баки, которую распыляли по Вене - единственной уцелевшей дороге, связывающую семь Домов. Старатели неспешно убрали последствия вчерашней гулянки, собирая бутылки от гона, пакетики от пайков и пыльцы, чью-то одежду. Барабанщик, тарабанивший на ударных всю прошлую ночь вовсе поленился уходить. Так и уснул, облокотившись на инструменты, а здоровенный красный попугай Буч, прилетающий каждое утро на завтрак, сидел на голове музыканта и мощным изогнутым клювом постукивал по мембране барабана, издавая забавные звуки.

Жители трудились вовсю, занимаясь своим ремеслом; кто над посевами грин в заводи, кто выделкой кожи убитых зверей, кто очисткой воды с помощью хитрого и внушительного приспособления, собранного по чертежам Старого мира. Кто-то подготавливал снаряжение для искателей, собирателей и оборонителей, но в основном, последним. Искатели и собиратели трепетно относились к своей экипировке и всегда перепроверяли сами, на всякий случай; от ее состояния зависела их жизнь.

Ребятня растирала босыми ногами пятно Оена в самом центре внутреннего двора. Детишки помладше играли в «чудо-людю»: одни притворялись чудовищами, а другим притворяться не приходилось, они оставались людьми и радостно боролись друг с другом. Глядя на них Цой не мог сдерживать улыбки, да и не незачем было. Только здесь, за стенами Баззарра, люди побеждали чудовищ с завидной регулярностью.

И пока маленькие резвились, детей постарше натаскивал бывалый искатель Вирт, получивший травму и более не могущий ходить в Каторгу. Как-то он отправился в земли железных цветов и, угодив в пучину, потревожил обитавшего там жирвяка. Вечно голодное чудище оттапало ему левую ногу выше колена. Непостижимым образом Вирту посчастливилось вернуться, а врачевательнице Гере мастерски заменить отхваченную конечность импровизированным стальным протезом. Помнится, больше никому и никогда не везло так, как в тот день свезло Вирту.

Искатель направлялся к лавке Старого, оставляя позади радостные возгласы и басистые рассказы Вирта о том, как уберечься от йухов. Лавка находилась на подземной стоянке в самом центре Баззарра, под трехэтажной постройкой Старого мира - главным зданием домового Петра, что почти полностью заросло вьюном. Под землей лавку окружали прочие достопримечательности: Яма, харчевня «Томатный Грибок», игровой лабиринт для тролликов, а поодаль от всего этого мракобесия теснилась небольшая заводь с живой водой, в которой под чутким руководством Старого каторжане возвращали ростки грин. Жизнь внизу не всегда искрила той энергией, творившейся на этажах «Четырех Сестер» - так жители Баззарра называли четыре многоэтажки, - жилой комплекс, построенный Старым миром, ныне верно служащий домом и надежной защитой от беспощадной природы и ужасов, царящих снаружи.

На этажах можно было найти больничку - самое чистое и вылизанное место во всей Каторге, - так говорила Гера, а значит, так оно и было. Бордель, где женщины могли подарить любому желающему немислимые ласки, доставить невиданное удовольствие искателям и собирателям, что терпят невыносимые муки, покидая стены Домов. Школу для детишек, где единственной наукой являлась Каторга и ее изучение. Различные мастерские, где каторжники восстанавливали вещицы Старого мира. Встречались даже площадки, оборудованные для тренировок, но ничто не закаляло человека так, как закаляла Каторга.

При всем обилии и разнообразии имеющегося в Четырех Сестрах, многие этажи пустовали, но содержались в максимально возможной чистоте и порядке, как и территория остального Баззарра. Каторжане знали, как это бывает: Каторга пускает корни всюду, где отступила нога человека.

Сестры с легкостью могли приютить до четырех тысяч человек, но жили за их прочными стенами не более семисот - людей оставалось не много и с каждым новым днем за пределами Баззарра и стенами других Домов их количество неумолимо сокращалось.

Входом в лавку служил немного прогнивший, но усиленный контейнер, перекрашенный несчетное количество раз и соединенный с бетонной постройкой. Выгоревшая под палящим

солнцем краска давно облупилась, оголив рыжий металл. Двери неустанно сторожили два брата - крепких молодца - Ива и Иль; один брат был старше другого на целых три минуты, только беда заключалась в том, что даже старожилы Баззарра не помнили, кого их мать назвала первым. Цой никак не мог понять причины, по которой это заботило и его, пусть и не так сильно, как самих братьев, чьи споры о старшинстве не угасали по сей день, и подчас переходили в мордобой, служивший своеобразной разминкой.

Ива, уделяя больше внимания иллюстрациям, с неподдельным интересом рассматривал Монструм, вручную переписываемый корпящими над бумажным станком писателями по наблюдениям и заметкам Цоя.

В целях минимизации ущерба здоровью человека, лавка обслуживала только одного клиента за раз; не то чтобы людей было много, и кто-то воровал, но так завелось со времен, когда численность каторжников намного превышала нынешнюю, а времена и нравы несколько отличались от нынешних.

Иль в ленивом приветствии мотнул головой; большой хмурый лоб обильно покрылся каплями пота, и редкие каштановые волосы взмокли, слипшись с кожей.

Жара стояла ужасающая.

- Вот те на! Как остригли, Цой! - глумливо подметил Иль. - А то в Яме на человека похож не был.

Цой небрежно коснулся головы, коротких криво стриженных волос, ощутив пальцами впадину шрама, затем рука сползла к щеке и челюсти. Грубая кожа оказалась гладковыбритой, от окладистой бороды не осталось и следа, только треск зачатков щетины.

- Цой, - оторвавшись от изучения неважно нарисованной иглаптицы, обратился Ива, - продолжение-то будет?

Проходя внутрь, Цой неразборчиво пробурчал в ответ что-то нечленораздельное. Братья закрыли за спиной искателя массивные двери контейнера. Пугающе скрипнула задвижка, и на секунду все окутало мраком, но только на секунду, потому как спереди в контейнер моментально просочился луч тусклого света; просвет становился шире, пока полностью не вытеснил мрак.

- Эге-гей! Цой! - басистым рокотом приветствовал Старый, раскинув в стороны волосатые ручки. - У-у, ты стал похож на Ива.

- А ты похож на того, кто сожрал Ива.

- Гы-гы-гы. Ай, молодца! - Старый бросал руки в воздух, как бы изображая сражающегося в Яме Цоя, но действие вызывало лишь улыбку, поскольку мясистое тело лавочника, которое каким-то чудом держалось на коротких кривых ногах, походило на неваляшку. - Сколько добра для нас заграбастал, а! - не скрывая радости, продолжал он. - Шесть Домов и столько всего навезли! Столько на брутот поставили! А сколько оставили... У-у-у! Ну, Цой! Ай, молодец! Закрома под завязку забили! Аж трещит! Точно тебе говорю! План Петра того и гляди сработает... Ну, если к зиме маяки расставить успеем.

Цой подошел ближе к прочной решетине, и после крепкого рукопожатия, выложил на пошарпанную деревянную столешницу прилавка свертки: карты и места, отмеченные им в вылазках.

- К югу от Обелиска, - начал искатель, постукивая пальцем в развернутый толстый пергамент, - километрах в семидесяти - живая вода для грина. Твои, чего, растут?

- Как на бобах, Цой! Как на бобах! - ответил старьевщик, радостно оскалив желтые зубища, меж которых встряли остатки листьев грина.

- На дрожжах, Старый, - поправил Цой.

- Да йухи с ними! - весело отмахнулся мясистой рукой. - Я ни того, ни другого в глаза не видел. Ты токо погляди, - восхищенно, как на самое сокровенное, указал на пол из толстого пожелтевшего стекла, под которым в мутной воде росли крупные продолговатые зеленые листья грина - растение, по словам писателей, появившееся после Крушения. Грин крайне полезен для организма, его высушивали и сдавливали, превращая в паек; едой и одним из ценнейших предметов обмена. - Видишь? Я в резервуар лампы прикрутил. В остатках книжонки «Необыкновенное садоводство» вычитал, ага, - все еще зеленые, но давно потускневшие глаза старьевщика заблестели и с непередаваемой любовью глядели на плавающие в воде водоросли. - И чесслово, Цой, расти быстрее стали!

Искатель оторвал взгляд от подсвеченной теплым светом воды и вернулся к картам, которые начеркал угольками и указал на зарисовку, немного напоминающую собаку. Рисовал Цой не лучше десятилетнего ребенка, но все сведения его, как карты, так и заметки в Монструме множество раз спасали каторжанам жизни. Правда, никто из них не знал и никогда не узнает цену, которую порой приходилось уплачивать за эти знания.

Старый вытер руки о плотный замызганный фартук с многочисленными карманами и увешанный разными инструментами. Опустив на глаз многоскоп, вытянул из него металлическую указку, на которую крепились пожелтевшие у краев линзы самой разной кратности. Выбрал лупу и, вдумчиво поглядев на карту, спросил:

- Эт калебы штоле?

- Они.

- Стая целая?

- Гм.

- Значица, собирателей днем отправлю, а то ночью пожрут.

- А это... бездомные? Подле воды-то.

Цой кивнул.

- Ат гандалы, - недовольно проговорил Старый. Бездомными называли дикарей, живших вне стен домов. Агрессивные, обитали в землях Каторги небольшими группками, жили набегами на собирателей, тягачи и друг на дружку.

- Только лагерь стоит. Калебы в ночь напали и пожрали дикарей. Теперь будет, чем потомство кормить. Плодятся твари не хуже тролликов.

Выслушав искателя, старьевщик достал из-под прилавка железный короб; ржавый, чуть измятый и со скрипом открыл крышку. Прошуршал там тучными пальчиками и выложил десять пайков с ладонь размером, уплотненных пакетиками.

- Куда дальше-то, Цой?

Цой не ответил.

Старьевщик выложил еще пять пайков, и глаза его сверкнули хитрецей.

- Цой, ты, это, хоть расскажи, как беса уложил, а? - хитро вытянув шею, вопрошал Старый. - Вдруг, помрешь где, а народ не узнает. Шкура-то он какая! Легкая, прочная, а красивая, сука, до слез!

Цой окинул довольным взглядом угольный безрукавный полу-плащ, который носил с гордостью и вполне заслуженно. Накидка, достававшая до колен, нарезана из плотной бесей шкуры, пожалуй, самого опасного чудища, появившегося после Крушения. Шкура славилась необычайной прочностью. Порезать и проткнуть такую - дело крайне нелегкое, оттого и бес считался одним из самых живучих чудищ Каторги.

- Повезло мне, - отвертелся Цой и Старый, расстроено поджав потрескавшиеся губы, с наигранной театральностью демонстративно переместил один паек обратно в железную коробочку и закрыл ее, игриво пристукнув по крышке пухлым кулачишком.

- Ну, исправного компаса, искатель, - добро напутствовал Старый, и еще заботливее добавил: - Ты толкмо, это... смотри, не помри.

Цой молча сложил пайки в сумку, что висела через грудь, поправил висевшие за спиной ножны Ляли-Оли, обтянутые кожей каанаконды, и вышел, закрыв за собой массивную железную дверь.

ГЛАВА 3

Цой бежал сломя голову, оставляя позади сломанные ветки хвойных деревьев. Убегал, не оглядываясь, гневно проклиная и браня себя за собственную глупость: заходя в дубовую рощу, задумался о том, что еще могло скрываться за бесчисленным множеством деревьев, и не открыл флягу с мочой беса, чей едкий запах отпугивал большинство здешних хищников.

Каждый искатель знал: при выходе в Каторгу всякие мысли следует оставлять в Домах. В диких землях все решали инстинкты, и только они.

Искатель мчался вперед, оставляя глубокий след на густом красно-рыжем мхе, а прямо за ним, чувствуя страх и запах, рыча от удовольствия погони, гнался толстопард - свирепый хищник зеленоватой шерстки, несравненно маскирующей среди живности рощи.

Ядовитых ягод кровоглаза с собой не оказалось, Цой как раз направлялся за ними, а флягу открывать было поздно, зверь давно ощутил превосходство и понимал: маленький человечек - не огромный и страшный бес.

Хищника уже не остановить. Стрелять из Ататашки нельзя, только не в лесу - верная дорога в могилу.

Цой сновал меж высоких деревьев, стараясь оббежать массивные плачущие. Перепрыгивал через небольшие овраги, заныривал, проскальзывая под завалившимися стволами, а зверь все никак не отставал, гнался за добычей, рыча и клацая изогнутыми зубищами совсем близко. В

честной схватке толстопарда не одолеть, искатель это понимал. Двухсоткилограммовая туша - сгусток мышц и неистовой ярости вмиг разорвет на части острыми, как бритва зубами и когтями, размером с две человеческие фаланги. Единственный шанс спастись - выскочить на открытую поляну, и Цой со всех ног неся именно туда.

Уже недалеко, совсем близко.

Не сбавляя скорости, обмакнул два пальца в пыльцу в кармашке на груди кожанки и живо втер в язык. Сглотнул и всплеск энергии ударил в организм - бежать вдруг стало легче, ноги понеслись по влажной земле, как по ветру и расстояние между ним и хищником медленно увеличилось.

Цой вырвался из непроглядной роши на поляну; алый мох под ногами сменился зеленой травой, кончики которой блестели в лучах едва выглянувшего солнца. Заорал, не жалея глотку, стараясь привлечь внимание. Взбегал на холмик, перепрыгнув небольшой журчащий ручеек. Зверь не отставал и лихо метнулся за ним.

Цой бежал наверх и взмокшим лицом почувствовал дуновение ветра - получилось! Оказавшись почти у самой верхушки холма, вскричал, что было сил и, прикрыв голову обеими руками, рухнул наземь. Толстопард взревел и прыгнул следом, выставив лапы в финальном рывке. Вылетевший из-за холма орлолиск, раскинувший в воздухе огромные крылья, блеснувшие синевой в свете солнца, на лету подхватил толстопарда и, сцапав зверя в могучих когтистых лапах, издал грубый резкий крик и унес хищника высоко в небо.

Измучено дыша, искатель уткнулся лицом в зеленую траву, кожей ощущая колкие кончики и прохладу утренней росы. Сердце бешено билось, отдавая болью в горло; когда действие пыльцы отпустит, тело заломит, а мышцы будут здорово болеть. Никогда прежде Цой не был так обязан другому хищнику и безмолвно благодарил его за спасение собственной шкуры.

Послышался шелест травы, но не естественный, что получался от веянья ветерка, а осторожный и аккуратный, крадущийся. Следом шипение - ласковое и успокаивающее. Цой поднял измученные усталостью глаза и увидел угловатую голову ползущей змеи - треуголка, - мордой раздвигала стебельки. Не найти слов, которыми бы удалось передать гримасу разочарования, одолевшую лицо искателя в тот момент. Змеюка, напротив, как бы облизываясь, показывала разделенный натрое розоватый язычок. Ее яд он переживет, а вот она свой собственный укус - нет.

Искатель моргнуть не успел, как гадюка бросилась и впилась в щеку. Клыки вошли мягко и прыснули ядом. Жар, быстро охвативший голову человека, а затем и все тело, вызвал судороги, а после он потерял сознание.

«Двести два», - первая мысль, мелькнувшая в голове. Сколько времени пролежал, сказать нельзя, но недолго, учитывая, что мышцы продолжали непроизвольно содрогаться, а по телу частенько пробегала щекотливая дрожь.

Бросало в озноб. Цой сильно взмок.

Организм посредством пота избавлялся от яда, а бесья кожа, которой был плотно обмотан под одеждой, практически не пропускала влагу. Все до жути неприятно слиплось. Змеюка оказалась молодой, поскольку Цой пролежал трупом совсем немного, а треуголка так и сдохла, вцепившись в лицо; живут, мерзопакостные, до первого укуса, а остальное время заглатывают детенышей тролликов и прочую мелочь. Кусают только раз в жизни - когда понимают, что не переживут встречи с крупным противником.

Оторвал гадюку от онемевшей щеки и бросил рядом. Чуть позже приготовит и съест - мясо ее крайне вкусное, тает во рту. Пригодиться и кожа - пойдет на мешочки для хранения пыльцы.

Встать Цой не мог, потому, повернувшись, кубарем скатился к ручейку и, угодив в него головой, начал жадно глотать бегущую воду. Утоляя жажду, краем глаза заметил двух человек метрах в двадцати - мужчину и женщину, - проследили за ним и его побегом от толстопарда. Мужик грязный, небритый, тяжело дышал, а женщина - чумазая, но добротная; взмокшая смуглая кожа, как и маслянистые волосы, поблескивали в утренних лучах солнца. Шли налегке - искатели, как и Цой. Оба измотанные погоней и злые. Едва успели выйти из леса и, увидев лежавшего Цоя, замерли у плачущих стволов деревьев. Стояли и недобро смотрели, как он, с трудом совладав с собственным телом, тяжело поднялся на ноги.

Яд треуголки еще действовал.

Цой хотел предупредить искателей, пытался указать на деревья позади, но смог издать лишь пустой звук; тело противилось, а когда мужик опустил ладонь на мотоциклетную рукоять, приваренную к лезвию секача, помогать раздумал.

- Есь чо? - грубо бросил сдавленным, запыхавшимся голосом.

Цой молчал, стараясь не выдать взглядом мыслей; заставил себя не смотреть на плачущие стволы деревьев за их спинами.

- Глухой, а? - выкрикнула женщина и сделала шаг, хрустнув веткой под ногами и сверху, из густой листвы дуба, выпал кокон. Раскрывшись на лету, сцапал за секунду и живо утащил наверх, в листву, оставив после неуловимого движения лишь падающую труху.

Мужик, стоявший рядом, опомниться не успел, как его постигла та же участь.

Цой неспешно наклонился, превозмогая спазмы в пояснице и черпнул прохладной воды из ручейка. Вытер лицо, растер припухшую онемелую щеку.

Услышав крик орлолиски, инстинктивно пригнулся и огляделся - ничего, - а секунду спустя с неизвестной высоты на холм с чудовищным хрустом рухнула туша толстопарда. Зверь протяжно и с болью взревел, похоже, переломал все кости после падения, а сверху, угрожающе размахивая крыльями, подоспел орлолиск. Легко приземлившись на лапы, чудище несколько раз обошло добычу и, будто плетью удовлетворенно хлестало по ней длиннющим раздвоенным хвостом с окостенелыми зазубринами. Закончив играть, орлолиск прижал хищную кошку лапой и добил точным ударом острого клюва по голове и взмыл в воздух, утащив добычу в гнездо.

Цой ненавидел и проклинал Обелиск за воздействие, оказанное им на природу: мутировавшие животные, твари им порожденные, далеко не все агрессивные, но страшнее всего оказались те, что находились внутри. После Крушения они расселились, стали плодиться. Словом, заполучили в цепкие, хищные лапы новый дом. Искатель был абсолютно уверен, что чудища, бежавшие с Обелиска, рождены где угодно, но только не на Земле. Он не встречал их изображений и описаний в тех редких книгах, что находил в диких землях, чудом уцелевших после событий Крушения. Поначалу зарисовывал и записывал описания чудищ для себя. Только со временем заметки переросли в Монструм, который, даже спустя долгое время продолжал пополняться новыми описаниями.

Искатель не переставал гадать, какие тайны скрывал Обелиск за черными стенами, но и выяснять их не стремился. Одним из таких секретов, как полагал, были нелюди - с виду ничем

не отличавшиеся от человека, но способные на чудные, казалось, невозможные вещи. Искатель не мог знать их истинного происхождения, однако было у него две догадки: то ли они, как и чудовища, были на Обелиске до падения, то ли люди стали такими под его воздействием после Крушения. Сам Цой склонялся ко второй мысли, поскольку за всю жизнь видел другого нелюдя лишь раз. Худощавый мужик невиданной силы, облаченный в странный костюм, целиком обтянутый жгутами-волоконками и с черной до блеска отполированной каской на голове, с необъяснимой легкостью валил толстые стволы деревьев голыми руками. Цой не стал выяснять цель этого действия, так и растворился в листве, оставшись незамеченным. Поговаривали, что ходят по земле нелюди, способные незримо двигать всякого рода предметы, или подчинять своей воле людей, принуждая их делать странные поступки, но так, в основном мужики, попадаясь, оправдывались перед своими женщинами за влечение к девицам моложе или винули во всем наебаб.

Сам Цой никогда не верил в то, чего не видел, хотя признавал - Обелиск в корне изменил мир.

Уходить с полянки Цой не спешил. Кокон, как было известно из его же заметок, поедали существо, соразмерное человеку за час, иногда за два, если кокон попадался ленивый, или человек упитанный. Последние встречались даже реже нелюдей, разве что Старый, но тот был полным, потому что буквально сидел на пайках, двигался мало и мог позволить себе наедаться до отвала, объясняя это желанием проверить годность продукта самому, а не травить каторжан.

Судя по тому, как энергично сжимались в листве деревьев два кокона, Цой заключил, что ему попались те еще трудяги, и решил, что справятся они минут, может, за сорок. В этом была их главная особенность: коконы поедали исключительно плоть, оставляя прекрасно обглоданные кости и самое важное в случае людей - пожитки: оружие, одежда, припасы, словом все, чем были богаты жертвы, или желудки тварей крупнее, выбрасывалось наружу. Именно так Цой оказался обладателем отличнейшей пары ботинок, хоть их и пришлось долго отпаривать, очищая от коконовской слизи, да и сейчас они заметно изнашивались. Обзавелся Ататашкой - так искатель прозвал автомат, стрелял из которого крайне редко, почти никогда.

Цой расположился неподалеку от плачущих деревьев, скрыв свое присутствие листвой и ветками. Флягу с мочой беса открывать не стал; жидкость, отпугивающая одних хищников, могла привлечь самца или самку беса, но Цой точно знал: бесы в дубовой роще не водятся. Он не открывал флягу потому, что коконы, уловив присутствие беса и инстинктивно боясь оказаться съеденными, не выпустили бы то, что не входило в их излюбленный рацион.

Спустя сорок минут, как и предполагалось, Цой наблюдал за тем, как коконы, насытившиеся и набухшие от пищи, открылись, как распустившийся бутон и выпустила все добро наружу. Внутри алых стенок, похожих на губку, виднелись сотни игл-каналов самых разных размеров, больших и не очень. Именно через иглы в жертву поступала жидкость, разлагавшая тела и превращавшая их в жижу, после чего стенки впитывали в себя все соки и питательные вещества.

Выходить из укрытия Цой не спешил. Прежде нужно убедиться, что никто кроме него не претендует на добычу. Времени полным-полно. Проголодаются коконы часов через семь минимум, а в ближайший час или два все их естество будет занято исключительно перевариванием пищи и ничем другим. Именно в этот промежуток времени висящие хищники крайне уязвимы и бесчувственны ко всему происходящему вокруг - хоть пляши под ними. Этой особенностью Цой, как и всякий, читавший Монструм, пользовался особенно бессовестно.

Еще около получаса лежал неподвижно, замаскированный листвою, выжидая и всматриваясь в рощу. Щедро залитая солнечным светом лиственный лес выглядел непередаваемо красиво, почти сказочно. Все вокруг казалось таким безмятежным, умиротворенным и гармоничным; густая листва деревьев шелестела и переливалась множеством оттенков зеленого, по земле стелился красный мох, делая картину необычайно контрастной. Лишь легкое завывание ветерка нарушало идиллию спокойствия, неся из рощи душистую помесь запахов всего многообразия того, что там росло, жило и гадило.

Цой ждал, но никто не появился. С опаской оглядываясь, добрался до вещиц, что высвободили коконы и неспешно осмотрел. Первое бросившееся в глаза - мешочки с пылью. Расстегнув кармашек на кожанке, осторожно, не дыша, пересыпал пыльцу внутрь. Не хотел, чтобы гадость эта в еще больших количествах попала в Дома и травила там детей, лучше травиться самому - ему-то вреда почти никакого. Да и путешествовать с пылью всяко лучше, чем без нее, а порой и веселее - не заскучаешь, мерещилось всякое. Следом в глубине ранца сверкнула пара достаточно острых ножей, топорик и очень хороший бинокляр. Цой заменил им свой. Обнаружились и два магазина с патронами, из которых полон был только один, пистолет с обоймой и автомат. Все это уложил в ранец, принадлежавший одной из жертв, и отложил.

В другой мешковатой сумке приметил два уплотненных пакетика с пайками, их оставил себе, а также скрученные листья грина, из них могло получиться еще около тридцати пайков. Нашлись и зажигалка, две бутылки с водой и, что не удивительно - Монструм, - красный томик в мягком переплете. Слипся, но судя по оставленной закладке до раздела с описанием коконов и того, как их вычислить по массивным деревьям и черной слизи, что стекает вниз по стволам, оставалось две страницы. Отсюда и название «плачущие». Если бы дочитали, то знали, что деревья эти нужно обходить стороной за десять-пятнадцать шагов. Две страницы и две жизни удалось бы сохранить. Жаль только, выглядели они враждебно и смерти одного из них, наверное, было не избежать.

Если верить карте, обнаруженной глубже в мешке, мужчина и женщина были родом из Каземат. Понял это по рисунку и тому, с какой любовью и особой тщательностью башни Каземат начерканы на карте. Дома Баззарра и Каземат не враждовали, как и остальные четыре Дома, дружили, но не настолько, чтобы возвращать вещи погибших в диких землях.

Нашел - забирай. Первое правило Каторги.

Цой сверил их карту со своей; его оказалась намного информативнее и содержала куда больше отмеченного. Человек прекрасно знал те малочисленные точки, нанесенные на карту погибших искателей. Далеко забрались, удалившись от южных земель. Неужели наскучило пыльцу в ненормальной собирать?

Кокон свернулись, как набухшие слизняки, урчали, продолжая переваривать пищу.

Цой связал сумки, после чего из широкой лямки рюкзака, что висела через грудь, вытянул один из шести самодельных метательных ножей. Отошел в сторонку и, прицелившись, метнул нож в один из коконов; в тот, что висел ближе к стволу. Лезвие вошло мягко, точно туда, куда он хотел - в наросток размером с человеческую голову у самого основания. Кокон стал сокращаться быстрее, а затем вытянулся, словно в предсмертном выдохе и, выпустив под себя алую жижу, рухнул наземь.

Зрелище было противным до безобразия. Первые несколько раз Цоя выворачивало не хуже кокона, но теперь он привык и наблюдал, не моргнув глазом.

Не хотел терять больше времени, окинул взглядом часы, надежно вшитые в кожаный нарукавник - стрелки за треснувшим стеклышком показывали полдень. Принялся запикивать рюкзак и сумку-мешок обратно в кокон. Покончив с укладкой добычи, вынул нож из наростка и просунул в рану руку, ощутив неприятное тепло и вязкую жидкость, обволакивающую кисть. Потянул, нащупав нужное сухожилие, и кокон затянулся.

Цой обвязал себя воздушным корнем кокона и полез на дерево. Добравшись до крепкой ветки, перекинул через нее корень и, ухватившись за него, сиганул вниз противовесом, подняв кокон наверх - от живого не отличить. Надежно закрепил корень за ствол дерева и умеючи, как бы хаотично набросав листву, отметил место на карте. Позже передаст данные Старому и сюда, за добычей, придут собиратели. Из коконов получались отличные тайники - никому не придет в голову искать в них что-то, а если кто захочет, так второй кокон, оставленный в живых, вмиг обратит того в пищу. Надежней охраны придумать нельзя. Если Каторга что-то дает, дары нужно использовать с умом, пусть и себе на пользу.

Искатель глянул на миниатюрный компас, закрепленный на кожаном нарукавнике рядом с часами, выбрал направление и, как и планировал, отправился дальше на запад.

ГЛАВА 4

Путь на запад в новинку искателю; неизвестность бодрила.

Ближе к вечеру набрел на небольшой увядший городишко, который, как позже выяснилось, оказался абсолютно безлюдным, но не безчудовищным. Тем не менее, он все же начеркал местечко на карте, как и то небольшое, что встретил по пути: куцую заводь, щедро усеянную грином на дне; вероятно, скрученные водоросли, найденные ранее у нелепо погибших мужчины и женщины, были собраны ими именно здесь. Решил, что неплохо было бы направить отряд собирателей и сюда, собрать ростки, пополнить ими запасы Баззарра. Набросал и небольшую, почти разрушенную заправочную станцию Старого мира, встреченную у размытой дороги, вдоль которой шел, пробираясь сквозь лесополосу. Судя по глухому звуку, что получился от камешка, которым он швырнул в большую измятую цистерну, внутри хранилась жидкость, вот только какая так и осталась для него загадкой. Не стал проверять; горючки там не окажется точно, все запасы, оставшиеся после Крушения, давно найдены и освоены, либо утратили свойства. Уже многие годы каторжане тянули топливо из недр Черни.

Встретился с другим искателем, кажется, Тиг из Догмы. Близко не подходили. Безмолвно мотнули руками в приветственном жесте, и отправились дальше. Каждый своим путем.

Немного после путь усложнила рыхлая почва. Заметить и почувствовать, как она сменяет под ногами обыкновенную землю довольно непросто; даже Цою не всегда удавалось, но со временем он наловчился. Чтобы обойти пучину пришлось делать небольшой крюк; ушло не больше часа, а все потому, что ему не хотелось вновь становиться едой для жирвяков - огромных и вечно голодных червей длиной в два человеческих роста.

Огибая опасный участок, Цой заметил вдалеке длиннющие стальные балки - каркас некогда высоченного здания. Направившись к ним, вышел на заброшенный городок, встретивший его в точности так, как встречает все остальное, оставленное Старым миром - унылой до тошноты серостью и скрежетом металла, порождаемый порывами ветра. Безжалостная природа побеждала, она почти поглотила строения, когда-то созданные человеком, заботливо застелив их зеленой растительностью, благодаря которой все выглядело неопишимо красиво, живо и загадочно. Лишь стальные балки и частично сохранившиеся ярусы многоэтажки, уходившие

ввысь, продолжали безвыигрышную борьбу, но и они со временем не выдержат и неотвратимо поддадутся натиску природы. Наверное, никогда прежде Зеленая планета не была настолько зеленой.

Внимательно осмотревшись и убедившись в отсутствии опасности, искатель решил выйти на покрытие, когда-то называвшееся дорогой. Искореженный асфальт давно изорван; из больших трещин проросла густая трава, порой доходящая до колен. По обе стороны от дороги доживали дни покосившиеся домики. Сейчас уже невозможно определить, сколько в них было этажей - большая часть давно развалилась, оказалась под землей или обросла плющом, а некоторые домишки чудом пережили все сразу, оставив после себя бугристое одеяло растений.

Безынтересно прошел мимо того, что когда-то было детской площадкой, а сейчас являло собой своеобразную выставку коррозии, главным экспонатом которой служило покосившееся чертово колесо, покрытое цветущей шкурой растений. Остановился. Что-то екнуло внутри; неуловимое чувство рассеялось. Искатель так и не понял, как когда-то на этом самом месте кружилась карусель, переливаясь звонкими детскими голосами и смехом, как то самое колесо обозрения, протяжно стонавшее от ветра, поднимало людей над горизонтом, открывая перед взором поистине несравнимые и необъятные просторы.

По воздуху, будто отовсюду, разлетелся угрожающий крик крупной хищной птицы. Цой незамедлительно юркнул к одному из завалившихся домов, спиной прильнув к стене, густо заросшей приятно пахнувшей растительностью. Замер. Слилсь с листвой, из которой показалась многоножка и поползла по плечу. Следил за ней взглядом, а потом резко схватил ее зубами и, разжевав, проглотил. Кисло-сладкий деликатес.

Достав бинокляр и осмотревшись, искатель увидел, как из груды облаков, нависших над чахлым городишкой, вырвалась иглаптица, сверкая посеребренными перьями в лучах уходящего солнца. Рассекая воздух, хищница устремилась к высоченному каркасу здания, и приземлилась в гнездо почти у самой верхушки многоэтажки. Достигавшая неполных трех метров в высоту иглаптица в крючковатом клюве держала добычу и понемногу скармливала ее птенцу.

Цой расслаблено выдохнул и вернулся на дорогу. Теперь можно быть спокойным и ничего не бояться - хищная птица наверняка изловила всякое существо в округе, представлявшее угрозу потомству и скормила ему же. Искатель для нее слишком жилист.

Шел дальше вдоль давно несуществующего городка. Хотя искатель убедил себя: теперь город есть, ведь он нанес его на карту и тем самым оживил. Осталось назвать. Но на ум ничего не приходило. Безымянный город, население - Цой и иглаптица.

Не удержавшись, решил войти в один из домиков, приглянувшийся ему особенно сильно. Даже будучи почти полностью заросшим, дому необъяснимо удалось сохранить частички того непередаваемого уюта, сотворенного прежними хозяевами. Цой подошел к двери, - даже не скрипнула - сразу сорвалась с петель, когда попытался открыть; искатель подхватил чахлую дверь и осторожно уложил на плотную зеленую траву, затем живо огляделся - никого не потревожил, не привлек внимания, словом - ничего, все выглядело умиротворенно, тихо и покинуто.

Внутри встретили облупленные стены, позеленевшие много времени назад и давно покрывшиеся неизменным всепоглощающим мхом. В следующей комнате обои; какие-то оборваны, какие-то, отклеившись, свисали со стен, похожие на высунутые от жажды языки калобов. В другой - облупилась штукатурка. Подумал, от стыда за то, что предстала перед ним

в таком непотребе. Ну не бред, а? Долгие недели одиночества в Каторге и не такое с человеком делали; порой, казалось, обыкновенный листик, болтавшийся на ветке от ветерка, взмахивал в приветствии, желая начать разговор.

Пол под ногами не скрипел, низкая трава глушила звук, прогибаясь под весом искателя, издавая еле слышимое потрескивание. Он неспешно брел дальше, осматривая одну комнату за другой, стены, в надежде найти хоть какую частичку, оставленную давно умершими жильцами, и нашел - фотографию за мутным стеклом, едва уцелевшую, почти целиком выцветшую, чудом сохранившую радостные очертания лиц запечатленных на ней людей; их улыбки. Осторожно извлек фотографию из деревянной рамки, которая буквально развалилась в руках. Присмотрелся. Поначалу взгляд зацепился за женщину, следом за мужчиной, а только после, посмотрел на детишек, которых обнимали родители. Малехонькие совсем, лет, может, шесть или семь.

Хорошая семья, подумал Цой, глядя на снимок и представил, как маменька помогала детишкам собираться в школу, целовала их в лобик, прежде чем отпустить. Образы необъяснимо возникали в голове. Чувственно и с трепетом провел грубыми пальцами по поверхности фотографии, будто пытался ощутить тот воображаемый момент, когда женщина, встав, наверное, еще до восхода солнца, приготовила детям и любящему мужчине завтрак. Представил как они, все вместе, безмятежным солнечным утром сидели за обеденным столом, бесконечно счастливые, улыбающиеся и завтракали, готовые прожить еще один счастливый день под ясным солнцем, не представляя того, каким станет их дом без той любви и чувств, творившихся между ними.

Бережно сложил фотографию вдвое и сунул в кармашек рюкзака. Судя по редким уцелевшим снимкам, которые находил в своих странствиях, по бесконечно счастливым и улыбающимся лицам на них, искатель заключил, что люди Старого мира жили в полной идиллии. Они не знали ни бед, ни ненастий, как не знали, пожалуй, и боли, что ежедневно приносила Каторга. Им не приходилось бороться за собственную жизнь, сражаясь, добывать еду. Ничто не вынуждало сегодня думать о том, как выжить завтра, а завтра о том, как уцелеть послезавтра. Как, наверное, хорошо им жилось, думал он, не представляя того, как сильно заблуждался.

Спускалась ночь. Опасное время, но не сегодня. Не тогда, когда в частично развалившейся высотке свила гнездо иглаптица. Цой решил заночевать несколькими ярусами ниже, под ней. Случись чего, под собственным гнездом она искать не станет, да и велика была слишком для беготни меж этажами.

Обычно Цой не заходил в здания подобные этому, опасаясь обвала. Так случилось однажды, его завалило. Два дня и две ночи с трудом выбирался из-под обломков, где ему посчастливилось обнаружить первый, чудом уцелевший снежный шар, подаренный Аде. Но сейчас все иначе - раз уж иглаптица решила обустроиться здесь, то, как минимум в эту ночь ничего ужасного приключиться не могло - приключилось нечто другое, совершенно необычное и необъяснимое.

Ночи за пределами Домов помимо того, что порой оборачивались страшной пыткой, казались несравненно продолжительными, будто тянулись десятилетиями. Даже Цой, проживший вне стен Баззарра гораздо дольше, чем за ними, все равно их не любил и наверняка никогда не полюбит. Здесь не было тех прочных укреплений, которые позволяли полностью расслабиться и спать без задних ног, не тяготя себя мыслями о том, что в любой момент ты можешь стать добычей. В результате за время, проведенное в вылазках, Цой научился спать сидя, стоя, даже вниз головой, если потребуется, но сон здесь нельзя было назвать сном в полной мере. Скорее, полудрем - не просыпаешься, но и не засыпаешь, как следует, ведь Каторга никогда не спит и

ты не должен. Так всю ночь и играешь в гляделки со смертью. Кто быстрее расслабится, тот и проиграл. Природа никогда не проигрывала. Искателя порой не покидало странное ощущение того, что она с особой жестокостью, безустанно всем за что-то мстит.

Еще до наступления кромешной темноты, Цой забрался достаточно высоко на полуразрушенное здание, где свила гнездо иглаптица. Подыскал крохотную комнатенку, окруженную тремя частично обвалившимися, но все же стенами, четвертой стены не было вовсе, она давно канула в небытие, и потолок сохранился частично; ровно настолько, чтобы скрыть искателя от зорких глаз хищной птицы и сохранить отличную панораму сгущающихся красок ночного неба.

Расположился в углу, сняв рюкзак и накидку из бесей шкуры, которую обычно скручивал и укладывал под голову. Выложил Лялю-Олю - два клинка, обнаруженные им в странствиях - акидзаси и атана, так они назывались, именно так было указано на изничтоженной временем части таблички, что лежала неподалеку, похороненная насыпью камней. Уложил рядом с мечами Ататашку и проверил автомат; магазин на тридцать патронов ровно, как и три месяца назад. Цой легонько оттянул затвор, механизм работал гладко. Он быстро научился разбирать автомат и периодически обрабатывал детали маслом, которое добывал из обломков Обелиска, иногда встречавшихся на пути. Искатель наполнял маслом и ножи Ляли-Оли, давно отметив, как дерево под воздействием масла становилось прочнее. Судя по всему, на металл оно оказывало схожее влияние, увеличивая износостойкость и придавая стали темный оттенок.

Первым делом вынул Лялю - клинок выскользнул из ножен с еле уловимым свистом. Достав из кармашка рюкзака клык беса, искатель, придерживая клинок одной рукой, начал медленно водить своеобразным оселком по части черного лезвия возле острия, плавно подбираясь к рукояти. Занятие не терпело спешки и суеты, Цой выполнял ритуал с особой тщательностью, поскольку от состояния клинков, автомата, и остальной экипировки зависела его жизнь. Да и спешить-то особо некуда.

Продолжал доводить и без того острые лезвия Ляли-Оли до бритвенной остроты, наблюдая за тем, как темнело ночное небо, как загорались звезды и показался белоснежный диск луны. Луна, как и все ночи до этого, предстала во всей своей уродливой красе, совсем не такая, какой он видел ее на найденных фотографиях, уцелевших страницах журналов; по ней будто толстопард приложился, исполосовав шар с характерной неукротимой яростью, оставив ужаснейшие выщерблены и глубокие кратеры, отбрасывающие длинные и не очень тени. А вот звезды в отличие от Луны совершенно не изменились, разве что горели ярче - в ночном небе ни облачка, они уплыли куда-то за горизонт - только мерцающие точки и черная пелена, застелившая все вокруг, словно решето, нарочно неважно скрывающее за собой иной, дивный мир, сотканный исключительно из света и тепла.

Так и сидел, облокотившись спиной о стену, глядя на прямые линии Обелиска, поблескивающие в холодном свете уродливой луны, на пугающее кристальной чистотой небо и тысячи сияющих на нем звезд. Сидел, дожевывая солоноватый паек и гадал: чего этим, с Обелиска, там, наверху, не сиделось? Это же надо при таком количестве огоньков умудриться стукнуться именно о Землю и все тут поломать. А может ерунда это и в действительности людям Старого мира здесь наскучило, и решили они непременно попасть в лучшие миры, но как-то не смогли, где-то промахнулись и не попали? Цой осознавал непостижимую глубину глупости своих мыслей, понимая, что никогда не узнает правды, не познает истины. Да и зачем? - знания эти уже ничего не изменят, никого не спасут.

Занятый бестолковыми мыслями, не сразу заметил, как вечно молчаливое небо разродилось

низким свистящим звуком. Цой выхватил Лялю-Олю из ножен и вскочил совершенно беззвучно. Остановившись у самого края с криво торчащими арматуринами, сосредоточил все внимание на черном небе, стараясь вобрать глазами как можно больше нескончаемого пространства.

Свистящий звук нарастал, но разглядеть по-прежнему ничего не удавалось. Неожиданно свист дополнился глухим, пробирающим до костей гулом; Цой моментально установил источник звука - Обелиск. Он не был уверен, но, кажется, слышал доносившееся дребезжание массивных черных стен, а секунду спустя уловил, как содрогнулась земля, задрожало здание, а следом иглаптица боязливо крикнула, засуетившись в гнезде. Цой пригнулся, впервые за долгое время почувствовав страх неизведанного, тело будто наполнилось пустотой, нутро провалилось, искатель ощутил неприятную дрожь в коленях, которую сиюминутно подавил. Вибрация усиливалась, а гул нарастал, становился всепоглощающим, и на долю секунды воцарилась абсолютная тишина, резко прервавшаяся тремя оглушительными хлопками - Цой даже вздрогнул - и из мрачной громадной конструкции Обелиска вырвались три сферы, одна из которых, ярко вспыхнув, растворилась во тьме почти сразу, а две оставшиеся устремились ввысь. Цой, не отрывая взгляда, заворуженно и восторженно наблюдал как сферы, заливая все пространство вокруг себя ослепительным белым светом, воспаряли в непроглядную пучину темноты и где-то там, в месте, которое не удавалось разглядеть, вспыхнули ярко-синими огоньками.

Свистящий звук, рассекший небо сменился ревом и Цой наконец заметил падающий объект цилиндрической формы. Сферы сбили его в воздухе. Пылающее тело неотвратно устремилось вниз. Искатель провожал его взглядом, видя, как быстро оно теряло высоту и несло над землей, задевая кроны высоких деревьев, а столкнувшись, вырывало их с корнем, а от тех, что устояли, оставались лишь тлеющие угольки.

Цой не верил своим глазам; никогда в жизни не видел ничего подобного, но не позволил себе поддаться замешательству. Безошибочно определил место крушения, находившееся в четырех днях ходу, может больше, если возникнут трудности. Упало небесное тело на юге, с той местностью был хорошо знаком, ходил там раньше. Единственное чего опасался, так это Обелиска, придется пройти совсем рядом, если он хотел оказаться на месте первым, а он очень хотел, скорее, жаждал добраться раньше остальных. Ему непременно хотелось выяснить, что вдруг спустя столько лет ниспослали небеса. Обход Обелиска занял бы слишком много времени, да и свет от случившегося мог не заметить разве, что слепой, но и тот бы услышал. Не радовало и осознание того, что вновь повстречается Перевал, гнусный и крайне опасный перешеек по пути на юг. Поутру хотел дожидаться, пока иглаптица улетит на охоту, а затем пробраться в ее гнездо за перьями - они жутко острые, ими можно бриться или незаметно разрезать пруты, как однажды случилось с Цоем при побеге из Каземат. Но ждать было нельзя. Прежде необремененный временем он понимал, что наверняка являлся не единственным свидетелем случившегося.

Минуту спустя был готов: проверил флягу с мочой беса, надежно закрутив железную крышку, уложил Ататашку в ранец, который перекинул через грудь. Пихнул между ранцем и спиной Лялю-Олю рукоятями вниз под левую руку и, беззвучно покинув здание, не потревожив иглаптицу и ее птенца, отправился в путь.

ГЛАВА 5

Двигаться ночью, почти в слепую, опираясь на максимально напряженные чувства и редкие проблески лунного света - то еще удовольствие. Цой шел то быстрее, то медленнее, иногда,

абсолютно уверенный в собственной безопасности, позволял себе ускориться до бега. Периодически останавливался и растворялся в бесчисленном множестве деревьев, скрывавших за непорочно-густой шелестящей листвой ночное небо, и впивался взглядом в окружающий мрак, убеждаясь, что ничего не выскочит из темноты и не сделает его добычей. Благо, хищников, как и людей, ночью одолевал сон, а большинство тех, чьим временем была сама ночь, надежно отпугивала бесья моча. Она сильно облегчала путь. Цой был одним из немногих, если не единственным обладателем этой жидкости, поистине великолепной в своем тошнотворном, противном запахе и пользовался сей хитростью с превеликим удовольствием.

Меж бессчетных стволов деревьев, в сотне метрах от него раздался протяжный вопль. Следом еще один. Крики отчаяния принадлежали двум искателям Черни, которых Цой заметил несколько часов назад. Все это время они шли впереди, не подозревая о его присутствии. Цой замер на полусогнутых ногах, максимально сосредоточившись на звуках, закрыл глаза - даже свыкшиеся с темнотой они могли подвести.

Судя по доносившемуся улюлюканью, двум искателям не посчастливилось наткнуться на самку лунатика. Тварь эта, как уяснил Цой на собственном малоприятном опыте, совершенно не различала запахов. Хотя, наверное, различала, конечно, но как-то по своему, по-лунатьему. Это зачастую ее и губило, но не сейчас. Сейчас лунатище своими длинными, похожими на скрученные ветки костлявыми лапами сгубит двоих человек. Помогать им Цой не стал, хотел, но было поздно. Даже если кто уцелел, раненый на просторах Каторги - все равно что мертвый. А вот убить лунатицу Цой мог, не собиравшись, но пришлось, - могла осложнить путь до упавшей звезды и допустить подобного он никак не мог.

Закрыв флягу, чтобы случайно не спугнуть тварь ночи, и воспользовавшись тем, что казавшееся неуклюжим высокое чудище больно увлеклось расправой над искателями, без особого труда обошел со спины. Достал из рюкзака ягоду кровоглаза размером с яблоко, собранную ранее. Их лунатица любила особенно сильно - ядовитый плод, смертельный для людей, сносил ее напрочь, но не убивал. Наверное, думал Цой, это как упиться гоним до беспомощности. Надрезав ягоду Лялей, швырнул ее под лунатицу; та продолжала играючи вонзать заостренные конечности в искателей, уверенно превращая их в решето. Учув любимый аромат ягоды, вмиг забыла про бездыханные тела и ринулась вынюхивать, а найдя, резво проткнула ягоду лапой и слизала широченной пастью, точно с шампура. Мгновение спустя худошавые длинные ноги чудища, непропорциональные коротенькому туловищу покосились. Лунатица, издавая шипящие звуки, свалилась на землю, ритмично постукивая двумя рядами острых зубов и затряслась, всем телом отстукивая чечетку.

Наступил экстаз.

Цой осторожно подобрался ближе, стараясь не задеть вытянутых конечностей, и хладнокровно вонзил Лялю в продолговатую лобную часть. Бледное тело лунатицы незамедлительно обмякло, погасли фасеточные глазки в овальных глазницах.

Осмотрел убитых мужчин, лунатица славно развлеклась; на изуродованных, исколотых и окровавленных телах живого места не осталось, а ничего пригодного для использования и подавно. Лунатики одни из немногих тварей Каторги, что убивали без особых причин - убивали просто потому, что могли. А вот мертвая лунатица еще в состоянии принести пользу, точнее - острые клыки, торчащие из челюстей, сродни сосулькам, свисавшим со свода ледяной пещеры.

Яблоком эфеса Ляли искатель ловко выдолбил из широкой пасти каждый из сорока семи зубов и уложил в рюкзак. Острые продолговатые зубы пригодятся Лису, он делает из них «звезды» -

разрывающиеся бомбы.

Нужно спешить - запах крови, разнесенный ветерком, сродни колоколу Баззарра, созывающего жителей на трапезу; быстро привлечет хищников. Теми частями тел, что не съедят обитатели ночи, утром полакомятся охотящиеся при свете дня, но Цой прекрасно понимал - уже через час после его ухода от искателей не останется и следа. Такова их участь. Умираешь, и о кончине твоей начинают задумываться неделю спустя, а через две, если искатели не возвращаются, все окончательно уверяются в их смерти, унося таблички с именами к столбу отмучившихся.

Искатели всегда ходят парой. На просторах Каторги необходимо постоянно быть начеку, готовым к опасностям, это основополагающий фактор выживания. Особенно в ночь; один отдыхает, второй бережет его покой и наоборот, и так из раза в раз, изо дня в день, из ночи в ночь, пока не откажешься или не умрешь. Но отказывались редко, почти никогда, в основном, умирали. Искатель - тяжкая ноша, но вместе с тем и приятная, но приятная конечно реже и справляться с ней в одиночку - проявление истинного мастерства, достигаемое единицами. Жители Домов любят и ценят искателей; порой угощают всяким, когда исключительно из доброты, когда в надежде на то, искатель прихватит им какую безделушку из Каторги, оставленную Старым миром. И ведь приносили.

Цой шел дальше, деревья редели. Холодный лунный свет просачивался больше, щедро освещая укрытое ночной мглой окружение. Отовсюду то и дело доносились дивные и одновременно ужасающие звуки тварей, пробудившихся от гула и тряски, вызванной Обелиском. Им, как и Цою, оно тоже в новинку.

Поразительно, не переставал удивляться Цой, столько времени Обелиск стоял совершенно неживым, и тут, на тебе - в раз взбаламутил всю округу. Должно быть, далеко не все покинули его стены после Крушения и там, внутри, ютилось нечто живое, - быть может, оно и выпускало зиму. Обелиск ведь не мог существовать сам по себе, без чьего-либо присмотра, это казалось Цою невозможным. Но больше всего терзали мысли о том, что разбилось о землю, что находилось внутри и находилось ли что-нибудь вообще. Неведение распирало искателя изнутри, вынуждая ускоряться. Как сложно было сохранять ритм, идти осторожно, как и всегда, стараясь не навлечь беды. Он шел, минуя опасности, оставляя их позади; обошел норы землероев, худощавых низкорослых обезьяно-подобных монстриков, любящих сырую, промозглую землю. Избежал кладки яиц каанаконд, громадных смертоносных змей, порою достигавших тридцати метров. Их яд считался самым сильным, но не особо мучительным, не убивал жертву, а моментально ее парализовывал, убивала каанаконда сама; обвивалась вокруг жертвы и душила, наслаждаясь треском ломающихся под натиском костей, но добыча погибала без боли, потому как яд давно лишил ее всяческих чувств.

Цой одолевал километр за километром и совершенно не чувствовал усталости. Неожиданно вспыхнувшее любопытство наполняло его неиссякаемой энергией, он почти забыл какого это, встречать в землях Каторги что-то неизвестное, уникальное и вот, годы спустя, разум вновь мечется в безуспешных попытках предугадать, что обнаружит, добравшись до места. Нет, Цой не чувствовал усталости, ощущал лишь неутолимую жажду новых открытий.

И не он один.

Кто-то брел западнее, неподалеку. Цой плавно замедлился и с каждым новым шагом, будто сливался с дикой местностью, растворялся в ней, становясь абсолютно невидимым. Он знал, как правильно передвигаться, не издавая лишнего шума, когда и у какого дерева остановиться, чтобы случайно подувший ветерок не донес его запах до неприятеля. Цой двигался так, как,

наверное, двигалась бы сама Природа, будь ее физическая оболочка изящнее, не столь пухлая, как Земля. С людьми работало безотказно, а вот со зверями - далеко не всегда. Если бы не смертоносные чудища с Обелиска, Цой наверняка был бы самым опасным охотником Каторги, или лютым хищником, заключенным в человеческое тело, но если бы не чудища, он никогда бы не стал тем, кем являлся сейчас. Вот и гадай теперь: благодарить Обелиск или ненавидеть.

Выждав достаточно и пустив неизвестных вперед, Цой напал на след; судя по их числу, перед ним шли четверо мужей, довольно крупных, если верить глубине оставленных на земле отпечатков, от ста тридцати до ста пятидесяти килограмм, а один весил почти сто семьдесят, но вероятнее всего нес что-то, может, добычу. Это не могли быть искатели - слишком велики, да и в четвертом они никогда не ходили, возможно, отряд собирателей - у них сильные и рослые нарахват, но грузеный из них только один, а собиратели стараются распределять груз поровну, значит, не прав и впереди шли не собиратели. Бездомные, заключил Цой, зарубили какую дичь и тащат в лагерь. Окончательно убедился в правильности догадки, незаметно сократив расстояние между ними настолько, что удалось расслышать гогочущие голоса и смех, уловить их удушливый смрад.

«Совсем дурные, - подумал искатель, - напроць, бивни, страх потеряли, в ночь так орать. Не к добру...»

Четверо здоровых детин, облаченные в изношенную одежду, обшитую обрезками плотной кожи, поверх которой крепились железные щитки вдруг притормозили - его заметить не могли, исключено. Один из них, тот, что нес на бугристых плечах тушу кабана, как-то особенно недовольно ворчал. Их бормочущей речи Цой, как не старался, разобрать не мог; ему порой казалось, что и они редко себя понимают. Только когда глядишь бездомному в его налитые яростью глаза, понимаешь, что ничем хорошим встреча не кончится и без смертей не обойдется. Да и окрас их внушал страх: черствая кожа, измалеванная в цветах леса должна служить маскировкой, но если только от людей - запах человеческого тела, аромат плоти, столь любимый хищниками невозможно перепутать ни с каким другим.

Продолжал наблюдать за дикарями, покусывая стружку локи - кисленькую травку, что бодрила организм и отгоняла подступающий сон. Бездомный с облегчением скинул с плеч тушу: решили устроить привал.

Цой осмотрелся, заподозрив, что место выбрано не случайно, однако все выглядело довольно естественно, разве что листва, застелившая землю, казалась немного необычной, но немалое расстояние между ними исключало угрозу.

Трое других разошлись в разные стороны.

Искатель инстинктивно предположил, что дикари вычислили его и не вызывая подозрений пытаются окружить, но это маловероятно. Умом, как и смекалкой, варвары славились не шибко. Бесповоротно Цой убедился в их слабоумии, когда те трое вернулись, держа в руках собранный хворост, и принялись разжигать огонь. В глуши Каторги, посреди ночи - идея не из лучших.

Подкинули сухих веток, и пламя с треском взвилось вверх. Костер, словно крохотный островок, окруженный непроглядной водной пучиной, приютил дикарей у своих залитых теплым светом берегов и рослый варвар, чье тело обрамлял оранжевый свет огня, величественно возвышался над побежденной тушей. Сняв с пояса жестяную банку с маслянистой жидкостью, мужик принялся смолить кабана.

Протяжно скулил ветерок, поигрывая опавшей листвою. Трое других расселись у танцующего костра и пока их тянущиеся тени плясали и тряслись на земле, там, в темноте за их спинами вспыхнула крадущаяся пара зелененьких глаз. Следом еще одна, а дикарям хоть бы что - они не могли их заметить, восторженно наблюдая за тем, как один варвар бормотал что-то особенно возбужденно. Он сидел, скрестив ноги и вождественно глядя наверх, водил по воздуху могучими ручищами, ощупывая воображаемое женское тело. Резко дернул руками на себя и заржал, широко разинув рот; двое других ликующе подхватили ор, и голоса их слились, обернувшись грохочущим гогогом. И пока они, схватившись за животы, разрывали глотки завывающим хохотом, хищные, переливающиеся ртутью глаза подбирались все ближе и, наконец, замерли, притаившись, готовые напасть.

Цой облокотился о дерево, предвкушая картину быстрой расправы над бездомными, которая займет хищников и позволит ему отправиться дальше. Едва успел уловить низкое рычание, как раздавшийся звучный, дико угрожающий рев встряхнул варваров с места. За горевшими зелеными огоньками глаз показалась густая угольно-черная шерсть теневолка. Дикари вскочили на удивление быстро и лишь тогда, когда из-под лиственной трухи выскользнула прочная колючая сеть, поймавшая зверя, Цой осознал, как заблуждался - варвары хорошо подготовились; настолько, что тот, растирающий тушу мертвого кабана, лихо развернулся и метнул топориком точно в голову второго теневолка, выскочившего следом. Фаска угодила хищнику аккурат меж глаз, но не убила ярость, что закипала внутри. Зверь с томагавком во лбу, низко прорычав, накинулся на одного из дикарей, но тот, ловко вырвав топорик из башки твари, увернулся и с размаху вдарил по животному шипованной дубиной, прибив к земле. Двое других, не мешкая, вонзили в хищника металлические копыя, и поспешили погасить огонь.

От довольной улыбки длинные, переплетенные в косы и окованные железными подшипниками свисавшие усы на лице рослого варвара разъехали, точно кулисы на сцене, и он, несколько раз, как бы в благодарность, постучал тушу кабана по брюху, а затем направился к зверю, увязшему в подвешенной ловушке. Теневолок низко завывал от боли, что причиняли острые шипы, впившиеся в плоть и изрезавшие ее почти полностью; черная шерсть слиплась от обилия густой крови. Бездомный подошел ближе, просунул руку в сеть и грубо ухватил ослабшего зверя за морду, оттянул и вонзил изогнутый кинжал прямым в челюсть, повернул его с хрустом и вынул. Больше варвары не смеялись и не шумели, не разжигали огней - понимали, - могут не пережить еще одного нападения, потому как теперь не готовы к нему и возможно, совсем близко есть еще одна пара, или, того хуже - стая теневолков. Тихонько распутав сети, взвалили убитых хищников на плечи, присыпкой пылицы перебили запах крови и ушли прочь.

Цой отправился дальше несколько позже, убедившись, что никто не вернется. И кольнул себя, ведь недооценил хитрости и коварства дикарей. Искатель удивился слаженности и четкости их действий, давненько искатель не встречал подобного представления в Каторге и отдал варварам должное, мысленно восхищаясь их подготовкой.

ГЛАВА 6

Стрелка компаса на кожаном нарукавнике предано указывала на север, а Цой, все дальше удаляясь от него, продолжал свой путь на юг - навстречу упавшему космическому телу. Почему-то решил прозвать его Искрой; может потому что она вспыхнула в нем давно угасшим влечением, как искры вспыхивают огнем, так и она вновь пробудила вкус неизведанного.

Деревья давно расступились, уступив место просторной полянке, уходящей за горизонт, от которого тянулись мрачные предгрозовые тучи, почти полностью заслонившие собой яркое

солнце.

Искатель шел навстречу гроздьям облаков, понимая, что вот-вот нагрянет сильный ливень; его вода, некогда служившая источником жизни, обернулась угрозой для всего человеческого - просачивалась и взламывала швы зданий, построек, разрывала их изнутри, медленно, но верно превращая шедевры архитектуры в блеклые, осыпающиеся надгробия былого людского величия. Старый мир, - его уносило ветрами, смывало дождем.

По небу накатывали отдаленные раскаты грома. Искатель знал, как совсем скоро все здесь будет греметь и сотрясаться. Ревущие ветра, словно табун скакунов пронесут за собой тучи, а за ними бурю, точно клубы пыли. Но он не боялся грядущего, напротив, очень хотел, сильно ждал - ведь он сделан не из бетона и железа, он соткан из кожи и плоти, и вода, даримая небесами ему не страшна, она несла жизнь, свежесть, чистоту и ощущение непередаваемой свободы.

Разделся догола, надежно завернув добро в накидку из бесьеи шкуры; она не промокнет под сильным дождем, не позволит промокнуть вещам.

Огоньки вспыхивали над ним там, высоко, в глубине грозовых туч, затянувших небо; и грянул гром, а после, как он поутих, послышался едва уловимый шум - стена дождя обрушилась на землю. Капли врезались и разбивались о жилистое тело искателя. Он, полностью нагой, вымоченный осадками, запрокинул голову и распростер руки, наслаждаясь омывающим прохладным ливнем; вода смыла хмурость с сурового лица, принесла с собой блаженство. Втирал в себя падающую с небес влагу, а когда облака рассекала молния, и по небу прокатился очередной рокот грома, искатель тенором закричал ему вслед и рассмеялся, отрывисто, сдерживая себя, а потом, дав волю желаниям, закричал еще, уже гулким, радостным басом.

Стоял один на просторной поляне окруженный бушующим ливнем и только им одним, ловил языком прохладные капли. Звери и чудища попрятались в страхе перед гневом небес, а искатель не боялся, больше нет.

Около десяти минут Цой тешился проливным дождем, наслаждаясь каждым мгновением, каждой упавшей каплей, ощущая, как вода насыщала бодростью, чувствовал, как тело, словно теряя всякий вес, становилось легче, он будто парил над промокшей землей. Нескончаемый шум ливня окутал все вокруг сырой прохладой и туманной дымкой, а поодаль кроны деревьев склонялись под ревущими ветрами, а за ними величественно возвышались непоколебимые скалистые горы, между которыми обрывистой дугой тянулся перешеек - Перевал, самый опасный участок по пути на юг. В обычный день Цой обошел бы и его, затратив много больше времени, но день был далек от обычного - упавшая Искра, ее секреты ждали его там, за угрозами Перевала.

Оделся. Больше всего времени отнимали бинты бесьеи кожи; на обмотку тела уходило около пяти минут, но затраченное время оправдано сполна - множество раз шкура уберегала и спасала от глубоких порезов, рваных ран, а вот одежду приходилось менять чаще, она не могла похвастаться подобной прочностью. Покончив с обмоткой, искатель с легкостью облачился в широковатые штаны, которые затянул лентами, нарезанными из той же бесьеи шкуры, теперь сидели плотно и вряд ли за что-нибудь зацепятся; штаны, изувеченные множественными заплатками и швами, заботливо и очень аккуратно сделанные Адой, давно выцвели и поблекли.

Гром продолжал греметь, но уже не сильно, скорее лениво и как-то устало, но Цой знал: пузатым тучам мало - они не угомонились и это далеко не конец.

Он был почти готов. Влез в шнурованные ботинки, затянул туго, а на когда-то белую, но теперь желто-серую майку накинул исхудавшую кожаную куртку с металлическими набивками у плеч и предплечий, не сразу застегнул непослушную молнию, а поверх куртки - безрукавный бесий плащ. Перекинул рюкзак через грудь, ощупал перетянутые кожаными шнурками рукоятки Ляли-Оли и пустился в путь.

Лучики солнца, озорливо проглядывающие сквозь мрачные облака, столбиками теплого света заливали части полянки, а неугомонный ветер, погоняя зеленую траву, уверенно сгибал ее над землей. Все вокруг налилось приятной бодрящей прохладой и тишиной. После бури всегда делалось тихо, да настолько, что становилось страшно. Во всепоглощающей тишине искатель шел один-одинешенек, а вокруг ни души; он не позволил себе загрустить, окруженный девственными и неповторимыми красотами, живо прогнав мысли об одиночестве. Цой искренне верил: наступит день, и человек вновь обретет власть над миром, ему вновь покорятся природа и дикие звери, он будет как прежде ступать по земле с гордо поднятой головой, не ведая страха, не зная препятствий, свободный ото всех границ. Верил и в то, что придет день, и автомобили охватят все дороги, а не одну единственную Вену - широкополосную трассу, по которой гоняют добро между Семью Домами. Как раз тогда он услышал протяжный устрашающий гудок и моментально узнал сигнал одного из тягачей, колесящих по Вене.

Воспользовавшись биноклем, углядел несшийся по трассе автопоезд, состоявший из модифицированной в угоду Каторге кабины, прочно сваренной с цельным железным кузовом и двухостным полу-прицепом-шасси. Арочные шины трех равномерно разнесенных пар колес, казалось, пожирала лопастями искореженный выщербленными асфальт, а из-под брюха на дорогу клубами пара исторгалась отравляющая сорняки, неустанно пытающиеся застелить зеленоватой пеленой всю Вену.

Судя по блеклому красному окрасу, сигналивший в гудок грузовик мчался из Мяснинска, но далеко не краска позволила сделать подобный вывод, а черепушка беса, чья прочная кость защищала кабину и капот. Из ноздрей посаженного на кабину черепа, подобно усикам насекомого, тянулись металлические прутья, оканчивающиеся подожженными покрывками, извергавшими черный смог - их вид, как и гнусный тяжелый запах надежно отпугивал всякое зверье. За исключением, пожалуй, бездомных, - их необъяснимо тянуло грабить караваны, - как обязательство, слепая необходимость, без которой их существование будто бы теряло всякий смысл, но из раза в раз их настигала неудача, потому как четверо оборонителей, занявших позиции в дотах с пулеметами на кузове не давали никому спуска. Тягачи оснащены оружием Старого мира почти так же хорошо, как и семь Домов и под завязку забиты боеприпасами, производимыми Чернью, поскольку довольствие, перегоняемое тягачами - ключ к выживанию Домов.

Немая улыбка проплыла на лице искателя. Цой знал водителя тягача; его звали Газ, а уж Газ был знаком с искателем давно, потому как черепушка, украшавшая кабину его грузовика, принадлежала бесу, тому самому, убитому Цоем. Три группы собирателей во главе с искателем неполную неделю волокли через непроходимые джунгли побежденное чудовище к Мяснинску, где мясники окончательно расправились с телом, оставив отлично обработанные кости в качестве трофея. Газ получил черепушку в награду. Считался самым матерым водителем Вены и колесил по ней столько времени, сколько каторжники обычно не живут.

Цой вынул из ранца «лампу», с виду напоминавшую миниатюрный воздушный шар, дернул за веревочку, как за хлопущку, тем самым поджег корзинку. Вспыхнувший огонек раздувал купол, и лампа медленно поплыла вверх, а оказавшись метрах в десяти над землей, вспыхнула ярким красным огоньком. Последовало два коротких гудка, - Газ заметил сигнал.

Увидев Цоя, неспешно вышедшего на дорогу, тягач не остановился, но сбросил скорость, позволив искателю ухватиться за поручень, вскочить на ступень, открыть массивную дверь и юркнуть в кабину.

- Здоровеньки! - бодро поздоровался Газ, ухватив Цоя за руку, и втянув его внутрь. Искателя приветствовал не только водитель, одетый в серый комбинезон с лямками, поверх которого была накинута потрескавшаяся кожаная безрукавка, но и каждая из тридцати трех икон, уставленных в несколько рядов на приборной панели. Газ, разумеется, не был приверженцем староверов, коих почти не осталось, ему просто нравились неопишуемая красота и детализация иконок самых разных размеров, и то, как они поблескивали согревающим светом в ясные дни. Этого Цой не отрицал, даже искореженные и избитые бесчувственным временем, иконки выглядели чудесно. Одну из икон он даже знал; ту, на которой изображен Архангел Гавриил. К несчастью, прекрасные образы святых оставались бессильными против Каторги. Оттого Цой, как и Газ, не верил в высшие силы, - за исключением тех, что рухнули с Обелиском, - да и никто особо не верил. Единственное, во что свято верили каторжники, на кого надеялись, так это на самих себя, собственные силы, знания и умения, ежедневно помогавшие им выживать.

Так и жили, с верой в себя и друг в друга. Работая бок-о-бок, делили богатства поровну.

Удобно расположившись на сдвоенном сиденье, Цой бережно закрыл дверь. Знал, как Газ ценил ласковое обращение с Зилой; именно таким странным именем водитель окрестил свой тягач.

Цой позволил себе улыбнуться и поприветствовал в ответ.

Газ выжал педаль сцепления, со скрежетом переключил передачу и плавно утопил акселератор. Зила незамедлительно отреагировала, набрав скорость до умопомрачительных пятидесяти или шестидесяти километров, во всяком случае, так показывала припадочно трясущаяся стрелка.

Газ в подозрительно-нервном предвкушении тарабанил костлявыми пальцами по штурвалу, множество раз перетянутому кусочками разного материала и проволокой для удобства, и как-то ожидающе поглядывал на Цоя, но, так и не дождавшись желаемой реакции, указал рукой на крышу кабины.

- Видал?

Цой поднял голову и заметил ставни.

- Личная модификация! - важно объявил он, потянувшись к пластинам, дернул их вниз и под лязг стали наглухо запечатал окно со стороны Цоя. Искатель несколько раз одобряюще кивнул и, неподдельно восхищенный узенькими смотровыми щелями, поджал губы.

- Толстопарда удержит! - закончил демонстрацию Газ, оттянув ставни обратно.

- Все творишь? - поинтересовался Цой.

- Все ходишь? - дружески парировал Газ, и рука с рычага скользнула к шее, надежно спрятанной за густой бородой, каштановые волоски которой напоминали скрученную проволоку. Если рука Газа не находилась на руле и не на рычаге переключения передач, она непременно находила пристанище под челюстью и привычно почесывала бороду, издавая еле слышимое потрескивание.

Цой кивнул.

Узковатое лицо водителя, обрамленное бородой и коротким ирокезом, выстриженном под протектор шины, едва ли не сияло от радости встречи.

Незамедлительно щелкнул переключателем, выключив радио, где еле разборчиво, борясь с помехами, бормотал звонкий голос Гида, и на секунду в салоне воцарилась полная тишина, сопровождаемая ревом многосильного двигателя.

Из четырех тягачей, Зила нравилась Цою особенно сильно. Непостижимым образом Газу удалось избавиться от всякого стороннего шума в салоне машины, в то время как в кабинах других тягачей все гремело и стучало, точно погремушка.

Газ потянул цепь, висевшую над дверью, у левой стойки и заставил паровозный гудок разродиться еще раз, попутно выпустив из-под днища грузовика клубы отравы. На мгновение искателю показалось, что они не мчатся по дороге, а плывут, рассекая ватные облака.

Газ редко отрывал зоркие янтарные глаза от Вены и за штурвалом - почему-то он называл руль именно так - всегда был максимально сосредоточен, но это не помешало на секунду взглянуть на Цоя таким многозначительным взглядом, что тому показалось, будто водитель знает его самую страшную тайну.

- За Перевал идешь? - не скрывая энтузиазма, спросил Газ и вернул жилистую руку, увязанную кожаными фенечками на штурвал.

Искатель кивнул.

- Вспышки вчера видел?

- А как же! Все видели. Мы как раз Мясникам доволь завезли, в свистопляски пуститься думали, пока нас на Догму грузить будут, а тут этот черный хер как затрещит! Как в небо выпалит! Как земля задрожит! - Газ вдруг хохотнул. - А Зиг? Зиг так вообще все портки засрал! - плечи водителя затряслись в беззвучном смехе.

- Еще кто пошел, не знаешь? - поинтересовался искатель.

- Да кто пойдет-то? - в искреннем недоумении ответил Газ. Откинул козырек, откуда выкатилась самокрутка, и ловко поймал ртом. Закурил. - Мы сами чуть не обосрались. Ну, мож из Каземат или Гона пара-другая отбитых и найдется, а из Догмы никто не сунется, штурвалом клянусь! - пыхнул дымом. - На кой оно сдалось, смотреть, что там опять на наши головы свалилось, а, Цой? Не... нахер, - водитель отмахнулся так, словно вокруг него кружилась тучка назойливых мух, - на-хер!

Цой кивнул в немом согласии. Действительно, для многих жителей Домов идти и выяснять, что в очередной раз обрушилось на землю, было риском совершенно неоправданным и ненужным. Проще сидеть за высокими стенами и ждать, - рано или поздно оно даст о себе знать, а может и нет, на что многие и уповали. Он понимал страх каторжан, но сам ему поддаться не мог - непозволительная роскошь. Цой - искатель, и узнавать о том, что творилось на просторах Каторги его работа, работа в которой он, по мнению многих, был лучшим.

Сверху вновь донеслись отголоски грома, и совсем скоро по Зиле застучал дождь; хрустальные капли, разбиваясь о лобовое стекло, не успевали расплываться, как маячащие туда-сюда

дворники расплескивали их в стороны. Угловатая бежевая кость беса, укрывшая капот омывалась дождем и казалась немного белее обычного, чем и вызвала малозаметную одобряющую улыбку на лице Цоя.

- Газ машину мыть не может, Каторга поможет.

- Ой, да брось, Цой, ее моешь, а она ржавеет.

Вынесенный на переднюю панель одометр шелкнув крайним барабаном, прокрутил цифру и счетчик показал число: четыре-восемь-пять-шесть-три-два и Газ, кажется, собиравшийся посмеяться над собственной шуткой вдруг переменялся и взгрустнул.

- Немало набегала, - констатировал Цой; его счетчик иной. Водитель как-то нехотя усмехнулся, дернув плечами.

- Эт скорее не она, а я, Цой, я! Не ее это счетчик, а мой. Так и живу вот от груза до груза. Донесли, получили - щелк - и по новой. Жи-и-изнь! - протяжно и все-таки довольно проговорил он. - Мне вот скоро смену готовить, - самодовольно выпалил Газ, - девчущку подвязали уже, в Догме ждет, Евой зовут.

- Хорошее имя.

- Талантливая наверно, раз мне назначили, - сильно затянулся, чуть не закашлявшись. - Натаскаю, ух, натаскаю! - с гордостью непревзойденного наставника объявил Газ. - Лучшим перегонщиком станет, штурвалом клянусь! А ты, Цой, сам бы кого поучил, того гляди, еще отличный искатель выйдет, а?

Цой не ответил, потупив взгляд в стертый до стального блеска пол тягача. Очередной щелчок барабана счетчика километража и мысль о том, что он подбирался к месту падения все ближе, потеснила терзания о вечном одиночестве и необъяснимо согрела, наполнив тело легкой едва уловимой дрожью возбуждения.

С приближением к перешейку горы приобретали более устрашающий облик; походили на острые клыки, угрожающе торчавшие из земли. Показался и Перевал - приплюснутое сооружение, неизвестно что представлявшее из себя в Старом мире, располагалось над глубоким ущельем. Часть металлических тросов и несущих балок, некогда удерживающие массивную конструкцию лопнули, поддавшись натиску природы, и обрушили тарелкообразное строение креном. Теперь преодолеть Перевал можно войдя с одной стороны, и поднимаясь по наклонной поверхности, выйти, спустившись с другой.

Попрощавшись и пожелав Цою исправного компаса и возвращения живым, Газ сбросил скорость, позволив искателю безопасно и беспрепятственно спрыгнуть, - и Цой, точно пушинка, легко опустился на мокрый искореженный асфальт.

Ливень стих. Моросил лишь дождик, а до Перевала рукой подать, но еще не время, - к этому участку необходимо подготовиться должным образом; к нему, как и ко многому в Каторге требуется свой, особый подход, - и заключался он в тролликах, поймать которых даже самым прытким хищникам удавалось далеко не всегда. Троллики - маленькие короткошерстные зверьки с крохотным телом и непропорционально большой головой, с длинными висячими ушами; при совершенно нелепом телосложении, бегали настолько быстро, что не каждому хватало скорости угнаться за маленьким юрким спринтером. Именно за их скорость и подкупающую милую внешность, жителям Каторги полюбились зверьки; они отлавливали их и, принося в Дома Баззарра или Черни, забавы ради устраивали скоростные забеги.

Ловить тролликов сложно, но Цой, ведомый немалой долей хитринки, а не голыми инстинктами охотника, знал, на что падки троллики и как отлавливать юрких зверюшек особенно быстро.

Сойдя с Вены, направился к Перевалу. Идти становилось сложнее, местность сменялась предгорьем, высокие хвойные деревья россыпью заселили бескрайние просторы, умудрились взрасти и в горах, наверху, где их бережно окутали туман и облака, а внизу - никакой мглы, воздух чистый до скрипа.

Дождь поутих, и все наполнилось контрастом и приятной прохладой, все жило и оживало; листья растений, сбрасывая с себя тяжелые капли дождя, поднимались к небу, а те, что устелили землю под ногами, - мягкие от влаги, совсем не шумели.

Петрикор торжествовал над землей.

Бодрящий аромат благоухающих хвойных щедро заполнял пространство: тихое, немое, самый сильный звук, издавали сами троллики, шурша в кустарниках, грызя мокрую кору деревьев.

Цой безошибочно выбрал место, - аккуратная полянка в плену высоченных деревьев. Лег в самом центре, надежно засыпав тело листвой, над которой кусочками накрошил часть пайка. Троллики обожали листья грин и поглощали его с особенным упорством, а от вкуса высушенных листьев - хрустящих, подобно сухарям пайков, едва ли не сходили с ума, так нравился им вкус. Цой лежал бездыханно, в его последний рекорд, секундная стрелка сделала тысячу и сто два щелчка. Долгими годами и мучительными тренировками он достиг результата через горящие легкие, сильные боли и спазмы диафрагмы. Теперь кровь окислялась медленнее, а кровеносные сосуды, сжимаясь после того, как искатель переставал дышать, рефлекторно перенаправляли насыщенную кислородом кровь от конечностей к жизненно важным органам, - сердцу и мозгу.

Цой лежал в полном сознании, но совершенно недвижимый и бездыханный, точно мертвый и ждал. Терпение - самое важное на просторах Каторги. Лишь тот, кто научился выжидать, проживет здесь достаточно долго.

На этот раз прождал недолго, Каторга благоволила ему, потому как минут через пять на полянке, отвлекшись от коры ели, появилось сразу три троллика. Они поспешили полакомиться крошками пайка, лихо, с неопишуемой легкостью запрыгнув на тело искателя, и принялись поглощать крошки лакомства. По их энергичному чавканью и хрусту искатель слышал, с каким наслаждением и скоростью троллики грызли любимое кушанье. Но их оказалось трое, многовато; для прохода через Перевал достаточно и двух, да и рук у искателя не хватит, чтобы схватить троих за раз. Подождал пока один из зверьков, наевшись и набив щеки, унесся прочь. Подгадав момент, молниеносно ухватил сидящих, еще не успевших отобедать тролликов за длинные уши. Троллики трепыхались, попискивали. Уложил их в мешок, приготовленный заранее, и поспешил унять; миниатюрные зверьки, почувствовав грубые, но теплые руки на своих серо-зеленых шкурках, быстро успокоились и стихли.

Цой готов. Перевал ждал.

ГЛАВА 7

Перевал - все вокруг смердело псиной, и не удивительно - рассадник калобов, диких собак, чьим налитым кровью глазам ненавистен солнечный свет. Искатель стоял у самой его границы; прямо под ним тянулась полукруглая линия жаркого солнца, а впереди тень,

отбрасываемая тарелкообразной крышей строения, а за нею, - мрак; на этот раз переступил границу, не раздумывая.

Прошел не много, метров пять и остановился, позволив глазам свыкнуться с темнотой.

Белая краска на стенах давно отслоилась, оголив рыжий скрежетавший металл. Доносился и стук стальных тросов, стонавших под давлением уцелевшей части конструкции и где-то там, в глубине, калебы скреблись когтями о пошарпанный пол.

Но искатель пришел не один - безумно быстрые троллики, послушно сидевшие в мешочке, ждали своего часа. Фляги с бесей мочой могло хватить, но искатель не мог рисковать, - очень хотел добраться до Искры первым.

Цой опустил на колено, выставив вперед себя мешок с тролликами, и едва успел ослабить узел, как лихие зверьки пустились наутек, да так, что лапы сверкали.

Искатель прислушался к мраку, откуда доносились отголоски рваного лая; погоня началась - калебам будет, чем себя занять - тролликов ни в жизнь не поймают, и ему будет много легче. Еле слышно открутил крышку железной фляги, тошнотворный запах мочи мгновенно ударил в нос. Запах жидкости едкий настолько, что когда-то от него слезились глаза, но те дни давно позади. Цой привык, зловоние бесей мочи уже не вызывало никакого отвращения, он его почти не замечал. Искатель вытянул из ножен Олю и осторожно, совершенно беззвучно направился вверх по наклонной поверхности.

С момента его последнего визита Перевал почти не изменился, разве только ужаснее стал: изнутри приплюснутое строение выглядело сродни подушечке, пронизанной десятками иглолечек; то были несущие балки, при падении пронзившие конструкцию насквозь. Люди Старого мира не планировали подобного убранства, но у Каторги имелось свое видение мира, в котором почти не осталось людей.

Звук рвущейся стали эхом бродил меж торчавшими под разными углами рельсами, метался от одной скругленной тьмой стороне к другой, а всякий хлам, обглоданные кости людей и животных, ставших жертвами ужасов Перевала и беспощадного времени, дополняли не без того кошмарный антураж.

Окруженный пробирающимися до дрожи звуками искатель, осторожно ступая, брел дальше.

Впереди, в двухстах метрах красовался широченный проем окна овальной формы, демонстрирующий панораму белоснежных, пышных облаков. Амбразура, похожая на ореол из-за сочившихся лучиков света, напоминала волшебные ворота в блаженный мир без боли и мучений. Кажется, в Старом мире это чудесное место окрестили Раем, но Цой давно уяснил: если таковой обитель и существовал, ему не суждено там оказаться. Каторга - его все, целиком и полностью.

Наклон с каждым шагом делался более острым и Цой, убрав Олю в ножны, уже почти взбирался по нему, как по отвесной скале.

Позади раздался писк, заставивший лукавую улыбку проскользнуть на лице искателя; один из калебов, пытаясь догнать троллика, не рассчитал скорости и во что-то втюхался, может насмерть, а может и нет, скорее нет, калебы - живучие твари.

Уступы Цой выбивал самолично, оттого, совершенно уверенный, ловко карабкался выше не

хуже матерого альпиниста и совсем скоро оказался на самом верху; стоял на широченном проеме окна. А внизу, прямо под ним, в месте, с которого начал свой подъем, показался калеб, следом еще один. Сообразили, наконец, что искатель их вновь одурачил, и выказывали недовольство то низким рычанием, то грозным, изорванным лаем. В бездонном мраке Перевала, zenки диких собак сверкали белыми огоньками, иногда на свет показывались ужасные морды, обтянутые ломтями ссохшегося мяса, но стоило лучам солнца коснуться облезлой кожи, как калебы моментально скрывались в темноте.

Цой присел, наслаждаясь прохладой и видами юга: перед взором грозно возвышалась громадина, - Обелиск предстал во всем своем устрашающем великолепии. Черные стены приплюснутой треугольной конструкции, инкрустированные еще более черными прослойками, уходили далеко к небесам и скреблись о них там, высоко над землей. Вокруг самого Обелиска, как в невесомости, повисли куски бетонных зданий, редкие островки земли; одни побольше, другие поменьше, но все, как один - обильно покрыты зеленью. Как и почему все это застряло между небом и землей, искатель не понимал, но каждый раз дивился увиденному.

Обелиск рухнул в городе Старого мира, чье название много лет позабыто, а сам город давно служил разрушенным монументом, - еще немного и от него не останется и следа. Правда, поодаль от Обелиска, где изувеченные пласты земли сменялись уцелевшими породами, частично сохранились очертания улиц некогда большого города, с высоты напоминавшие лабиринты живой изгороди. В этих самых улочках и толпились несметные болвашки - люди, сотни их, кровоглазу упасть негде - единственные представители Старого мира, нисколько не изменившиеся за прошедшее время, стоят и рыбьими глазами отсутствующе глядят на тянущиеся ввысь километры Обелиска. Стоят так, будто ждут не дождутся от него неведомой благодати.

Цой не представлял, как удалось болвашкам столько простоять - безмолвными памятниками самим себе. Чистые, гладенькие, почти как те, на уцелевших обложках и страницах: красивые, опрятные и совершенно бездыханные. Стоят себе и стоят, и ничего их не касается. Подозревал, что состояние болвашек как-то связано с необыкновенным воздухом в округе Обелиска. Искатель называл ее Ненормальной зоной. Дышать здешним воздухом, - занятие непростое и с каждым вдохом легкие будто наполнялись мелкобитым стеклом. Ощущалась смена воздуха моментально; идешь и вроде как все обыкновенно, а мгновение спустя, дыхание перехватывает и каждый новый вдох дается все сложнее. Оттого область близь Обелиска зачастую пустовала, но стоило воздуху наладиться и Каторга распростертыми когтями готова сцапать всякого не достаточно осторожного.

Далеко за Обелиском, над зигзагами бесчисленных корон деревьев, застеливших все вокруг, возвышались Казематы - две высотки, соединенные галереями. На фоне грозного Обелиска строения выглядели совсем крохотными и беспомощными. Здания, стоявшие бок-о-бок, неустанно сторожили друг дружку от расползавшейся всюду Каторги..

Неподалеку ютились островки железобетона, - уцелевшие останки, окруженные густыми зарослями, выигравшие еще несколько десятков лет одиночества. Земля, омываемая подводными водами, обвалилась; часть города сильно опустилась вниз, а сверху развалины котлована щедро заливал столб падающей пенистой воды, шумевшей в петлявшей реке, образованной из некогда широкой автомагистрали, оставшаяся часть которой давно упокоилась под толщей водной глади.

Все человеческое жадно поглощали вода, почва и растения.

Это дикое великолепие Цой лицезрел не раз, потому сейчас все внимание обратилось на нечто

новое - тлеющий шлейф, оставленный упавшим с небес телом. Изуродованная земля, совсем как шрам на голове, деревья - одни вырваны с корнем, другие переломаны, третьи сгорели дотла, и венчалась встреча Искры и Каторги бледной точкой, от которой в небо тянулся столб густого черного дыма.

Когда увидел место крушения своими глазами, почувствовал, как по телу прошел холодок, наполнивший желанием установить истину. Цой совсем близко. Еще немного и он достигнет цели.

Закрепив карабин за страховочный ремень, ухватился за веревку и скользнул вниз. До горной породы, на которую завалился Перевал, - метров сто; это расстояние искатель преодолел с легкостью и некоторым удовольствием.

Спустившись, открыл флягу и двинулся дальше; всего несколько часов отделяли от заветной цели, и приближение к ней накладывало свой отпечаток - искатель заметно нервничал, но внешне старался оставаться спокойным.

Спешка в Каторге непростительна.

Он понимал эту истину, как никто. Но сдерживать себя, зная, что кто-то другой имел все шансы добраться до места крушения раньше - испытание не из легких.

Цой достиг и шел параллельно уцелевшим улочкам, населенными болвашками, а они, запрокинув головы, не спуская преданных взглядов с Обелиска, не замечали его вовсе. Некоторые стояли совсем нагие, в основном, женщины, это бездомные набегали, пытались отхватить причудливую одежду и заодно пощупать пышные или упругие формы давно забытого прошлого.

Удавалось далеко не всегда. Цой несколько раз наблюдал за этим действием, он не мог знать наверняка, но, кажется, подобные забеги, - некий брачный обычай: бездомный в качестве дара избраннице добывал вещь, принадлежавшую болвашке. Если не приносил и умирал, значит, не считался достойным. Женщина дикарей, как рассказывал Лис, не могла зачать от недостойного. Пожитки с болвашек срывались быстро, а вот времени на то, чтобы вдоволь насладиться телом болвашки хватало далеко не всегда. Красота некоторых пленила, и убивала. Своего рода последний свободный поход перед скреплением союза, - эта часть служила доказательством перед мужиками и не считалась обязательной. Некоторые задыхались прежде, чем удавалось подобраться; другие, увлекшись тисканьем прекрасных тел, не успевали вернуться назад; третьи так вообще вспыхивали и в мгновение ока рассыпались горсткой пепла; четвертые просто испарялись в воздухе, а кому-то везло меньше всех - их тела невидимая сила выворачивала и скручивала в ужасающие фигуры, фонтанирующие кровью.

Цой знал случаи, когда варвары пытались вытащить болвашек за пределы Ненормальной, но те, оказавшись вне ее границ, сиюминутно рассыпались в прах.

Странные обычаи нравились искателю не сильно, и без того смертей хватало. Хотя, он не видел обрядов довольно давно, наверное, потому что сам не ходил здесь уже достаточно долгое время.

Задумался и немного отдалился, почувствовав недостаток кислорода и першение в горле - подошел к незримой границе слишком близко. Не только воздух здесь необычен, но и цвета казались ярче, насыщеннее. Плющ, охвативший уцелевшие постройки, переливался ядовито-зеленым, оранжевые низкие листочки, шерстяным одеялом застелившие целиком всю

поверхность, привлекали взгляд сочно-красными ягодками, а белая кора некоторых деревьев предстала в волшебном свете, приятно слепили глаза.

Даже запах здесь присутствовал особый. Необъяснимо, но аромат Старого мира представлялся искателю именно таким: уникальным, ни с чем несравнимым, но не всюду. Особенно отличались в своих запахах болвашки; одни пахли душистой помесью чего-то такого, к чему и слов не подобрать, от других веяло необъяснимой прохладой, а злоуханье третьих Цой знал и встречал не только в Каторге, но и в Домах. Искателю нравилось то, что люди Старого мира пахли потом в точности так, как люди Нового, ну, может, чуточку приятнее. И даже это маленькое, не самое приятное сходство, вселяло в него надежду на то, что когда-нибудь все станет как прежде.

Но далеко не запахами и контрастами могла удивить округа близь Обелиска - главной ее особенностью являлась мертвая тишина, присущая загробному миру. Искатель давно уяснил, - чем тише и краше округа, тем больше опасностей таится за красотами, увлекающими глаз.

Ненормальная зона - апогей невзгод.

Но страшила она не хищниками; они, наученные горьким опытом, инстинктивно держались поодаль, хотя, порой забегали, увлеченные погоней за добычей, но никогда не возвращались, - погибали. Ненормальная убивала на каком-то другом, неведомом искателю уровне. Долгое рядом с ней пребывание сводило с ума, заставляло человека увериться в том, что он лишился слуха. Тишина, сменялась паникой, а та тянула за собой безумие. Но Цою здесь бродить не в первой и этими шалостями его уже не провести, а вот неведомой силы, что жжет, изувечивает и испаряет всякого, старался избегать и помогали в этом цветки дурума, обильно растущие вблизи Ненормальной и особенно изобильно внутри нее. Желтые, красные, оранжевые чашечковидные листья в два локтя длиной, покрытые толстым слоем напыления, - поначалу искатель бросал в них ржавыми болтами, но те быстро иссякли, поскольку носить с собой много не удавалось - весили много. Так и перешел на камешки, которые находил под ногами и швырял в цветы; если пыльца оседала быстро, то никакой опасности нет, а если замирала в воздухе или кружилась - сторонись, - беды не миновать.

Искатели и собиратели Каземат ошивались у Обелиска, рисковали собой, собирая напыление, которое затем обрабатывали парами гона, получая пыльцу, широко известную каторжанам стимулирующими свойствами. Видели бы, как искатель обращается с их бесценными растениями, - убили бы. Впрочем, несколько раз пытались, но не вышло. Со слов собирателей, долго ходивших в Ненормальной, в тишине можно услышать голоса, но разобрать в них что - невозможно. Одни говорили, это болвашки пытаются общаться, другие - Обелиск. Искатель рассказням не верил; сколько ходил - не слышал никаких голосов. Считал, им чудилось, ведь пыльца она такая, бред нагоняет.

Брел дальше, не сводя глаз с густого черного дыма, клубившегося и воспарявшего к небесам совсем близко. Сотня таких упавших искр и от земель Пепелища будет не отличить, хорошо хоть йухов тут не встретить.

Из бетонной развалины, покосившейся и усеянной сколами и трещинами, - единственной уцелевшей из четырех стен неизвестной постройки, отчаянно визжа, выскочил кабан, а за ним - толстопард. Искатель безынтесно провожал их взглядом, как вдруг, хищник, осознав, что не угонится за юркой свиньей, неожиданно остановился и ловко развернулся, впившись когтями в землю, после чего вперил угрожающий взгляд в неподвижно стоявшего искателя, шаркая лапой с выставленными когтями по земле.

«Какого ж беса ты не бежишь от меня? - мысленно обращался Цой скорее к себе, нежели к хищнику. - Почему не несешься прочь, сломя голову, скуля от страха?»

Виной тому могло быть только одно.

Цой осторожно наклонил голову к фляге с мочой беса, закрепленной на лямке рюкзака, и жадно втянул носом запах. Глаза широко раскрылись, брови поползли вверх, и не было предела удивлению - от запаха не осталось и следа. Мертвый воздух, нависший над округой Обелиска, лишил мочу зловония. И вопросы, не имеющие ответов, суетливо множились в голове. Как только он не прознал о подобном свойстве раньше? - Почему оно ускользало от него все это время? - Может, потому что он никогда не подходил к Обелиску так близко? - Неужели свыкшись с запахом мочи, не учуял, как его не стало? - Неясно, немисливо, но на терзания и самобичевание времени не оставалось - хищник подбирался осторожными, уверенными шагами, выравнивая дыхание, готовясь к новой погоне.

Цой не позволял хищнику броситься вперед; медленно пятился назад, ощущая дребезжание воздуха от рыка зверя. Искатель глубоко вдохнул и отступал, не сводя глаз с огромных желтых светил толстопарда, разделенных узкими черными порезами. Цой отходил все дальше и не дышал уже несколько минут, а хищника не уберегли даже инстинкты - он вдыхал и выдыхал жадно, с каждым разом стараясь вобрать в себя все больше воздуха, но не получалось. Цой зашел и заманил хищника вслед за собой, за мертвую линию и зверь, окончательно ослабев, задыхался, завалившись наземь. Коротенькие вдохи учащались и вот, наконец, прекратились, а искатель все еще не дышал, двигался медленно, не позволяя телу потреблять драгоценный кислород. Почувствовал, как натянулась кожа, будто покрылась обжигающей холодной коркой, а в глаза, казалось, впились десятки крохотных игл, пульсация в голове ежесекундно усиливалась, стала невыносимой и необъятная тишина забивалась в голову нарастающим писком. Ощутил теплую кровь, струившуюся из правого уха, но боль постепенно улетучилась, стоило ему покинуть мертвую зону, оставив позади бездыханное тело хищника.

Судорожно потряс флягу, пытаясь пробудить запах мочи, в надежде поднес горлышко к носу, стараясь уловить прежний отвратительный аромат, но тот едва ощущался. Плотно закрутил крышку, уповая на то, что запах вновь обретет противные свойства.

Прошел немного, вспоминая каждое известное бранное слово, гневно обзывая им Ненормальную.

Постепенно почва под ногами сменилась, искатель стоял у самого начала хвоста изувеченной земли, оставленной упавшей Искрой. Хорошо, наверное, что упав, она сожгла некоторые деревья дотла, превратив их в густо-черную сажу. Черствый запах гари звери не переносили и старались избегать, он знал это по землям Пепелища, что поглотило Пожарище. А о том, как ему двигаться после, если моча не обретет утраченных свойств, предпочел пока не думать; навыки куда не делись, тело помнит, он справится.

В широкой колее завалившихся, вырванных и сгоревших деревьев температура немного выше обычной, но Искра показалась совсем близко. Шестьсот шагов, - таков был тормозной путь, искореживший землю, и каждый новый шаг на пути к Искре заставлял сердце биться сильнее, а тело пробирало дрожью, подавить которую никак не удавалось.

Густой дым валил ввысь, а неподалеку от космического тела, зацепившись за ветки деревьев, свисала белая пелена, омраченная сажей - парашюты, тонкими, но крайне прочными тросами крепились к конструкции Искры.

Цой осторожничал, не спешил подходить слишком близко, и несколько раз обошел ее кругом. Нелепая цистерна гигантских размеров, высотой около тридцати метров, ужасающе скрипела и ядовито шипела, а из серо-белых стенок, кое-где исписанных бессмысленным набором цифр и букв, струился пар. Сферы Обелиска здорово потрепали. Что-то прочитав все же удалось. Слово: «НОРЕ», - что означало это норе, он не знал, но был полон решимости выяснить.

Впредь Цой решил называть Искру Норей. Конечно, вряд ли смена имени могла что-нибудь изменить, но ему думалось, так будет правильнее.

Обошел Нору раз, другой, но подобраться к ней не смог и как узнать, что творилось внутри, так и не выяснил. Что-то запредельно-невразумительное лежало перед искателем мертвым грузом и никак не реагировало на его присутствие. Единственное, чего сильно хотелось после преодоленного пути - вклеить по безжизненной железке с ноги, - так и поступил; вдарил нехило, но в ответ глухой звон железа, а за ним - тишина.

Сдаваться не думал, не зря проделал такой путь, да и жертва мочи не могла стать напрасной. Решил наблюдать; выбрал уцелевшее дерево, с которого пленкой кипяченого молока свисал парашют, и, взобравшись, устроил небольшой неприметный наблюдательный пункт, где провел час или около того. Выдержка, как знал Цой - залог победы, но этот случай стал исключением, потому как спустя еще час ничего не изменилось.

Искатель, скорчив озабоченную мину, задумывался над тем, как открыть железку самостоятельно; в голову лезли чудные мысли, среди которых промелькнула и приманка беса, но без мочи нужного результата не добиться, поскольку заставить грозную тварь тереться о корпус Норы могли только феромоны, содержащиеся в моче, а она выдохлась так некстати. Планировал отправиться за Лисом; поджигатель мог прихватить с собой смеси и взрывом раскурочить корпус Искры. Этот вариант искатель отложил, потому что время, затраченное на путь до базы Лиса, обещало быть непозволительно долгим, да и нет полной уверенности в том, что тот окажется на месте; где его вечно бесы носят. Не подкинула идей и расщелина в земле, словно черта, которую Норе не суждено преодолеть, именно в ее жерло завалилась носовая часть корпуса.

Цой почти отчаялся, когда заметил небольшое отверстие наверху куполовидной крышки Норы. Поначалу счел черноту гарью, но приглядевшись, понял, что это не копать, а пробоина и возможно именно она послужит входом.

Ухватившись за пелену парашюта, ловко спустился на землю, а добравшись до Норы, не мешкая, полез к лунке. Подниматься по заваленному корпусу оказалось не сложно; на пути встречались куда более сложные подъемы. Искатель довольно быстро оказался наверху куполовидной конструкции и, осторожно ступая, по-обезьяньи, подбирался к пробоине.

Заглядывать внутрь не спешил, хотя дико хотелось; искатель усилием воли сдерживал любопытство, стараясь не забывать об осторожности.

Склонился и осмотрел дыру. Стенки металла - к своему удивлению обнаружил несколько слоев разной толщины, - расплавились и растаяли. Ничто в Каторге, кроме, пожалуй, огнедыхов, не могло сотворить такое, но откуда им здесь взяться? Их земли далеко на Пепелище. Яркие сферы Обелиска, они покалечили корпус, заключил Цой.

Пробоина манила и пыхтела серо-белым дымком. Искатель на полусогнутых подобрался ближе. Повеяв рукой на вздымающийся пар, постарался разобрать запах - пахло необычно, но не смертью; ее запах он знал наизусть.

Дыра оказалась довольно большой, он с легкостью мог бы пробраться внутрь, но торопиться не стал. Подержал руку над выющим дымком, обождал с минуту - ничего, никаких ожогов на коже, никакой ответной или защитной реакции организма. Достал из подсумка один из клыков лунатики, закинул в отверстие. Звук не заставил себя долго ждать и отозвался моментально. Там совсем низко, понял Цой и решил спуститься. Облизал палец, расстегнул кармашек на кожанке и, обмокнув рукой, собрал пыльцу, которую растер на языке и сглотнул. Тело сиюминутно напряглось, мышцы натянулись струной, сердцебиение застучало в ушах, инстинкты и чувства взвелись на максимум, картинка в глазах пульсировала жизнью - пора.

Искатель скользнул вниз, навстречу неизвестному.

ГЛАВА 8

Внутри встретили полутьма и низкий гул, схожий с неважно работающим трансформатором. Мерцали прямоугольные лампы, заключенные в стенки и от их нервного моргания делалось жутко неуютно. Матово-белые поверхности в переменчивом освещении хитро чудили с восприятием: казалось, то сужались, то расширялись, становились то ближе, то дальше и ничего благого не предвещающий аварийный звук сирены поднимался откуда-то снизу.

Искателя не покидало ощущение того, что он очутился в крохотном мирке безумной суеты.

Искрились и хлопали оборванные, свисавшие провода; раскаленные червоточины падали на решетчатое половое покрытие и, просачиваясь ниже, указывали дальнейший путь. Цой осмотрелся и обнаружил хитро вмонтированный люк. Приподнял крышку, показался следующий отсек. Менее мрачный, но более ужасный.

Тоннелевидное помещение уходило вниз метров на пять, а на стенках в два ровных ряда крепились окаймленные металлом стеклянные гробы. Насчитал ровно двадцать. Внутри некоторых господствовала непроглядная мгла, другие, напротив, лучились теплым светом, приобретавшим красный оттенок от кровищи, что изнутри залила добрую половину стекла. Пространство, не занятое стеклянными гробами усыпано непонятными датчиками, мигающими, пищащими лампочками и всяческими кнопками, норовящими обратить на себя внимание. Шумовая завеса нервировала, мешала сосредоточиться. Цой поймал себя на мысли: лучше провести всю жизнь в полной тишине Ненормальной, чем окруженным суматохой из беспорядочного набора раздражающих слух звуков.

Искатель встал на металлический мостик, тянувшийся по периметру, и осмотрел гробы, стараясь установить их содержимое, но разглядеть ничего не удалось. Попытался открыть и вновь неудача. Отметил только то, что каждый гроб превышал его собственный рост на три головы и почти два раза в ширину. Что бы там не хранилось, содержимое покоилось в удобстве, до определенного времени.

Ухватившись за поручень, ловко перепрыгнул перегородку и приземлился на массивный круглый люк, за которым, как он предположил, находился еще один отсек, а может далеко не один.

Как пробраться дальше пока не представлял. Ручек не оказалось, никаких замочных скважин и подавно, только щель, делившая люк ровно надвое. Перенажимал все кнопки у двери: сначала осторожно, по одной, а затем, бубня проклятия, отстукивал пятерней по всем сразу. Гадание об устройстве двери могли продолжаться бесконечно.

Искатель предпочел теории практику.

Вынул Олю, незамедлительно вогнав клинок в жерло и, приложив немало сил, попытался оттянуть его в сторону. Схлестнувшийся металл стонал и скрежетал, но не думал поддаваться. Цой достал Лялю, вонзил следом. Надавил сильнее стараясь откупорить люк. Искатель почти закричал, а лезвия Ляли-Оли едва не обломились, когда круглая дверь поддалась, и створки моментально расступились. Цой среагировал молниеносно; прекрасная растяжка и исключительная физическая подготовка сделали свое дело: он не упал, а уперся ногами в стороны открытого люка, но чуть не сорвался вниз, увидев то, что располагалось прямо под ним - человек.

Рослый мужчина, одетый в строгую одежду темных тонов пристегнутый пятью широкими ремнями к одному из трех железных кресел, больше походивших на громоздкие стулья для пыток. Глаза неизвестного закрыты, но гладковыбритое лицо морщилось от тягучей боли в мучительные гримасы.

Цой спрыгнул и медленно подбирался ближе. Совсем бесшумно, - противный писк приборов, доносившийся отовсюду, сослужил добрую службу, укрыв шаги шумовой пеленой. Искатель убрал Олю в ножны, длинное лезвие в замкнутых помещениях не так эффективно, как короткий клинок Ляли. Сжимал рукоять сильнее и подходил все ближе.

Мужчина тяжело дышал.

Он выглядел совсем как каторжники, только лицо необъяснимо казалось счастливым, даже когда корчилось от боли. Цой осмотрел одежду: на левой груди нашивка - «KALININ V. V.», на плече еще одна, заключенная в синий круг - «NASA», в ней искатель узнал лишь две буквы, точнее, одну, а оставшиеся понять не смог. Его всегда удивляла невозможность охарактеризовать то, чему не придумали слово, а, быть может, придумали, но давно позабыли. Безошибочно предположил: перед ним буквы, но как их читать, произносить, не понимал совершенно. Может понимал когда-то, но знания затерялись где-то вместе с памятью о себе.

Человек, будто ощутив чье-то присутствие, тяжело приоткрыл слезящиеся глаза.

- Анна? - ослабленно протянул он. - Хватит, я больше не хочу, - мужчина больно взлохотнул, и с трудом покачал головой. - Не могу.

Цой услышал звук, услышал его раньше, чем издавший осознал свою оплошность. Искатель вихрем развернулся и предостерегающе направил острие клинка точно туда, где стояла до ужаса напуганная женщина в белом комбинезоне; хрупкая, вся тряслась от страха, лицо покрылось испариной, каштановые волосы слиплись, а зеленые презеленые большие глаза увлажнились и никак не находили себе места.

Женщина впала в ступор, совсем не ожидая встретить здесь другого человека. Да еще, такого как Цой: ошетилившаяся морда, ястребиные черты лица, налившиеся краской глаза, расширившиеся зрачки, почти поглотившие радужку. Хищный взгляд исподлобья полный смятения, прикрытый недоверием, выискивая, бегал по ней. Оборванная угольная накидка, изъеденная солнцем и дождем, свидетельствовала о долгой дороге, а змеящиеся на угловатом лице шрамы говорили о том, что путь был не из легких.

- Ви, - боязливо начала девушка дрожащим тоненьким голоском, - нас убиоти?

Он сохранял хладнокровное молчание, не спуская с нее настороженного взгляда. Нашивка на груди девушки отличалась от нашивки мужчины, - «D'ARC A». Разум искателя спешно искал объяснений, но не находил; то же творилось и с девушкой, стоявшей напротив. Поняв, что

ответа не дожидаться, женщина продолжила первой:

- Я должна помочь, - и очень медленно, стараясь не вывести из себя незваного гостя, кивнув на пристегнутого к креслу мужчину, добавила: - или смерть.

Позади послышалось неразборчивое всхлипывание и бормотание. Мужчина пребывал в состоянии далеко от восторга происходящим.

Цой отступил, дав женщине пройти, но клинок не убрал, так и держал его, нацеленным и готовым вонзиться точно в ее аккуратненькую головку. Женщина съежилась и, не скрывая испуга, мышкой скользнула мимо искателя осторожными шажочками. Уловил ее запах и впервые не поверил собственному нюху, - такого прежде нигде не встречал.

Девушка спешно подошла к кряхтящему мужчине и стянула с небольшой подставки у кресла нечто черное, напомнившее искателю небольшой кусок трубы. Тряхнула трубку несколько раз и в следующий миг Цой глазам не поверил: там, где секунду назад царил пустота, хило замерцал бледно-синий свет. Девушка потрясла трубку сильнее, свет усилился в ответ, накалился, будто подсветили ребро стекла. Пальчики ловко забегали и застучали по появившейся поверхности. Цой насторожился, но напрасно. Женщина уверенно ткнула в светящиеся линии еще раз и по обе стороны от кресла выдвинулись блестящие железные шприцы, мигом вонзившиеся в бока мужчины. Он зажмурился, но только на секунду, потому как после лицо одолело блаженство. Наблюдать подобное выражение лица - диковинная редкость - такие обычно бывают у каторжан, когда те умирают во сне за стенами Домов, а этот, напротив, как по волшебству обретал жизненные силы, во всяком случае, его взгляд показался искателю лишенным боли; физической, не душевной.

Мужчина потянулся рукой к женщине в комбинезоне.

- Анна...

Уловив движение, она моментально, но бережно вернула тяжелую руку мужчины на подлокотник. Он скорчился. Движения давались тяжело и с болью.

- Где Зед? - спросил мужчина.

- Зед миортв, - переполненная сожалением, ответила женщина. Мужчина зажмурился и едва не заплакал, но не от боли, а от печали. Она обратила свои не менее печальные глаза на искателя и, помедлив, робко представилась:

- Меня зовут Анна.

Цой молчал.

- А у вас... у вас есть имя? - голос дрожал. Испуганная, готовая в любой момент сорваться в слезы. Искатель разрывался от недоверия и одновременно желания заговорить, но в ответ лишь безмолвие; слова необъяснимо улетучились. Не умру же я от того, что она узнает мое имя, думал он, и никак не мог решиться.

- Как вас зовут? - повторила вопрос, пытаясь подсластить голос искренним дружелюбием.

- Цой, - наконец ответил он и ужаснулся, не узнав собственного голоса; холодный и грубый, чужой. - Меня зовут Цой, - постарался произнести располагающе, но не вышло, получилось еще более невежественно и угрожающе. Столько времени искатель не говорил с

незнакомцами, не слышал собственного голоса в диких землях Каторги, и вот он, совсем другой, одичавший.

- Это фамилья, - все же теплее ответила девушка, - а имя?

- Это имя, - сухо ответил тогда, не представляя, о чем говорила женщина.

- Но ви даже не кориан... Кориец.

- Кто? - поморщившись, переспросил искатель, посчитав высказывание оскорбительным. И говорила женщина как-то странно. Вроде понятно и разборчиво, но интонация, - как будто нарочно издевается над речью.

Еще некоторое время безмолвно обменивались недоверчивыми взглядами.

- Я уберу Лялю, - предупредил Цой, стараясь не напугать женщину еще больше, и вернул клинок в ножны, решив, что женщина и прикованный к креслу мужчина не представляют угрозы.

Девушка огляделась, но так и не поняла, о каком ребенке шла речь.

Столько вопросов мелькало в голове искателя и, как обычно бывает, их оказалось много больше ответов.

- Как? - единственное, что получилось вытянуть из клубка неясностей, запутавшегося в голове. Но женщина не ответила, не знала, на что именно отвечать и стоило ли. Маслянистые глаза, охваченные тревогой, не выражали ничего кроме страха.

- Я не трону, - заверил Цой, и голос безвольно обернулся ледящим холодом.

Анна вздрогнула и он замолчал.

Неизвестно сколько могло продлиться космическое безмолвие, если бы не вмешательство мужчины; он прохрипел что-то невнятное.

- Васили! - сиюсекундно бросилась к нему Анна, как к единственному спасательному кругу, посреди нескончаемого океана. Мужчина остудил ее пыл движением руки.

- Все хорошо, Аннушка, все хорошо, - умиротворяющей интонацией, которой позавидовал искатель, говорил он, - не бойся. Хотел бы убить, давно бы убил.

Слезы наворачивались на зеленые глаза Анны, отчего казались еще зеленее.

- А если передумает и убиют?

Цой решил не вмешиваться; пусть Васили разбирается. Наверняка, считал искатель, у него получится лучше и оказался прав.

- Его послали небеса, не иначе, - кажется, каждое новое слово давалось все тяжелее, но и говорил Васили, в отличие от Анны, вполне обыкновенно, как матерый каторжник. Правда они редко поминали небеса добрым словом.

Васили с трудом дотянулся до ворота с кнопками-пуговицами и под щелканье одернул воротник, пальцы нырнули под взмокшую от пота майку, и потянули за тоненькую цепочку,

вытащив махонький крестик, тепло поблескивающий, как от солнечных лучей. Сорвал блестяшку и всучил Анне, крепко сжав ее руки в своих.

- Передашь ей? Передашь? Анна, я говорил, для меня... это конец, - лицо скорчилось, он мокро кашлянул, - но не для тебя. Слышишь? Теперь все зависит от тебя...

Анна крепко зажмурилась, отчаянно качала головой, будто силой мысли пыталась прогнать происходящее.

Васили всхлипнул.

Цой подошел ближе. Слегка наклонившись, осторожно осмотрел кресло и понял, что причиняло мужчине боль - сломанный и торчащий, точно крюк позвоночник. Быстро сообразил: металлические шприцы, которыми обколола Анна, каким-то образом поддерживали в нем жизнь. Четверо суток. Немыслимо.

- Ты к этому не готова, знаю, - неумолимо продолжал Васили, - это не твоя работа, но посмотри правде в глаза... Ты единственная, больше никому. Ты должна, Анна, обязана, иначе все напрасно. Доберись до Резервации, а там... Там обо всем позаботятся.

Каждым словом Васили взваливал на Анну какую-то титаническую ответственность, а она, все отрицая, качала головой, - по-прежнему не верила, ни в себя, ни во что бы то ни было.

- Люди, Анна, люди уцелели! Кто же знал! Люди, спустя столько лет! - сказал громче обычного, будто бы говорил о каком-то чуде и в наказание кашель незамедлительно подступил к горлу. - Они помогут, я знаю, - откашлявшись, закончил он.

- Я не смогу, - простонала она, - нет...

- Да! Сможешь! - со сталью в голосе оборвал Васили, да так, что даже Цой на секунду поверил. - Мужик, - он вдруг обратил свой измученный взор к искателю, - поди ближе. Меня Василий зовут, - как-то нелепо улыбнулся и ухватил искателя за рукав, словно они дружили с пеленок. Пытался пожать руку, но Цой незамедлительно и легко высвободился. Василий продолжил: - Слушай, ты первый сюда добрался, стало быть, наверняка что-то да умеешь. Помогии, а? Это очень важно... Это самое важное... Нет ничего важнее. Столько жизней. Ты... Ты сможешь?

Цой не ответил, но Василий почему-то счел молчание согласием, после чего на взмокшее и доброе лицо опустилась тень облегчения.

- А я больше не могу, сам видел. Убей, а? По глазам вижу, ты мастер.

Тоненькие бровки Анны испугано поползли вверх, изумрудные глаза увлажнились.

- Нет! Нет! Ньет! - вскрикивала она, но умиротворяющий жест Василия мигом осадил ее, - и как только ему удается.

- Я больше не вынесу, Анна, больше нет. Ты и так столько стимов в меня вогнала, - тяжело улыбнулся он и вопрошающе посмотрел на искателя. Цой прочел безмолвную просьбу в слезящихся, уставших от жизни глазах, и рука понимающе потянулась к клинку за спиной.

- Нет, - не прекращала Анна, - остановись! Только не так...

С каждой минутой искатель понимал все меньше, но углядел, как женщина, взяв себя в руки,

заменяла один из блестящих шприцов и горько отвернулась, скрепив веки хрустальными слезами.

- Не могу, Васили, я не могу, - вопила, скрыв лицо в ладонях.

- Пожалуйста, Анна, ты должна. Помоги мне, помоги обрести покой, - не прекращал молить измученный Василий. Встала рядом. С трудом сдерживая слезы, нежно провела рукой по влажному лицу мужчины, наклонилась, прильнув губами к его взмокшему лбу. Жар нарастал. Стимуляторы не справлялись, не спустя четыре дня. Большого она не могла, - врач погиб в капсуле еще в воздухе.

- Прости, - еле слышно прошептала дрогнувшим голосом и нажала на кнопку. Шприцы комариными иглами впились в плоть. Глаза Василия блаженно закрылись, а лицо расплылось в спокойствии. Он уснул. Навсегда.

Анна обреченно рухнула на пол. Беззвучный крик отчаяния замер на соленых от слез губах. Крепко обняла ноги Василия ниже колен так, словно они - единственное оставшееся для нее в этом мире, единственная ниточка, связывающая ее и горькую правду - она осталась одна.

Совсем скоро залила слезами всю штанину.

Искатель молча стоял и смотрел; не знал как себя вести. Он множество раз видел, как умирали каторжники, как неистово кричали женщины тех, чьи мужчины не возвращались домой. Но сейчас все иначе, не понимал почему. Сердце охватило мучительной тоской. Четыре дня и ночи Анна боролась за жизнь Василия, но одолеть смерть дано не каждому. Цой понимал это, как никто.

В какой-то момент глаза ее широко раскрылись и вспыхнули яростью. Искатель знал, чем заканчиваются подобные всплески ультимативности, - глупостью.

Анна вскочила, переполненная решимостью и спешно мерила округлое пространство шагами. Резко подхватила черную трубку и стукнула по круглой кнопке на одной из панелей. Цой услышал шипение, раздавшееся откуда-то сверху. Подняв голову, увидел дневной свет, жадно проникший внутрь через округлое отверстие.

- Живо закрой! - скомандовал голосом, которому невозможно не подчиниться и Анна беспрекословно повиновалась. - Совсем мозги растеряла?

Анна съежилась от окутавшей безысходности, сиротинушкой прижалась к стенке, опустила вниз и заплакала, спрятав лицо в коленях.

Цою сделалось не по себе от ее вида.

Над плачущей Анной мерцал экран; на черном изображении ровными линиями обозначался гроб, а внутри - контур человека, как и сам гроб, надоедливо мигающий множеством красных точек и надписей. Искатель догадался о содержимом стеклянных гробов; там покоились люди, некогда живые, но теперь умершие. Приятно, что что-то в мире осталось неизменным - неприятно, что именно это.

Цой решил не терзать Анну расспросами о том, как они погибли. Догадался и сам. Вариантов не много: либо из-за попадания сфер Обелиска, либо от столкновения, и вряд ли одно исключало другое. Уточнять не хотел. Сейчас не время и не место, хотя последнее - довольно спорно, здесь безопасно.

Анна сидела, сжавшись комком.

Хлюпала.

Сопела.

Обхватила себя руками и, уткнув голову в колени, не признавала ничего вокруг. Поверхность трубы угасла, и цилиндр откатился в сторону. Цой не представлял, чем помочь уничтоженной горем женщине. Никогда прежде не чувствовал себя настолько беспомощным перед человеком, у которого и оружия в руках не оказалось. К подобному Каторга не готовила. Здесь не позволительны слезы, - покажи, что ты слаб и мигом угодишь в чей-нибудь желудок.

Решил дать Анне время и, не зная, куда деваться самому, принялся изучать всюду напичканную мелькающую утварь. Глаза как-то сами вновь зацепились за обмякшее тело Василия; оголились давно обретенные инстинкты.

Цой смерил мужчину взглядом, отметив обувку, с виду ужасно удобную, многократно превосходящую его собственную. Ощупал ботинки: материала он знать не мог, но легко оценил по достоинству: поверхность темная, гладкая, с матовыми нашивками, подошва тонка и крепка одновременно. Цой представил, насколько бесшумным станет, будь у него пара такой чудесной обуви и, не совладав с собой, принялся снимать их с покойного.

Живым нужнее, нашел - забирай. Правила Каторги. Далеко не самые им любимые, но пренебрегать ими непозволительное расточительство.

- Что ты делаешь? - за спиной послышался голос Анны. Искатель не ответил; все очевидно и ясно без слов. - Стой! Остановись! - закричала женщина, но предполагавшийся приказной тон обернулся слезливой мольбой.

Повернулся, через плечо одарил девушку угрюмым взглядом, как хищник, не желавший делиться добычей, а она уже указывала бледной ручонкой куда-то в сторону. Цой проследил за направлением дрожащего пальца и заметил выемки в стенах. Анна не стала дожидаться, пока искатель сообразит. Вскочила и, выказывая глубочайшую раздраженность, сильно топая, добралась до стены, коснулась кнопки и дверца открылась.

«На, забирай! Все забирай, скотина!» - как-то так искатель понял взгляд женщины, переполненный отвращением и ненавистью вперемешку с отчаянием. Встал и забрал, но не все, исключительно необходимое, то, с чем умел обращаться, что не замедлит его на пути, только то с чьим устройством не нужно разбираться, остальное рассматривал с неподдельным интересом, пытаясь понять назначение штук. Цой принял решение; за себя и за нее, но еще не озвучил, продолжал изучать содержимое шкафа. Часы, крупные с эластичным ремешком - нацепил поверх нарукавника. Несколько раз крутанул ушко своих часов, подзавел. Обнаружил отличный черный жилет - прекрасная замена давно исхудавшей куртке, превосходный цельный темно-серый комбинезон с ломаным камуфляжным рисунком, и, разумеется, ботинки, а запах, девственный запах приятно благоухал ароматами Старого мира.

- Откуда все? - спросил, не открывая взгляда от вещиц и не надеясь получить ответ.

- Распечатали на Арго, - небрежно прозвучало за спиной.

Никогда прежде искатель не радовался одежке так, как сейчас. Примерил и шлем, но пришлось отказаться - великоват, неуклюж, ухудшал обзор. Перчатки, такие удобные, очень не

хотел, но пришлось со скрипом на сердце отрезать отделения для указательного и среднего пальцев - так легче черпать пыльцу в случае опасности, не теряя драгоценных секунд. Переоделся, нисколько не стесняясь присутствия Анны.

Заметил удивление и легкий испуг в увлажненных зеленых глазках, когда она увидела его тело, плотно обмотанное бесъей кожей. Подумала, наверное, урод какой, мутант или нелюдь, хотя откуда ей про них знать.

Не сказать, что одежда сидела как родная, нет, но ничего лучше искатель прежде не находил и в удобстве, признал, ей не было равных.

Осторожно пересыпал пыльцу из кармашка кожанки в небольшое отделение на черном жителе; чудесно, будто специально для пыльцы заготовили. Затянул ремни, влез в плащ, перекинул через грудь рюкзак и уложил за спину Лялю-Олю. Никак не мог нарадоваться за новый угрожающий облик. В особенности радовался обуви. Пробежался на месте: удобная, мягкая и совершенно бесшумная, будто не было вовсе.

Анна не услышала, как он подошел, увидела лишь еще один комплект военной униформы, брошенный под ноги. Девушка подняла на искателя жалобный, полный непонимания взгляд.

- Резервация, - начал Цой неизменно холодным голосом, - где это? Анна удивилась и на секунду, ему показалось, что в глазах девушки мелькнул лучик надежды.

Искатель был необразованным, но дураком не был никогда.

Анна незамедлительно разглядела в нем эту черту. Из разговора Анны и покойного Василия сделал вывод, что Резервация - некий чудом уцелевший город, но немного ошибся, и все же оказался не далек от истины.

- Где это?

Анна обессилено потянулась к цилиндрику, взяла в руки и плоскость вновь появилась, вспыхнула искусственным светом, показав карту местности. Цой осторожно приблизился, будто бы устройство представляло неведомую опасность, и не поверил глазам: экран небольшой, а необъяснимо охватывал столько местности.

Пальчики Анны заскользили по рябившей поверхности, а изображение побежало вверх и совсем скоро достигло красной точки, носившей странное название «R161957_NOV». Искатель неуверенно поднес указательный палец к поверхности прибора и, едва коснувшись, заставил изображение пробежаться еще выше к очередной точке - «R191953_ОСТ». Ребяческая улыбка, мелькнувшая на губах, на долю секунды выдала щенячий восторг. Пальцем не ощутил ничего, касался пустоты, но при этом управлял картинкой. На мгновение искатель показался Анне мальчуганом, едва освоившим велосипед. Но только на мгновение, потому как в следующую секунду на лице появилась привычная маска хладнокровия, а зеленые просторы на карте сменились угольно-серыми равнинами. Искатель отвращено дернулся лицом, безошибочно узнав выжженные земли Пепелища, расположенные далеко за Казематами.

- Там почти ничего, - разочарованно объяснил Цой, решив, что Резервация, как и все на Пепелище, давно обратилась в прах. - Пожарище пожрало всю землю, а йухи смели остальное.

- Землю, наверное, но не то, что за ней, низу, бункер Резерва.

Цой растирал лоб, в попытках расшевелить мозги, а Анна с некоторым недоумением

посмотрела на лежащую под ногами одежду. Искатель уловил вопрос в глазах и сказал, утвердительно кивнув:

- Одевайся. Я поведу, но будешь слушать. Говорю стой, ты стоишь; лежи, ты лежишь; говорю замри и ты не двигаешься, пока не разрешу, это понятно? - он приблизился, похожий на грозную тучу, приобнял ее за плечи и смотрел прямо в глаза, будто пытался удостовериться в том, что был достаточно убедителен и правильно понят. - Это понятно? - переспросил и получил залп из быстрых утвердительных кивков. Неожиданного для себя, искатель стал медленно водить руками вверх-вниз по плечам девушки, дивясь мягкости ее тела. Анна не разобрала причину, но освободилась от объятий моментально; физический контакт претил ей и причиной был не искатель.

- А если не стану?

- Сдохнешь, - совершенно спокойно ответил Цой и только потом осознал, что выразиться следовало более мягко.

- Ты убишь меня?

- Нет. Каторга. Одевайся, - скомандовал он и ждал, не думая отворачиваться. Анна поняла: невежа этот не имеет ни малейшего представления о личном пространстве, этикете и тем более этике, а мягкости в нем, как в железяке. Стоит и нагло пялится на нее, предвкушая момент, когда спадет белый комбинезон.

Анна повернулась спиной, нерешительно расстегнула молнию и высвободилась из униформы медицинского блока. В ее движениях искатель не увидел ни капли привлекательности, они казались робкими, зажатыми. Анна осторожно оглянулась через плечо и с опаской посмотрела на Цоя, - стало чуточку легче; в его взгляде ни следа желания, лишь некий, совершенно нездоровый интерес и толика негодования. Искатель действительно не понимал: перед ним почти нагая женщина, Женщина Старого мира, и совершенно никакого волшебства, никакой неземной красоты - ни округлых грудей, так удачно уместяющихся в ладонях, ни точеной фигуры, ни зазывающих ягодич, длинных ног, идеально ровной, как водная гладь кожи, - ничего. Ему вдруг вспомнилась Ада, даже она в сравнении с Анной могла похвастать куда более привлекательными формами и женственностью. Только глаза, хоть и зеленые, как у Ады, но какие-то другие, таких прежде не встречал. Глаза Анны, они, осмысленные что ли. В них что-то такое, чего нет ни у одного каторжника. Но только глаза, внешность приторно обыкновенна. Но как? Почему? Ведь каждая из женщин Старого мира до безумия красива, а их взгляд, проникновенный, манящий, возбуждающий. Анна не обладала ни одним из этих изысков. Перед ним стояла дрожащая женщина, напуганная до чертиков, бледноватая, хрупкая. Но все же проглядывало в ней что-то такое, отнюдь не неземное, нет, нечто такое, чего искатель понять не мог, не мог, наверное, потому, что не знал нужного слова, или знал, но забыл.

Переодевалась Анна до безобразия долго. Искатель был готов лезть на стены, ожидая пока она укладывает свое ничем не примечательное тельце в черный костюм.

- Зачем помогаешь, Тесой? - вкрадчиво спросила девушка, облачаясь в немного великоватые штаны.

Не сразу сообразил, что Анна обращается к нему. Цой знал ответ, цепко держал в голове с момента смерти Василя, но промолчал и скомандовал после недолгой паузы:

- Быстрее.

Анна послушно ускорила, а когда финально звякнула молния на замке, поспешила к шкафчику в стене и, открыв еще один, продемонстрировала содержимое искателю, - оружие Старого мира. Черное, с пугающе ровными прямыми формами, резкими изгибами.

К удивлению искателя, женщина их будто не замечала; она аккуратно укладывала в сумку зеркально чистые металлические цилиндрики и приборы, суть которых осталась для него загадкой. Цой подошел к шкафчику и, взяв еще одну сумку, принялся складывать оружие и небольшие полупрозрачные пластмассовые коробочки с боеприпасами. Ценная находка. Решил припрятать оружие; позже за ним направят собирателей Баззарра.

- Этот был Василя, - Анна грустно кивнула на пистолет и бережно взяла оружие так, словно это единственное оставшееся от дорогого ей человека, хотя тело его лежало совсем рядом и не успело остыть. - Возьми? - предложила она.

Пистолет наверняка был хорош, и выглядел соответственно: матово-черный, массивное, удлиненное цевье, развитый дульный тормоз с прямоугольными отверстиями, а на рамке со стволом очередной набор букв из которых выбивалось «А-9». Цой отмахнулся, объяснив отказ тем, что пистолет, да и любое другое оружие - слишком шумные для диких земель Каторги и выстрелы привлекут внимание крупных хищников, а это совсем не хорошо, этого следует избегать. Анна не представляла, о каких именно хищниках идет речь, и ответ показался ей странным, - ведь оружие создали как раз для обретения человеком господства.

- Василя говорил, пистолет бесшумен, - настояла девушка.

Цой озадаченно посмотрел на Анну и не мог не отметить ее наивного упорства.

- Ты обращаться с ним умеешь?

- Жмишь на крючок, пуля летит, а?

- Целиться только не забывай, - сердито напомнил Цой и откровенно иронично добавил: - не в меня.

Анна хотела посмеяться, но тяжелый груз потери, взвалившийся на нее неподъемным камнем, не позволил улыбнуться. Искатель снял с крючка шкафа набедренную кобуру. Девушка недоверчиво дернулась, когда он затянул на ней ремень и уложил пистолет.

- Твои мечи, Тесои, ты носишь их неправильно, - заметила Анна, глядя висящие вверх тормашками Лялю-Олю.

Искатель пропустил замечание мимо ушей, лишь спросил:

- Ничего не забыла? Дорога будет долгой и мучительной, - предостерег искатель. Тогда Анна и представить не могла, насколько точным окажется прогноз.

Но кое-что все же сделала: высвободила Василя из ремней и не без помощи искателя уложила тело на пол, укрыв тело мешковиной. Безмолвно пообещала себе вернуться и похоронить, как полагается. Искатель предложил вытащить тела наружу, и позволить хищникам похоронить их в собственных желудках, или сжечь.

Девушка наотрез отказалась.

Спорить не стал, сказал лишь: вернутся не скоро, а вернувшись, наверняка не обнаружат ничего, что оставили. Тогда Анна попросила помочь убрать тела Василия и Зеда в их капсулы, где они будут в безопасности. После девушка вернулась к креслам, в одном из которых находился Василий. Обошла их, подойдя к консоли управления и несколькими нажатиями по кнопкам, заставила цельный кусок прямоугольника подняться из-под пола. Опустившись на колени у фигурки и, нажав на боковые грани, щелчком открыла ее. Внутри хранился матово-черный цилиндрик чуть больше мизинца. Анна убрала штуковину и крестик Василия в потайной карман комбеза.

Когда последние приготовления завершились, встали напротив аварийного люка. Искатель смотрел на него с нежеланием, предвкушая опасности, ожидавшие их в Каторге. Перевел взгляд на Анну, медленно проговорил, будто мантру какую:

- Стой, ты стоишь. Лежи, ты лежишь. Замри...

- Я не двигаюсь, - девушка закончила фразу.

Он кивнул.

- Открывай.

Шипение, породившее гучную дымку, распахнуло проем, и как только тяжелая дверца люка открылась, жгучие лучи солнца просочились внутрь. Цой швырнул сумку и юркнул следом, ловко скатившись вниз по наклонной поверхности.

Анна спустилась несколько неуклюже, и едва успела коснуться земли, как ноги подкосились, а голова закружилась. Женщина, описав пьяную дугу, почти упала, когда Цой подхватил ослабшее тело.

Дыхание участилось.

Судорожно потянулась к ранцу, нащупала там какой-то прозрачный намордник - искатель не растерялся, смекнул, и помог приложить устройство к лицу. С каждым новым вдохом наполненная смятением Анна обретала спокойствие, а секунду спустя в глаза вновь закралась тревога. В отражении стеклянной маски Цой увидел силуэт крупного мужчины, а за ним еще и еще.

Неспешно поднялся и медленно повернулся к группе бездомных.

Насчитал четверых.

Дикари стояли полукругом.

Рослые, в неизменно устрашающей одежде, лица замотаны на манер мумий в лоскуты темной ткани, всем своим видом внушавшие страх, но не искателю; он знал: под одеждой - плоть, а за нею кровь, знал и то, как заставить пустить ее, как причинить боль.

Одного узнал точно, с усами-канатами, утяжеленными подшипниками, торчащими из-под кожаных полос, скрывавших лицо. Он охотился на теневолоков, а вот другие дикари принадлежали другой группе. Поведение совершенно не свойственное бездомным.

Анна не видела их глаз, но всем телом ощущала на себе тяжелые взгляды. Цой почти незаметно наклонился, готовый ринуться на противника.

- Мы уйдем, - сказал искатель. - Там много всего, - сообщил он, указав на капсулу.

Но в ответ тяжелое молчание и кулаки, сжавшие оружие до побелевших пальцев.

Рассчитал, как будет убивать.

Четверо, не успеют добраться до нее, умрут.

Анна призналась себе, - заблуждалась; клинки висели под идеальным углом. Он стоял к варварам вполоборота, левой рукой до скрипа сжимая рукоять длинного меча, а дикари и не подозревали, потому что не видели.

Бездомные кинулись разом, вскричали, вскинув шипованные дубины и топоры, блеснувшие в воздухе. Цой не дрогнул. Молниеносно ответил выпадом, нырнул под замахнувшегося длинноусого дикаря и, высвободив клинок, закрутившись, одним махом разрубил ему ноги ниже колен. Дикарь завизжал от боли, тело не успело достигнуть земли, когда искатель, перекинув Олю из одной руки в другую, уколол еще, - точно в голову, а затем свободной левой рукой выхватил Лялю и, закружившись юлой, увернулся от размашистого удара здоровяка.

Дубина глухо приземлилась, размозжив почву.

Искатель мелькнул у варвара за спиной, вогнав длинный клинок аккуратно меж ребер, поразив легкое, а короткий - в сердце - смертельно. Отскочил от тела, уклонившись от секиры, вспоровшей воздух над ним. Атаковавший промахнулся, угодив изогнутым лезвием в своего соплеменника, развалив его надвое.

Черная от сажи почва окрасилась алым.

Цой со звериной ловкостью уворачивался от атак дикаря, который, промахиваясь, изрубцевал всю землю под ними. Черные лезвия искателя свистели в воздухе, бросались вперед, точно жала скорпиона, но не достигали цели; пытался сократить расстояние, не переставая увиливать от широких ударов, как вдруг, услышал вопль - Анна испустила крик боли.

Бездомный возвышался над ней, ударив ногой в живот.

Этого не было среди первых четырех, обошел, гаденыш.

Маска слетела с измученного лица, Анна свернулась клубком и взвыла от боли.

В ушах искателя зазвенело, голову пронзила агония, а в глазах засверкало, - дикарь приложился огромным кулачищем. Цой с трудом устоял на ногах, сохранил равновесие, но взгляд помутнел. Если бы не пыльца - потерял бы сознание, но выдержал удар, чувствуя, как след от металлических набивок на перчатках врага глодал затылок. Дикарь заорал, рубанул наискось, - мимо, затем еще, наотмашь, целился в ноги, - искатель в прыжке пропустил под собой лезвие топора, попытался уколоть в висок, промахнулся. Приземлился легким кувырком и, не мешкая закружился, сделав ложный выпад. Дикарь не купился, занес топор над головой; тогда Цой швырнул в него Лялей. Варвар заслонил голову рукой и ей же остановил вонзившееся лезвие. Заорал, одуматься не успел, как следом устремились еще два, - черные метательные ножи, пробив броню, поразили грудь в самое сердце. Один миг и искатель изменил направление атаки, зашел в бок, полоснул сухожилие у самой ступни. Бездомный выронил топор и только успел опуститься на колено, как голова слетела с плеч, камнем рухнув оземь. Цой выпрямился, устремил полный ярости взор на мужика, стоявшего над Анной.

Щелчок взведенного курка. Звук выстрела эхом разлетелся по округе. Искатель свалился замертво.

Стоявший над Анной дикарь отводил курок еще и еще, а кое-где проржавевший револьвер подло отвечал хозяину осечками, но и одного выстрела оказалось достаточно и тогда, он вновь обратил все внимание на ворочающуюся под ногами женщину.

Она извивалась ужом, старалась вырваться. Тщетно.

Дикарь слишком силен.

Опустившись и зажав ее между колен, он по-звериному жадно обнюхал голову, бормоча что-то нескладное. Возбужденное тело жутко воняло, а изо рта несло чем-то очень несвежим. Запустил липкий язык в ее ухо, небрежно облизал мочку и что-то неразборчиво, но явно недобро нашептывал. Анна зажмурилась, впилась беленькими ручками в землю. Слез сдержат не удалось; они хлынули ручьем. Хрипло мычала, стонала, просила о пощаде, но оседлавшего ее дикаря эти мольбы только раззадорили. Варвар лихо перевернул Анну на живот, одной ручишей обхватил затылок и уткнул в землю лицом, второй рукой грубо лапал ягодицы, больно сжал тазовую кость. Женщина брыкалась, визжала, но дикарь стиснул ее собственным телом, словно стальными тисками - не вырваться. Дышать становилось труднее, от металлического привкуса першило в горле. Варвар терся об нее; почувствовала, как твердеет его мужское естество и возненавидела себя за то, что удивилась размеру. Рев и истерика захлестнули сознание целиком, а страх, сковавший тело, затмил рассудок.

Дикарь вдруг навалился и чуть не похоронил ее под своим весом. Тогда до смерти напуганная Анна не поняла, что все кончилось, продолжала вопить, а земля - глушить звук ее крика; ощутила, как что-то теплое и липкое стекает по шее, а открыв глаза, увидела обмотанную голову и торчащее из нее залитое красными мазками черное лезвие.

Цой стащил с Анны бездыханное тело дикаря, сел над ней, попытался успокоить, но безуспешно; она бешено отбивалась руками, расцарапала ему лицо, - припадок; девушка света за слезами не видела, сильно кричала, вопила намного громче, чем могла стерпеть Каторга и тогда искатель зажал ее рот; укусила руку, больно, но он стерпел. Глянул на содержимое сумки - все блестящие столбики выглядели как один, не отличить, да и как ими пользоваться он не знал, потому воспользовался тем, чем умел. Черпнул из кармашка горсть пыльцы, убрал руку от ее лица, и подул прямо на Анну. Поднимавшийся по нарастающей девичий вопль стремительно угас.

- Добро пожаловать в Каторгу, - тоном, далеким от вежливого проговорил он, когда лицо ее поплыло, а мысли утонули во мраке.

ГЛАВА 9

Сознание лениво наполняло тело Анны, набегая волнами, приносящими с собой рассеянное чувство боли. Кислородная маска, изнутри усыпанная кристальными каплями, исправно снабжала организм кислородом. Глаза не прозрели до конца, их будто окутало мутной пеленой, сквозь которую удалось разглядеть рукояти клинков и гарды, украшенные свернувшимся в кольцо змеем, поедавшим собственный хвост. Анна успокоилась, даже боль в животе поутихла от мысли, что она в безопасности, рядом с искателем. Нес ее, перекинув через плечо, как добычу или трофей. Наверное, так оно и было, потому как на другом плече такой же добычей, висела сумка с оружием, собранная в капсуле.

Девушка ерзала и каждым движением чуть ли не кричала о том, что негоже нести ее, как убитую тушу. Только до острого слуха искателя эти крики не доходили. Он лишь похлопал ее, призывая к спокойствию, а сам безмолвно двигался дальше.

Шел долго, почти час и ни разу не остановился.

Двигался легко, шаг становился то быстрее, то медленнее, но усталым не сделался ни разу - Цой будто не чувствовал веса Анны; да и чего там, неполных пятьдесят килограмм.

Несколько раз, обессилив, невольно проваливалась в чертоги разума, а редкие проблески в сознании на секунды вырывали из забвения, и каждый раз видела землю, устланную густой травой и мхом, уплывающую из-под ног спасителя, пока в очередной раз не пробудилась уложенной у дерева. Искатель исчез, испарился, и с каждой секундой воздух, казалось, наполнялся тревогой, но стоило ему вернуться, как нараставшее переживание вмиг улетучилось. Цой возник за спиной. Девушка не слышала шагов, он перемещался словно по ветру. Сумки с оружием при нем уже не оказалось. Предположила, что где-нибудь спрятал.

Присев подле нее, вытянул из рюкзака железную миску, совсем небольшую, накидал фиолетовых ягод похожих на сливу, присыпал пылью из кармашка и, размолов ступкой, превратил все в оранжевую кашу, а затем сунул ей под нос. Кислородную маску пришлось снять. Анна проделала все не спеша, позволяя легким привыкнуть. Удивилась тому, насколько чистым оказался воздух - слишком чистым, - опять вскружилась голова, а при вдохах все будто бы наполнялось приятной прохладой. Легкие с непривычки покалывало неприятной болью, но совсем скоро сообразила - чувство дискомфорта пропадало, если не жадничать и не вдыхать слишком глубоко.

Анна косо и с недоверием посмотрела на миску с оранжевой жижей. Искатель пихнул плошку в руки и ждал. Девушка изогнула красивые бровки, как бы намекая, что не собирается есть руками. Уловив немое требование, искатель пустил руку в сумку и, вынув ложку, нехотя предложил Анне. Зеленым глазам не удалось скрыть удивления; ложка красива, разве что металл давно потемнел.

- Argent allemand, - проговорила почти шепотом, выхватив прибор из рук Цоя. Он не понял ни единого слова, а во взгляде по-прежнему металась непередаваемый интерес и глубокое недоверие. Искатель смотрел на Анну как-то странно, так, будто до сих пор не верил в реальность ее существования. Девушка представлялась ему ожившей героиней из книг канувшего в небытие мира, а измазанное грязью вымотанное лицо делало ее совсем настоящей.

Тело Анны трясло от случившегося. Девушка чувствовала боль, стыд за собственную слабость и немощность.

- Ешь, - сказал и безнадежно закрыл глаза, пытаясь отыскать в голосе нотки добра и учтивости, но никак не удавалось. Анна послушно нырнула ложкой в оранжевую кашку. Тягучая оранжевая масса приятно напомнила густой кисель, а от цветowych ассоциаций пришлось откреститься. Поначалу кислый вкус вынудил сплунуть окрасившуюся желтым слюну. Анна горько зажмурилась и все же, переборов себя, проглотила вязкую жижу. По телу пробежала приятная дрожь, переживания и стресс растворились где-то внутри. И когда она вновь посмотрела на Цоя, вдруг вспомнила, как его застрелили, как он свалился прямо у нее на глазах, как вместе с его упавшим телом, брызгами дождя разлетелись надежды на спасение.

- Ты вижил?

- Он промахнулся, - быстро ответил Цой и добавил, пресекая дальнейшие расспросы: - Оружие у бездомных так себе. Не пристреляно.

Анна понимающе кивнула. Действительно, револьвер выстрелил один раз из пяти, только не ясно, почему он позволил той скотине так долго измываться над ней, почему не убил сразу? - Быть может, в действительности все случилось очень быстро, а Анне в тревожном припадке каждая секунда чудилась мучительно долгой. Такое бывало с людьми, находящимися на волосок от смерти. Время, будто нарочно замедлялось, позволяя жертве до сумасшествия проникнуться ужасами того, что вот-вот произойдет. Когда-то Анна познала эти тяготы собственным телом.

- Ешь, - указал на миску, и девушка зазвенела ложкой. Только сейчас поняла, как голодна, как с каждой опустошенной ложкой усмирялись алчущие спазмы желудка, затихали дифирамбы колливуэбл. Никогда прежде не доводилось принимать пищу под столь пристальным взглядом.

Посмотрел на высоченное дерево, росшее неподалеку. Прищурился - заметил нечто необычное, но что именно поняла не сразу. Добрался за пару шагов. Внимательно изучал дары, с палец диаметром, будто черви буравили. Оказалось, именно они. Прильнул губами, к одной, другой, продувал, вода рукой над дырами выше. Остановился, видно что-то нашел. Вдохнул глубоко, резко дунул в отверстие и тут же поймал в ладонь червяка, пробкой вылетевшего из канала. Повторил несколько раз, наловив тройку червей.

Вернулся, сел рядом. Собирался закинуть одного червяка, но остановился. Посмотрел на дрожащую Анну, протянул червяка ей, безмолвно предложив угоститься. В ответ - брезгливый взгляд, полный отвращения; счел отказом и, пожав плечами, закинул червя в рот. Раскусил, понесло спиртом. Закинул второго.

Анна отвела взгляд на гущу фиолетовых цветов, облепивших пень. Не могла налюбоваться ими с момента, когда пришла в себя. Искатель заметил, что увлекло внимание девушки и, держа третьего червяка кончиками пальцев, поднес ближе к лепесткам. В мгновение ока червяка охомутили еле заметные волокна и утащили куда-то в зеленую листву. Девушка моментально одернула руку, будто обожглась. Поняла, что цветы опасны. Цой наглядно продемонстрировал страшную силу красоты.

К моменту, когда отобедала, искатель рассек один из стебельков небольшого кустарника с густыми желтыми листьями, пестрившие красным по краям, а ствол растения, похожий на бамбук, почему-то имел синий окрас. Перевернул отрезанный ножичком стебелек и без намека на учтивость предложил ей.

- Пей, - получилось капельку дружелюбнее, но еще холодновато. Анна прильнула губами к стеблю и почувствовала нежный вкус жидкости. Искатель отрезал короткий стебель себе и осушил за несколько быстрых глотков.

- Сейчас тебя... - не успел закончить, как Анной овладел сон. Девушка завалилась набок. Быстрее обычного, мысленно удивился Цой. Сполоснул миску, промыв молочком другого стебля и уложил в сумку, висевшую через грудь. Взвалил Анну на плечо и отправился дальше.

Очнулась спустя три часа, во всяком случае, так ответил искатель. Огляделась: местность изменилась не сильно, деревья, подступившие со всех сторон, окружали высокой стеной. Анна узнала пихты, их душистую плоскую хвою, шишки, растущие вверх. Девушка знала и то, что пихты считались одними из самых крупных деревьев, но и подумать не могла о длине в сотню с лишним метров. Вокруг пугающе тихо - самый громкий звук, что ей удалось услышать - пение

птиц где-то вдалеке. Цветущее окружение напоминало сильно запущенный сад.

Вечерело. Небо налилось жгучими алыми тонами.

Искатель расположился совсем рядом. Сидел, неспешно протирая лезвия промасленной тряпкой. Подавленная горем девушка почти не говорила, долго молчала, но понимала, вечно так продолжаться не может. Команду, товарищей к жизни уже не вернуть, но сделать так, чтобы их смерть не стала напрасной она еще в силах; искатель поможет. Очень надеялась.

- Красивие, - выдавила с трудом, глядя как черные клинки багровели от красноты нависшего неба. Анна знала один из способов расположить мужчину, - отметить добрым словом его игрушки и лесть пробудит теплые чувства в самых грозных из них. Так оно и вышло. Цой еле заметно оживился. Анна не обманула, мечи действительно показались удивительно красивыми.

- Ляля и Оля, - искатель представил клинки, поочередно указав сначала на короткий, а затем длинный меч. - Акидзаси и атана, - гордо добавил он, решив блеснуть знаниями о Старом мире, но почему-то заставил вымученную улыбку появиться на испачканном лице Анны.

- Но-но, та, что длиннее, Оля, да? Не атана, а катана, - поправила девушка.

Искателю не удалось совладать с нахлынувшим удивлением и любопытством.

- А Ляля? Как называется она? - жадно спросил он, и в голосе вновь не осталось ни следа дружелюбия.

Анна пожала плечами. Тогда Цой решил воспользоваться тем, что никогда прежде до этого самого момента его не подводило - логикой.

- Какидзаси, - предположил вслух и счел догадку неоспоримой истиной.

- А змеи на ручках, знаешь?

Цой в тысячный раз посмотрел на свернувшихся в кольцо змеюк, украшавших гарду и, скривившись ртом, негодуя, покачал головой.

- Уроборос, - продолжила Анна, - символ вечности и бесконечности, череда жизни и смерти, перерождения и гибели.

И едва успела закончить, как глаза искателя вспыхнули искренней радостью. Они совсем не знакомы, а Анна рассказывала о Ляле-Оле так, словно сама сотворила и придумала их. Исключительно для него.

Стоило узнать о символике змей на клинках и на мгновение, вся твердость растаяла в искателе мартовским снегом. Он будто бы понял что-то такое, известное одному ему и знание это оказалось чуть ли не самым важным откровением последнего времени. Цой представил, сколько еще может выведать у женщины, сидящей рядом. Глянул на клинки, но не в тысячный раз, а будто впервые. Увидел их совершенно по-новому, иначе и осознал: все собранное им в странствиях, - фотографии, которыми выложил стену убежища, малочисленные уцелевшие вещицы Старых людей, - все это может и оживет с помощью Анны, вновь обретет цель и смысл: радовать каторжан так, как когда-то радовали прежних хозяев.

Женщина Старого мира с единственной миссией его возродить. Стоит того, чтобы за нее умереть. И не раз.

- Ляля-Оля, Тесой, зачем ты назвал их так? Искатель промолчал, не ответив. Стало ясно без слов: хотел быть окруженным кем-то, не чем-то - одно из древнейших желаний, овладевших человеком.

Цой перевел взгляд на звезду по имени Солнце, что почти спряталась за горизонтом от пробуждающихся ночных ужасов Каторги. Скоро и они последуют ее примеру. Здоровенный красный попугай, прилетевший и севший на ветку, неестественно выворачивая голову, украшенную синим хохолком-ирокезом, провожал последние лучи дневного света.

- Л-л-л-люда с-с-сука, Л-л-люда твар-рь! - стаккато продекларировал попугай и упорхал, хлопая большими крыльями. Цой пристыженно улыбнулся, будто птица посрамила его, а за улыбкой Анны скрылись другие мысли, знала: попугаи могли помнить слова до шестидесяти лет, и в некоторых случаях даже обучали потомство. Вот только с момента старта их миссии с Земли прошло столько столетий, - не могла поверить, да и попугай казался совершенно диким, вряд ли кто-нибудь мог научить птицу говорить, осмелившись жить в такой глуши.

Искатель встал первым, подошел, многозначно посмотрев на массивное дерево, тянувшееся ввысь на десятки и десятки метров, и затем, не менее многозначно глянул на Анну; во взгляде читалось приглашение, невежественное, но иначе, как поняла Анна, он просто не умел. Еще нет.

Женщина приняла его руку и поднялась с земли.

- Я помогу.

Крепкие руки обхватили осиную талию, и в следующий миг Анна взмыла вверх, оказавшись на ветке; кряхтя подтянулась, приложив немало усилий. Искатель вскарабкался легко, кора позволяла цепляться. Встал на ту же ветку, помог взобраться выше. Так несколько раз, пока расстояние до земли существенно не увеличилось. Анна мысленно благодарила Господа за отсутствие боязни высоты.

Осмотрелась и увидела громадину - космический корабль, упавший на Землю. Никогда не находилась к нему так близко, казалось, можно дотянуться рукой. Черная махина, словно порез на прекрасном полотне, изображавшем дивный закат, уродовала все: прекрасный пейзаж, природу, жизни людей, живших до и после.

Легким касанием Цой вернул Анну из мыслей.

Ветки дерева оказались достаточно толстыми; упасть с них, - надо постараться. Совсем скоро узнала, где заночует, - дупло, в половину человеческого роста внутри имело форму яйца, позволившее вполне свободно лечь, правда, под наклоном, почти как в камерах капсулы; от одной мысли о них сердце Анны сжалось, и с болью всколыхнулись не осевшие воспоминания.

Дерево приняло их теплом и нависшей духотой, все же обстановка сохранила необъяснимый уют. Искатель забрался следом, завесил полость в стволе сетью, вынутую из ранца. Убедившись, что их не потревожат, достал паек, надломил и угостил Анну половинкой. Молча наблюдал за девушкой, пока она, хромкая, поела кушанье, чувствуя, как вяжет рот. Позже рассказал про обитель, принадлежавший каанакондам, крупным змеям, хранящим в подобных местах яйца, и поспешил успокоить, заверив, что до следующей кладки уйма времени.

Не сводила с искателя изумленных глаз, слушая о том, как изначально дупло выдалбливалось стукачами, которые сначала высидывают здесь свои яйца, а только потом появляются змеи, поедают их кладку и оставляют свою. Анна молчала, а в мыслях безмолвно благодарила за

спасение, прекрасно понимая, чем могла закончиться та встреча, если бы его не оказалось рядом, если бы дикари проникли в капсулу раньше.

Рассказ искателя не сильно отвлек от случившегося; понимала, как тяжело и долго будет переживать утрату. Осталась одна в мире, который не узнать.

Сытый желудок и неясная слабость в теле клонили ко сну. Облокотившись на стенку дерева, попыталась уснуть, но та оказалась больно жесткой, тогда Анна перебралась ближе к искателю в надежде ощутить хоть немного человеческого тепла, и уткнулась ему в плечо, но то показалось тверже дерева. Почувствовав напряженное тело и уловив нервное дыхание, Анна поняла, - искателю не по себе и робко отстранилась.

Цой предложил девушке плащ, подоткнув им голову. Кожа оказалась не столь приятной, шершавой, но все же много лучше, чем грубое дерево и твердое, как камень тело искателя.

Анна уснула гложимая горькими мыслями о потерянных в одночасье коллегах, силой сдерживала подступающие слезы. За время полета они сблизились, стали не просто друзьями, а семьей. Васили, Мэри, Иван, Курт, Даниэлла, Зед... Думала, что ужас случился не с ней, будто наблюдала за несчастьем и бедами со стороны.

Проснувшись, не обнаружила искателя. Ушел затемно, совершенно бесшумно и также вернулся, захватив с собой тех стебельков с жидкостью, приятно напомнившей ей молоко - то был их завтрак.

Отправились до первых лучей солнца. В это время хищники ночи уже спят, а хищники дня еще не успели проснуться, крохотный временной отрезок давал небольшое преимущество.

Анна взвизгнула, ухватила искателя за руку, увидев тигров; самку и трех тигрят, не старше трех месяцев. Кажется, он не считал тигров за хищников и шел, совсем не замечая полосатое семейство, и те отвечали взаимностью.

- Уссурийской тигрр, Тесой, - приглядевшись, отметила Анна, - это уссурийской тигрр!

- Тигр, как тигр, - безынтересно проговорил он, не сбавляя шага, а Анна не сводила восхищенных глаз с вальяжно идущей тигрицы; с восторгом наблюдала за густой оранжевой шерстью, игравшей в сумеречном свете. Как еще неуклюжие тигрята, играючи поспедали за матерью.

- Ти не понимаешь, - не сдавалась она, - ми столько сил тратили на сохраненье их вида, а оказалось... Оказалось всего-то и надо - не мешать.

Очень скоро тигрица и выводок затерялись где-то в оживавшем лесу. С каждой новой секундой воздух заполнялся самыми разными звуками, когда еле уловимыми, когда устрашающими, реже удивительными. Стаи птиц проплывали над головами, покрикивали, прощаясь. Спустя час пути Анна выдохлась, а искателю хоть бы хны, - на воинственном лице ни намека на усталость, - шел себе и шел. Только сейчас заметила, что идут они, совершенно не сверяясь с ее картой.

- Куда мы идем? - наконец решила поинтересоваться.

- В Догму, - честно признался искатель, - там безопасно. Найдем Газа, он отвезет тебя на Баззарр. Петр поза...

- Ты меня продаишь? - перепугавшись, оборвала его Анна и мысли захлестнула грязь: торговля людьми, рейдеры, каннибалы, угнетение - только сейчас осознала, как мог измениться мир без цивилизации. Оголились животные инстинкты и взяли верх. Кто сильнее, тот и прав.

Искатель остановился и, развернувшись, посмотрел так, что ей сделалось стыдно.

- Петр позаботится о тебе, пока я не вернусь, - невозмутимо закончил Цой, развеяв тревожные мысли, и продолжил идти.

- Откуда это? - не скрывая возмущения, спросила она. - Откуда верниошься, Тесой?

- Из Резервации.

- А я?

- Ты не дойдешь.

- А ти?

- А я переживу, - спокойно ответил искатель.

Анна накуксилась, остановилась и как-то совсем недобро покачала головой, недовольно скривила губы; поняла - считает ее слабой, грузом, который замедлит, создаст хлопоты. Может, так оно и было, но ничего не меняло. Анна вытащила черный цилиндр и, подразнив, поиграла им перед искателем.

- Карта Резерва, первых двух, находится у меня, - в голосе прорезались зачатки доминирования, совсем как у Ады, когда отстаивает свое мнение или право остричь ему голову. Забавно. - Пользоваться ти ей ни умеешь.

Моргнуть не успела, и цилиндр оказался в руках искателя. Вот так ловкость.

- А ну отдай, - требование звучало по-детски, словно конфету у ребенка отняли, - сломаешь!

Попытался заставить прибор включиться, но не вышло, волшебный экран никак не желал появляться. Пришлось вернуть, склонив голову, как провинившийся малец. Анна выхватила устройство, приложила к поверхности палец и оно послушно ожило. Вновь из ниоткуда возник экран.

- И потом, внутри попасть можно моей рукой, - продемонстрировала кисть; кожа приятно белая, как парное молоко. - Я обязана, Тесой, ради Василя, ради всех нас. - Лицо ее вдруг выразило множество искренних и чистых, как утренняя роса эмоций: мольба, жалость, неподдельная искренность и каждое из них отозвалось неясным чувством, напрочь пробившим черствую броню искателя.

С трудом выдержал на себе ее слезливый взгляд.

Размышляя, почесал щеку, потрескивая щетиной; что же, ничего не поделает. Девушка настроена решительно, в этом Цой убедился. Полез в сумку, достав замызганную книжонку в красном переплете.

- Монструм, - объяснил и добавил: - Учись.

Девушка смущенно приняла книгу; корешок едва удерживал разбухший от вставленных дополнительных листков труд и грозил развалиться. Развязала узелок, открыла и пролистала пару туго сшитых страниц. На некоторых листках искатель накарябал описания прямо поверх печатного текста, от которого остались лишь размытые очертания. Анна листала еще и еще, и с каждой новой страницей, с каждой новой иллюстрацией чудищ Каторги, нацарапанных угольками, страх и ужас одолевали все больше.

- У тебя отвратительны почерк, Тесой, - отметила Анна, пытаясь разобрать начерканные им буквы. Странно, что из всего того мракобесия ее смутила манера письма. Хочет казаться сильной и правильно делает, - здесь иначе никак.

- Каторга - опасное место.

- Каторга, - фыркнула Анна, - почему назвали так?

- Приятного мало, вот и назвали, - искатель тяжело выдохнул. - Нужно идти.

- А на карту ты не помотришь? - бросила она ему в спину.

- Нет. Иди след в след.

- Как? - поспевая за ним, переспросила она.

- Прямо за мной, - четче выговаривая слова, произнес искатель.

Девушка плелась за мужчиной, изучая Монструм, а конца лесополосы все не сыскать. Дышать стало легче. Чувствовала свежий воздух, придававший сил. Природа предстала совсем неприступной, а все вокруг таким чистым и безобидным, что казалось, будто она очутилась в каком-то волшебном мире.

- Что это такое?

Не выдержал все-таки, улыбнувшись, отметила Анна.

- Устройство? - держа в руке цилиндр, уточнила девушка. Цой кивнул и она объяснила: - Это называется ролл, на нем есть нужная информация и кое-что личное.

Хотел узнать, как оно включается, но решил не спрашивать, надумает еще чего.

- Откуда ты? - поинтересовался искатель, не сбавляя шага; доброта все никак не отыщет дороги к его голосу.

- Отсюда, - немного подумав, ответила девушка, - ми вынужденно покинули Землю, вскоре после упавшего корабля.

- Какого корабля?

- Да вон того, - Анна кивнула на монументально возвышающуюся над лесом черную железяку, словно лезвие ножа, пронзившее полотно земли.

- Обелиск, корабль?

- Не обикновенни корабль, Тесой, космический, инопланетни! Ответ на главный вопрос!

- Какой?

- Ми не одни во Вселенной!

- Я таким не задавался.

- Люди так ждали их, искали, - говорила так, словно напоминала историю самой себе, нежели рассказывала искателю, - слали в космос послания внеземным цивилизациям, всевозможные данные о нас, наших культурах, искусстве, а они? Они споткнулись о нашу планету, как об камень на дороге. Наш мир, Тесой... - откровения Анны о мире растворились в череде глухих хлопков; грохот наскоками донесся, пошатнув тела, а затем все подозрительно стихло.

Искатель замер, безмолвным жестом велел остановиться и спутнице.

Стоял несколько минут, не шелохнувшись, и вслушивался так, будто пытался услышать то, чего не мог увидеть. Совсем близко к Казематам, мысленно установил он.

- Жди здесь, никуда не уходи, - отрезал через плечо, но страх и без того приковал ноги Анны к земле. В следующее мгновение искателя и след простыл, - он исчез где-то во множестве деревьев, скрылся за их бесчисленными листьями и цветущими кустарниками - а как, - растерянная девушка не углядела. Страх потеснил собой все мысли, все внимание.

Воцарилась мертвая тишина.

Анна испытывала жуткую боязнь, - лучше бы не читала книжонку и не знала о содержимом Каторги, - страшно представить содержимое следующих страниц, а о том, что могло скрываться где-нибудь под ближайшим кустом, и подумать боялась.

Почувствовала усиливающуюся дрожь в ногах. Увидела искателя: вырвался из зарослей, как ошпаренный. Бежал сломя голову, лихорадочно указывая рукой вперед себя. Анна прищурилась - не поняла, - куда-то показывает что ли? Повернулась - ничего.

- Беги, дура, беги! - неистово заорал совсем близко. Анна опомниться не успела, как вновь оказалась перекинутой через плечо искателя и заверезжала пронзительным криком - чуть кровь в жилах не застыла.

- Биги, Тесой, биги быстро! - завопила, увидев табун диких зверей, разворотивших стену из зарослей; неслись прямо за ними. Одни похожие на жуткую помесь слона и носорога, другие напоминали волков-переростков, медведей, третьи с трудом поддавались описанию. Бегущая масса зверей под дикие рев и визг, сминала все на пути, и едва не втоптала их в землю, если бы не пыльца и быстрые ноги искателя. До того случая Анна не верила, что человек мог бежать настолько быстро.

Искатель дернул вбок, стараясь избежать гомонящего стада; какие-то пробежали дальше, другие ринулись следом за ними, решили, убежавших Цоя и Анну также спугнули оглушительные хлопки. Животные почти настигли их, когда она, в жуткой тряске, осознала: искатель забежал глубже в лес. Не сбавляя скорости, он петлял из стороны в сторону; не понимала зачем, видела только как деревья, чьи немисливо объемные стволы, залитые черной жижей похожую на смолу, оставались позади. Звери мчались по пятам, как вдруг, из хвойной листвы попадали коконы, вмиг срезав часть мчащегося стада. Больших зверей удалось сцапать не сразу, и под дикие крики закружилась борьба. Угодившие в коконы пытались вырваться, но удалось не всем, а твари, избежавшие страшной смерти, впали в еще большую панику,

ускорились.

- Держись! - скомандовал Цой совсем не своим, inferнальным голосом. - Держись за меня!

Анна обхватила искателя, крепко прижавшись к его спине и в какой-то момент, не увидела земли под ногами, вместо нее - пропасть, а внизу бушевала и пенилась вода, приносимая шипящим водопадом, и на секунду дыхание перехватило, сердце упало в пятки и нутро опустело. В следующий миг земля возвратилась. Обезумевшие звери попадали вниз, но выжили, - сквозь пелену белой водяной пыли видела выныривающие морды и то, как они, борясь с течением, добирались до суши. Тело долго потряхивало, пытаясь прийти в норму.

Искатель, как поняла Анна, ухватился за одну из лиан, обвивавших стволы высоченных деревьев, похожих на рослые секвойи. Ловко, решила Анна, но улыбка, восхвалявшая навыки Цоя и их чудесное спасение сгнула, когда увидела пошатнувшееся тело искателя. Лицо выпачкано красной пылью, он поплыл, попятился и вдруг стал вяло от чего-то отмахиваться, затем свалился.

Тело билось в конвульсиях.

Попыталась помочь, уложив на бок. Он сжался, взмок, глаза закатились, началось обильное слюноотделение.

Спешно вынув из сумки хромированный цилиндр с синей маркировкой и, повернув верхнюю часть, заставила показаться короткую иглу и незамедлительно обколола змеившуюся взбухшими венами шею искателя. Испугалась, ведь не подумала, могла сделать хуже. Препарат мог вызвать аллергическую реакцию. Вскоре конвульсии прекратились, но жар не спадал. Спустя минуту наступило успокоение, а через две, Цой, не приходя в сознание, перестал дышать. Анна ужаснулась мысли о том, что собственноручно убила своего спасителя, перепугалась так сильно, едва сердце не остановилось вместе с последним выдохом искателя.

- Я ж говорил, бабий крик, я-то ево ни с чем не спутаю.

- Как же, не спутает он, аха, - ядовито оборвал невкусный женский голос, - Мук, твоя-то Яна давно забыла, как кричать, а скоро и как стонать позабудет.

Сквозь шелест хвои, прогоняемой легким ветерком, Анна не могла уловить украдкой подобранных людей, услышала только самодовольные смешки мужиков, поддерживавших укоризненный девичий голос.

Их было четверо; трое мужчин и одна женщина.

Пришли за искателем и Анной из просвета чащи, а окружили так быстро, - сообразить не успела. Мужики крупные, сильные, у одного, самого здорового, за спиной на манер походного рюкзака цепями закреплена тележка, какие обычно встречались в супермаркетах; за широкими спинами других - большие мешки, а женщина, напротив, вся такая миниатюрная, небольшая и очень аккуратненькая. Взгляд хлесткий, лицо чем-то намеренно измазано, на одежде ветки и листья - разведчица.

- О как Каторга девкин мозг-то извратила, как набучилась-то, а, мужики, - язвительно парировал некий Мук и только теперь взвешивающие взгляды группы сошлись на Анне и трупом лежавшем искателе.

Девушка выхватила из-за пояса мачете и осторожно подступала ближе.

- Зоя, а ну стой! - с опаской начал тот, за чьей спиной висела тележка. - Это Цой, кажись, вон рубцы на башке, видишь?

Остановилась, вперив острый взгляд сначала в искателя, а затем в обескураженную Анну. Оскалилась, точно - Цой.

- Надо бы помочь, - предложил Мук.

- А нас слышно? - звякнув хламом в тележке, спросил мастистый мужик.

Мук осторожно присел, отвернул ворот куртки, на обратной стороне которого крепилось нечто, отдаленно напоминавшее Анне рацию. Собиратель прикрыл ее рукой, сдерживая хрипящие звуки, и пробурчал что-то в ответ, а потом с досадой сказал более внятно:

- Не, не слышно, - застегнул молнию и поднялся. - Так чо, отнесем? Вдруг помрет, без больнички-то.

- Занятно, второй раз деру даст? - проигнорировав предложение Мука, обратилась Зоя ко всем сразу, но ответа не последовало, только вопрос:

- Он же в Яме выигрывает?

- Он, он, - утвердил верзила с тележкой, и, заметив, как Зоя продолжала приближаться, скомандовал: - Стой тебе говорю, он змей, знаешь какой? Авось претворяется! Монструм без хитринки не сделать.

Искатель очнулся с глубоким и жадным вдохом, рывком сев в объятиях Анны, пытаясь удержать в голове число двести четыре. С легкостью разобрала его взгляд, - сродни пойманного за руку нашкодившего ребенка, но в глазах ни капли испуга. Цой и сам, как ей показалось, был в замешательстве, а когда заметил собирателей и искательницу Каземат, резко вскочил, попытался вытащить меч, но не вышло, - тело болело и не слушалось; Оля выскользнула из руки и упала на землю, Цой свалился следом. Анна хотела помочь, но лезвие до блеска наточенного мачете у горла не позволило.

Зоя велела подняться, поиграв острием у подбородка. Анна повиновалась. Цепкие глазки зацепились сначала за необычную темную одежду Анны, а потом и за набедренную кобуру в которой покорно хранился пистолет Василия. Очень быстро добро перекочевало на крепкое бедро Зои. До одежды доберется позже.

- Непроизносимый прибудет в радости, а, Феня? - хищно изогнув губы, объявила искательница.

Цой поднялся и смотрел на них, как удав на кроликов. Тот, кого звали Феней старался избегать взгляда искателя и сосредоточился на мушке, предупредительно наставленного на них укороченного двуствольного ружья. Цой мог справиться с ними, потянул бы время, пока действие пыльцы не отпустит тело, а затем, если не разойдутся мирно, убьет одного, с особым изяществом и жестокостью, - кроваво, в пример остальным, - напугает и они отступят.

Одна смерть лучше четырех.

Все сложилось бы так, а может, никому умирать не пришлось, если бы не Анна. Эту схватку ей не пережить, убьют с дуру и не бывать тогда возрождению Старого мира. Ее жизнь слишком ценна, искатель не в праве ей рисковать.

Зоя испытующе рассматривала искателя; глаза округлись, зацепившись за бинокляр, висевший у бедра. Женщина в один миг метнулась к искателю и схватила оптический прибор. Дыхание ее участилось.

- Где взял? Где взял? - повторяла она, срываясь в крик, тыча бинокляром то в лицо, то ударяла им искателя в грудь. - Где?! - Мачете у горла не развязал язык Цоя. - Убью!

- Мы так не поступаем, - решительно выступил верзила с тележкой за спиной. - Сама знаешь. Яма.

Зоя шипела, приблизилась, готовая полоснуть горло искателя.

- Непроизносимый решит, - отрезала она, вспоров ремешок, на котором висел бинокляр и забрала вещицу.

ГЛАВА 10

Цой отдал все: Лялю-Олю, рюкзак, Ататашку, даже флягу с мочой. Зоя примерила накидку из шкуры беса; та понравилась не только ей, но и остальным.

К удивлению Анны, плененный искатель несколько раз указывал Зое на опасные места, которые следовало обойти - сама бы их не заметила. Первый раз Зоя не послушала, посчитав слова Цоя лживой уловкой и за непослушание Феня едва не заплатилась жизнью.

Собиратель чуть не угодил в нору землероев, уходящую под землю на несколько метров; провались, и обратно выбраться не успеешь, загрызут. Анна успела вычитать про норы в Монструме, рассмотрела и неважный рисунок: ямы, естественно сокрытые растительностью, обычно не больше метра в диаметре, а в глубину порой доходили до трех-четырех, в зависимости от численности семейной группы - чем она больше, тем глубже яма, чьи стенки усеяны небольшими нишами самих землероев. Стоит добыче попасться, как зверьки выныривают со всех сторон, впиваются в тело жертвы и поедают ее.

Пока Цой на пару с Зоей выискивали притаившиеся опасности на пути к Казематам, Анна не могла принять данность - она не узнает этот мир.

Покидая родную планету, они, абсолютно уверенные в ее гибели и представить не могли, что вернувшись, встретят не безликую серую массу, из которой заново предстоит слепить мир, а планету, живую и как никогда неукротимую. Каждое новое дерево, каждый лист, куст, ягода казались сильнее, ярче и слаще, словно картина, написанная сочными красками и каждый мазок на полотне - несравненно хорош, там, где и должен быть. Цвета не поблекли, как рассчитывали их ученые, стали краше, живописнее и ядовитее. Земля жила, назло и вопреки.

Совсем скоро Анна выдохлась, ноги подкашивались и заплетались. Идти больше не могла. Группа Каземат двигалась не так, как Цой, с ним она не успевала утомиться - отлично сбалансированный ритм не позволял, а сейчас все иначе. В каждом шаге Зои искрился характер: напористый, сильный, независимый. Искательница танком перла вперед, не зная усталости. Вполовину груженые добром Мук, Феня и детина с тележкой за спиной явно подустали, но виду не подавали, а Цою, - хоть бы что, - идет себе и идет, восторгаясь новой обувкой. Безмятежный взгляд необъяснимо гасил в Анне всякую тревогу.

- Дай ей отдохнуть, - голос искателя мрачнее, чем когда-либо и ни капли просьбы, приказ.

Зоя остановилась, впившись взглядом в искателя и собиралась прыснуть словами, как ядом, но не дура, - знала опыт Цоя, послушала. Если придется бежать, и кто-то отстанет, погубит группу целиком.

На поиск относительно безопасного места ушло некоторое время; Анна претерпела его болезненно, мысленно отсчитывая каждую секунду, но после нескольких минут поймала себя на мысли, что занимается бесполезной ерундой и перестала отвлекаться. Каторга - опасное место, слова искателя промелькнули в голове, заставив собраться с силами и сосредоточиться на пути.

Десять минут отдыхом никак не назвать и даже передышкой с трудом. Шли дальше, а Анне думалось, что заблудились и ходят кругами, местность нисколько не менялась: дерево, куст, дерево, огромное дерево, еще более огромное, и все зацвело и благоухало. Феня уверил, - никто не сбился с пути, и объяснил: с южной стороны листьев на деревьях больше, они гуще, - все живое инстинктивно тянется к теплу. Со мхом ситуация обратная, он обильно сосредоточен на северной стороне, потому как там солнце сушит меньше, позволяя растению лучше расти. Казематы - на юге, они верно идут, да и никто в здравом уме не выходит в Каторгу без рабочего компаса. Анна не знала подобных хитростей, да и незачем было: в ее время захочешь - потеряться не сможешь. Любой гаджет мог показать расположение и то, как добраться до желаемого места. Цой поверил в существование подобных устройств не сразу, но вспомнив о ролле, показавшего расположение мигающих красных точек, перестал сомневаться.

- Цой, - неожиданно обратился Мук, - расскажи, как сбежал тогда, а? Ты же эта... первый и единственный, так-то никто больше не смог.

Искатель молчал, дав понять: унесет секрет в могилу. Не ответил и на вопрос Анны о том, как там очутился. Зато мордастый Феня вновь раскрыл историю в деталях; наверное, предположила Анна, здоровяк всегда хотел стать рассказчиком, а атлетическое тело решило иначе, и теперь он ходит в собирателях, скрашивая путь всяческими рассказами.

Как выяснилось со слов Фени, первое близкое знакомство Цоя с Домами началось именно с Каземат. Впервые он набрел туда шесть лет назад, совсем дурной, искал помощи, но тамошние каторжники небеспричинно сочли его бездомным. Повезло, что не убили. Повязали и заточили в одной из камер верхних этажей, - комната: три стены, а вместо четвертой - пустота. Убежать запросто, главное переживи падение с девяностометровой высоты. Именно столько насчитывалось в тридцатиэтажных близнецах Каземат. Никто не сбежал, но Цою как-то удалось, а как - до сих пор неизвестно.

Трава под ногами еле слышно потрескивала, а растелившийся пятнами алый мох придавал окружению неземное величие. Очень скоро Анна почувствовала, как мягкая почва сменилась твердым раскученным асфальтом широченной трассы, а точнее тем, что от нее осталось. Из огромных расщелин выросли кедры, достигавшие пятидесяти метров в высоту и имевшие почти полтора метра в диаметре, почему-то именно в них Анна признала ужасающую красоту и силу природы.

Солнце кульминировало над Каторгой под куполом ярко-синего неба. Лучи безжалостно накаляли такыры дорожного полотна, заставляя марево игриво дрожать над искалеченными островками асфальта. Увлечшись проросшими сквозь него деревьями, девушка не сразу заметила появление кольев, вбитых крест-накрест по обе стороны от остатков дороги. За ними другие, торчали из земли под устрашающе острыми углами; на некоторых виднелись следы давно запекшейся крови, стало ясно, - вогнанные в землю копыта не раз умертвляли на себе диких зверей.

Посмотрела перед собой.

Массивные железные ворота, отливали черным и пугающе рыжим оттенками. Единственный вход в стене, израненной следами атак и словно щетиной обросшей заостренными арматурами. За ними параллельно поднимались две многоэтажки, - гордые башни, бросающие вызов одичалому окружению.

Архитектура изменилась; больше не радовала глаз, а страшила его.

На смотровых вышках по обе стороны от ворот бдели дозорные. Один из них, заметив приближение группы, сначала рассмотрел идущих в бинокль, и только после, когда подошли достаточно близко, дал знак приоткрыть ворота. Прежде чем группе позволили войти, на вышки поднялось еще несколько человек, - оборонители, вооруженные крупнокалиберными пулеметами, заняли позиции и проследили за тем, чтобы никто и ничто кроме вновь прибывших не проникло за стены.

Тягучим скрипом закрылись высокие ворота за их спинами и внутренний двор, окруженный прочной стеной, встретил гостей блеклыми красками.

Анна не заметила ни единого цветочка, ни травинки, ни даже росточка, - обитателям Каземат досаждала растительность снаружи и неудивительно, что они не желали терпеть кустарники и внутри. Часть усеянного заплатками асфальта дугой спускалась вниз, к подземному гаражу, другая пролегла к десятку ступеней и тридцатиэтажным высоткам. Здания Каземат стояли на некогда белом мраморном монолите, но дожди и томительное солнце давно омрачили исконный цвет. Окна первых этажей, укрепленные железным настилом, кое-где проржавели, но сохранили какую-никакую прочность.

Цой и Анна, ведомые Зоей и тремя собирателями двигались дальше.

По обе стороны от них спустились с постов оборотители. Сложив оружие и сев за небольшой столик, укрытый камуфляжной сетью принялись во что-то играть. Во что именно Анна разглядеть не смогла.

Неотесанный мальчуган, выскочивший из кабины грузовика, служившей своеобразной будкой, в приветливой улыбке свойственной лишь детям, отсалютовал прибывшим. Увидев Зою, идущую с кошачьей грацией, пряткий паренек поспешил выше, к хлипким дощечкам, навешанным на железный каркас, приваренный к кабине. Напротив ее имени, намалеванного белой краской, навесил тонкие железные листы размером не больше ладони. Зоя тщеславно улыбнулась числу семьдесят восемь напротив своего имени. Имена Маг, Ара и Пак, написанные под ее именем, имели числа скромнее, - не превышали пятидесяти. Мальчик сдавил пневматическую пластинку, заставив увесистый клаксон разродиться завывающим звуком. Каторжники Каземат, возившиеся над багги без передних колес, и другие, занимавшиеся далеким от понимания Анны ремеслом, вмиг оторвались от дел и аплодировали, сотрясая воздух радостным ором, восхваляя возвращение группы.

На несколько метров от ворот в шесть ровных рядов тянулись уложенные мешки с песком, большие резиновые баллоны, давно стершиеся и прохудившиеся в некоторых местах, а там, где заканчивались укрепления, положив руки на широкий ремень, прикрытый исхудавшим пиратским сюртуком, нежась в дневном свете, стоял невысокий дебелий мужчина преклонного возраста. Он встретил прибывших широченной самодовольной улыбкой, в которой не доставало пары зубов; верхнего и нижнего. Морщины лица изогнулись причудливыми изгибами. Гладковыбритая голова в свете яркого солнца лучилась белым блеском, и тяжелые густые

брови - единственная растительность на хитро прищуренном, изборожденном морщинами лице, - из-под падающей тени которых радостным блеском глядела пара озорливых, глубоко посаженных глаз.

- Цой, Цой, мой дорогой! - начал он, словно кошку, поглаживая черный в белый горошек нашейный платок. - Я говорил, будет день, и ты вернешься.

Цой не изменил себе ни на секунду, - молчал.

- Непроизносимый, - встряла Зоя, сжимая в руке бинокляр. Домовой, похоже, узнал вещицу и насупил брови. - Нашла у него, - ненавистно продолжила искательница. - Я требую Яму и первое правило Каторги. Оставить вещи Цоя себе, - указала на Лялю-Олю, что держала в ножнах и стукнула ладонью в плечо, по накидке из бесей шкуры. - Рюкзак и содержимое справедливо разделят Мук, Феня и Вас. И хотя Цой еще жив, Непроизносимый развел руками, не в силах отказать ее просьбе, чем заслужил одобрительный кивок. Зоя собралась уходить, но человек в пиратской одежке не позволил. Не отпустил и трех собирателей, утомленных весом сумок. Они так и норовили сдать найденное добро на склад и открыть для себя прелести того, что Цой хранил в ранце.

- Вижу, наш первый и единственный беглец не один, - приторно улыбаясь, протянул Непроизносимый, заглядывая за Цоя. Голос звучал неприятно, как железом по стеклу. - Подойди, не бойсь, - фальшивой лаской позвал Анну, будто приманивал дитя конфеткой. - Чудная одежда, у нас такой давно не делают, - отметил безошибочно и с явным сожалением. Цой понял к чему идет разговор, но сохранял молчание и только Непроизносимый успел открыть рот, как его едва начавшуюся речь затмил звонкий голос:

- Цой? Бес меня задери! А тебя каким компасом привело?

- Лис, - в приветствии кивнул искатель, и подобие улыбки незаметно упало на черствое лицо.

Позабыв о небольшой тележке, груженной темными сферами, чем-то напоминавшие Анне шары для боулинга, Лис направился к прибывшим легко и играючи, а заметив спутницу, стоявшую позади искателя, шаг обернулся припрыжкой. Худощавый паренек неполных тридцати, нахально улыбчив, одетый в полинявшую розовую майку, поверх которой красовался красный ментик, скрепленный на груди шнурками между шестью пуговицами-клыками. Потертые штаны Лиса должны были вот-вот прохудиться. Правая нога, обутая в расшнурованный коричневый ботинок, контрастировала с испачканной белой кроссовкой, плотно затянутой на левой. На голове, выгоревшей и облупившейся от жары кожей, блистала пилотная шапка, украшенная самолетными очками. Грязноватый, будто вылез из пыльной ямы, весь, за исключением огненно-рыжей косматой бородки, сквозившей выцветшими на солнце волосиками, обрамляющей впалые щеки и прямоугольный подбородок. Бороду, как показалось Анне, он любил особенно сильно, - единственная ухоженная часть во всей нетесаной наружности.

- Милаха какая, Цой! - в молитвенном восхищении сложив руки, объявил Лис, игриво поглядывая на Анну. - Где отыскал такую мордашу? - вопрошал стоя возле нее. Бережно взял за ручку и стал обходить кругом, увлекая за собой в ему одному известный танец; девушка, сама не понимая как, безвольно покорилась шарму. Анна встречала таких, как Лис, - одной харизмой асфальт стелить можно; и неряшливой одежде не под силу затмить лучшее обаяние.

Остановился, театрально запрокинул голову и, изогнув брови, одарил девушку нарочно

неважно чувственным взглядом. Втянул носом воздух, будто вдохнул запах неуловимой свободы и проникновенно спросил:

- Как зовут тебя, небесное чудо?

Анна наконец пришла в себя, - невидимые чары отпустили, - не сразу поняла, как он догадался, но вскоре сообразила: дело в одежде, а еще она немного чище остальных. Хотя очередное подобное путешествие и измазана будет, - не отличить.

- Знаю, - приятно-музыкальными нотками продолжил Лис, совсем позабыв о Непроизносимом, - моя неотразимость лишает дара речи, но прошу, у такой красоты обязано быть имя.

- Анна, - со свойственной тяжестью в голосе произнес Цой, чем вынудил Лиса сильно зажмуриться.

- Убил всю красоту, - произнес с напущенным сожалением, обреченно поникнув головой и плечами, - уничтожил одним словом, Цой. Так же нельзя! - И добрая улыбка рассекла беззаботное лицо.

- Ну хватит! - вмешался Непроизносимый. - Лис, ты справился с работой. Обратись к Сене за ответной благодарностью.

Лис смутно глянул на Непроизносимого, и вдруг выпалил:

- А с ними что?

Вопрос позабавил домового Каземат.

- Останься и завтра увидишь все сам, - интриган из Непроизносимого сильно так себе.

Цой и Лис обменялись им одним понятыми взглядами.

- Ждать не стану, - брякнул рыжеволосый, - есть задумки, требующие скорейшего воплощения. Отдашь багги? - по секундно-скорчившемуся лицу домового стало ясно: назойливый паренек спрашивает далеко не впервой.

Непроизносимый посмотрел на машину, мордой с кенгурятником безнадежно уткнувшуюся в асфальт. Подумал немного и сказал, плутовато улыбнувшись:

- Сможешь забрать, забирай.

- Чудно, - Лис улыбнулся не менее хитро и откланялся, поцеловав руку Анны, чем вызвал румянец на щеках девушки, которому несказанно обрадовался. А Непроизносимый, наблюдая за почти театральной сценой прощания, скрепил руки за спиной и несколько раз оценивающе обошел искателя и его спутницу.

- Знаешь, чему научил меня папаня, а, Цой? - скользко поинтересовался, пристально оглядывая Анну. - Папаня говорил так: сынок, решай проблемы по мере их поступления. Здорово, да? Это сокровенное знание он получил от моего деда, а дед от своего отца, а откуда узнал тот, ты уж прости, но я йух его знает. Ну да не суть. Решай по мере поступления, - наставнически повторил он. - И я решал. Вот только ни один из них не говорил, что делать, если проблемы приходят одновременно и парой, Цой, парой! Или заявляются сразу десятками! Что делать тогда, а? - принял к Анне, уловив ее необычный запах, точно как Цой тогда. - Но я знаю.

Теперь знаю. Расставлять приоритеты! - объявил, остановившись перед ними, а затем добавил: - День ночи яснее, так-то, да. Посидите в камере, а на утро, ты, Цой, станешь не только первым сбежавшим от нас, но и первым участником игр, а ты, бабца, расскажешь все о себе, о той штуке, на которой спустилась и похерила часть урожая нашей пылицы. Да и вообще о том, какого беса ты на железке забыла, - Непроизносимый улыбнулся, явно довольный расставленными приоритетами, перевел полный самолюбования взгляд на искателя. - Тебе понравится, Цой, зуб даю. Эй, вы, - рывкнув, окрикнул двух мужиков, обменивающихся за столом непонятными бумажками, - а ну за мной!

Оборонители спешно собрали плотные листы со стола и встали по обе стороны от домового.

- Я покажу, Цой, - Непроизносимый приветливо указал в сторону высоток.

Холл встретил вошедших чистотой, насколько это было возможно: зал с высокими потолками, под сводом которых свисали три внушительных кованых люстры, явно найденные за пределами Каземат и совершенно не вписывающиеся в погрызенные временем остатки интерьера. Где-то горели лампочки, а где-то патроны сменили факелы. Продолговатый коридор военизирован; укреплен на случай атаки. Люди приспособились к дикому миру снаружи и приняли множество мер, не позволявших ему пустить корни здесь, внутри их дома. Колючая проволока венчала выстроенные каторжниками двухметровые стены, ведущие к лифтам и лестнице на другом конце просторного помещения. Что располагалось за стенами, Анна так и не выяснила.

Лифт распротер стонущие двери до того как они подошли. Потускневшая лампочка, давно лишенная плафона, излучала хилый желтый свет, где-то внизу шахты под ними, тархтя, работали генераторы. То и дело постукивающий трос не без труда опустил лифт вниз на несколько этажей. Спускались ужасно долго, - минут пять и в напряженной тишине. Анна не сводила тревожных глаз с искателя, но он, как и всегда, - спокоен, словно послештормовое море. Непокколебимость в очередной раз передалась и Анне. Ни разу после того как они покинули капсулу Цой не давал повода усомниться в нем и его навыках. Девушка верила: он уверен и знает, что делает. Пообещала себе, что когда-нибудь обязательно станет как Цой.

Преступив порог лифта, Непроизносимый распротер руки, предлагая плененным насладиться плодами его трудов: три уходящих вверх яруса некогда подземной парковки ныне напоминали трибуны, окружавшие прутчатый купол арены. Три этажа, как понял искатель, частично уничтожены взрывом, - Лис раскурочил покрытие смесями, открыв неплохой обзор каждому из ярусов при этом, не повредив несущих конструкций, а внизу - почти такая же арена, как и Яма Базарра, но доработанная, - неясно только в угоду чему.

Непроизносимый встал у потертых перил, подозвал искателя и Анну ближе.

Свистнул куда-то во мрак, когда подошли.

Вспыхнули прожекторы, и белые в плывущей пыли столбы света устремились к боевому поприщу, которое очертило огненным кольцом.

Свистнул еще и внизу, за осыпавшимся песком, показались небольшие лунки. Лязг цепей и прямо из лазов в земле, под дикий рев выскочила пара теневолок. Непроизносимый аплодировал их появлению, почти как ребенок в цирке, увидевший дрессированных хищников, и, как это обычно бывает с детьми, интерес его быстро угас, и спустя какое-то время небрежным кивком велел убрать хищников.

- Что скажешь, Цой? - поинтересовался он, несоизмеримо гордо за свое творение. - Бои в Яме

проходят реже и реже, а мы это исправим и превзойдем Баззарр. Зрелищные сражения: человек против отродий Каторги! - с пугающим фанатизмом объявил домовый. - А теперь представь, поймать толстопарда, или повязать лунатиху, наебабу! Можно пойти еще дальше, - заявил, почти обезумевши, - натравить тварей друг на друга!

- Для чего? - заговорил Цой, нарушив безмолвие. - Ты знаешь, за что бруты бьются в Яме, а это? - небрежно кивнув на купол новой арены, спросил искатель. - Зачем?

- Цой, Цой, Цой, - раздосадовано протараторил Непроизносимый, искренне расстроенный тем, что тот не разглядел глубинного смысла. - Знаешь, чем людей покорял Старый мир? - Вопрос заставил искателя насторожиться, вдруг узнает что-то, чего не знал прежде. - Разнообразием! Он мог предложить жаждущему все от батона до гондона. Тем и был хорош. А что видим мы, каторжники, а, Цой? День за днем рискуем жизнями, выходим за стены, собирая все, что сослужит добрую службу нашему Дому. Мы, как троллики в лабиринте и чем быстрее бежим, тем запутаннее он становится. Я хочу видеть наш мир, нашу Каторгу такими, каким был Старый мир.

- Это не выход, - осуждающе ответил искатель, повторно указав на купол.

- Нет, - согласился Непроизносимый и все же не сдался: - Первый шаг к выходу, - чванливо оглядев, и напоследок ласково улыбнувшись созданному творению, домовый смахнул капли пота с отполированной до блеска лысины и добавил: - Ночь в камере и ты изменишь мнение, или умрешь здесь утром, а тебе, моя гостя с небес, камера и прохладный ночной воздух помогут собраться с мыслями для завтрашней беседы. Уверен, твое появление здесь не случайно. Мы идем верной дорогой, - говорил, кажется сам с собой. Цой удивился, не подав виду, - не мог понять: перед Непроизносимым последний представитель Старого мира, женщина, хранящая столько знаний и секретов, а он не проявляет никакого интереса и готов ждать всю ночь. Неужели есть что-то важнее?

- Тебя не поддержат.

- Все меняется, Цой, - развязно ответил Непроизносимый. - Я расскажу тебе, когда ты умрешь, - и посмотрел на него удивленно. - А чего? Вдруг расскажешь кому, а так точно не разболтаешь раньше времени, - домовый кивнул и двое подоспевших оборонителя увели их прочь.

К камерам Цоя привели связанным и в неглиже; лишили костюма, найденного в капсуле и бинтов бесей кожи. Анну тоже раздели, забрав одежду и у нее, но выдали другую, грубую, неважно сшитую.

Посадили в камеры рядом; их разделяла стена.

Прежде помещение служило душевой; время соскоблило кафель со стен, точно скорлупу с яйца, оставив осыпающийся цемент, израненный сколами, трещинами и нацарапанными надписями, разобрать которые так и не удалось.

Железная дверь за спиной глухо закрылась, дав понять, - через себя не пропустит, а финальный лязг щеколд поставил жирный крест на мыслях о побеге.

Облокотившись о стену, девушка медленно сползла к полу. Сидела, наблюдая за тем, как солнце, окрашиваясь пламенно-красным, собиралось утонуть за ломаной линией горизонта. С высоты прекрасно виден и Обелиск, - название показалось Анне исчерпывающим, - действительно, так похож на монумент, черное надгробие всему человеческому.

- Тесой?

- Чего?

- Завтра будешь драться?

- Нет.

- Ты опять сбежишь?

- Да, - ответил невозмутимо и каждый раз, голос будто бы доносился из разных уголков камеры. - Я за тобой вернусь. Никуда не уходи.

Куда уж тут уйдешь; впрочем, выход был прямо под носом - прыжок веры. В бездну. Анна собиралась спросить, как планирует бежать, но пролетавшее на фоне оранжевого диска черное пятно, не уступавшее вертолету в размерах, унесло вопрос вслед за распахнутыми крыльями.

- Иглаптица, - голос искателя донес название сквозь пошарпанную стену, - очень красива и еще более опасна, но на людей нападает редко. До их описания в Монструме Анна не добралась, и, наверное, не доберется - пухлую книжонку забрали. Все, что оставалось - наблюдать за тем, как крылатое чудовище скрылось где-то за черными стенами Обелиска.

- Непроизносимый, - ворчливо выговорила она, - что за странное имя такое?

- А Нора?

- Нора? - переспросила Анна.

- На одежде, внутри на стенах...

Анна не могла забыть надписей на костюмах, - маркировки маячили перед ней все время полета, - «НОРЕ» и искренний смех перебил речь искателя; никогда не слышал столь дивного смеха, приятным теплом пробежавший по телу.

- Это акроним. Ну, знаешь, образован из первых букв, - начала приводить примеры, названия которых не сказали ни о чем; странный набор звуков. - АКМЕ, КОЗА, а то, что ты называешь Норой, есть Хоуп - Надежда.

Молчание. Почесался затылком о шершавую стену. Не мог передать словами охватившие его чувства, необъяснимо происходящее между ним, Анной и тем, что, и как она говорит; он сам жил одной лишь надеждой на лучшее время. Железка, упавшая с неба - Надежда. Цой не верил и не понимал ни судьбы, ни судьбоносного замысла, но символизм, с которым все случилось, вселил странное ощущение предназначенности и предопределенности. Никогда прежде искатель не помнил себя настолько уверенным, не был настолько убежденным в правильности совершенных действий, в необходимости происходящего. Он готов идти дальше не смотря ни на что - может, на этот раз все завершится. Впервые силы придавала не пыльца и не инстинкт выживания, им двигало нечто неосоздаемое, оттого казавшееся совершенно бесценным, - идея.

И пока Цой пытался разобраться с диковинными чувствами, Анна с трепетом рассказала о том, что так называлась миссия до Инцидента, - операция «Ogion» с задачей доставить людей на поверхность Марса, - Красной планеты.

Первый полет корабля Ogion запланировали на две тысячи восемнадцатый год, еще до ее

рождения. Как раз тогда астрономы обнаружили планету земного типа в зоне обитаемости, а когда выяснилось почти стопроцентное сходство с Землей, совет принял решение скорректировать программу «Orion» на доставку людей к планете, названной Земля Два-Ноль. Колонизировать новую планету в точности похожую на Землю намного проще, чем бороться с пылевыми бурями, вихрями и прочими невзгодами Марса. Со сменой цели программы «Orion» поменялось и название, - Heritage Operation of People Expansion, - символизирующее расширение владений людей в космосе. Подготовка шла полным ходом. Тысячи вовлеченных в проект специалистов с полной отдачей трудились не покладая рук. Правда из-за ситуации в разобщенном мире, несколько раз программа оказывалась на грани срыва, но к счастью, остались влиятельные люди, искренне верящие в высшее благо, живущие ради лучшего будущего следующих поколений, а потом случился Инцидент, и все мире полетело к чертям. Земля Два-Ноль стала несбыточной мечтой, а единственной реальностью, - необходимость сохранить планету Земля. С изменившейся целью, в очередной раз сменилось и название, точнее, последнее слово, и получилось Heritage Operation of People Establishment, - проговорила, словно неведомое заклинание. Теперь суматоха с названиями виделась Анне такой бесполезной и совершенно не нужной, - улыбка незаметно прокралась к уголкам ее губ, пока солнце лукаво подмигивало последними лучиками, прежде чем успело нырнуть туда, куда не могли заглянуть глаза.

Небо очернело и совсем скоро серебряный свет луны окрасил холодными оттенками зеленое покрывало крон деревьев.

- Как давно все произошло?

Анна тяжело вдохнула, - так, словно вместе с воздухом к ней возвращались воспоминания.

- В две тысячи семьдесят седьмом году, - печаль в голосе сменилась сдавленным смешком. - Мы ждали атомной войны или чего хуже, но случился Инцидент.

Столько новых слов до конца неясных искателю. Хотел узнать значение каждого.

- Инцидент?

- Название события, которое не удалось скрыть от людей, да и как такое скроешь? Огромные корабли, большущие машины попадали с небес...

- Попадали? - оборвал удивленный голос искателя.

- Всю так, Тесой, а ты не знал? - Анна быстро осознала глупость вопроса. Откуда им, каторжанам, знать о творившемся тогда в мире. Упавшие четыре корабля, приумножившие хаос и разрушения в мире, получили имена Четырех всадников Апокалипсиса. Первый и самый крупный корабль, прозванный Чумой, упал в Тихом океане, вызвав огромное цунами, смывшее большую часть Западного побережья Америки. Второй, названный Раздором, рухнул в Антарктиде. Третий - Голод, - разбился в Сахаре, и последний, четвертый, именуемый Смертью, - Анна головой указала на Обелиск, не сразу сообразив, что искатель не видит движений, - на территории Руси, ближе к центру Восточно-Европейской равнины. Падали корабли и меньших размеров, но я не могу сказать, где именно. Не помню всех мест, да разве важно? Ничего не осталось.

Цой услышал столько незнакомых названий Старого мира, о существовании которых и помыслить не мог, но инстинктивно осознал масштабы случившегося. Надеялся и верил, что Старый мир обратился в прах не полностью, он слепо бродил по Каторге в надежде отыскать

безопасное место, где-нибудь за ее границами, и вот Надежда нашла его сама, но совершенно не такая, какую он искал, какой представлял.

- Наверное, лучше так, - продолжила Анна, печаль пережитого давно оставила голос, - Инцидент поставил точку за нас. Наш финал мог иметь больше серьезных катастрофических последствий.

Цой не верил ушам; хорошо хоть разделявшая их стена скрывала от ее глаз охваченное замешательством лицо. Но как же найденные им фотографии? - В них столько... тепла.

- Говоришь так, - искателю тяжело давались такие речи и слова, - будто в мире совсем нет добра.

Анна усмехнулась, но ему не удалось разобрать интонации.

- В мире не осталось ни добра, ни зла, только мера эгоизма. И мы сами, Тесой, виноватие.

- Почему?

- Почему? - ненавистно переспросила Анна. - Потому что позволили решать за нас, что хорошо, а что плохо, кто друг, а кто враг, кого бить, кого миловать и однажды случилось так, что враги оказались всюду, а бить пришлось всех и никакого тебе апокалипсиса, конца света, пандемии, катаклизмов или воссоздания черной дыры в лабораторных условиях. Впервые в истории размер дубинки не имел никакого значения. Владеющий словом овладел и мнением, и обыкновенная человеческая ненависть друг к другу сотворила столько ужасов, причинила столько боли. Страшно подумать.

К глазам подбежали слезы. Вытерла их рукавом и поежилась от неприятных ощущений, вызванных грубой кожей одежды.

- А чо за дубинка? - топорно спросил хриплый голос смотрителя за железной дверью.

- Молчал бы, дурень, - осуждающе прыснули знакомые ненавистные нотки Зои. Анна не подозревала, что их слушают, не ответила. - Завтра умрешь, Цой, - прошипев, отрезала Зоя.

Цой не потрудился ответить, а Анна собственной кожей ощутила напряженное молчание.

- Молчишь? - провоцировала она. - Молчи. Завтра закричишь.

Грозно удаляющиеся шаги сказали Анне о многом; о том, что искателю одним лишь молчанием удалось взбесить девушку, о том, что завтра она обязательно явится, назло, доказать своим присутствием его глубочайшее заблуждение. Анна оценила хитрость искателя, но и подумать не могла, что следующим утром все произойдет в точности так, как он и сказал.

- Чего злая такая? - сквозь закрытую дверь спросил искатель смотрителя.

- Да мужика потеряла, - с досадой доложил невидимый голос. - Ушел с неделю в Каторгу, вместе с сестрой. И того, не вернулись.

Больше искатель не говорил.

ГЛАВА 11

Анна почти не спала. Ревущие ветра, под натиском которых стонали стены Каземат, не позволили случиться сну. Из полудрема девушку вырвал режущий слух скрежет двери.

Тусклые глаза зрителя, открывшего дверь, в равной степени одолевали растерянность и негодование. Цой сбежал. Опять. Анне не верилось; не мог же он призвать на помощь иглаптицу и улететь на ней из башни. Мысль показалась слишком надуманной и невероятной.

Поутру точно такая гримаса охватила и лицо Непроизносимого, когда зритель привел Анну. Девушке, даже будучи в опасности, с трудом удалось подавить улыбку и смех. Неизменный пиратский сюртук домового дополнился витиеватым некогда белым, но ныне посеребрившимся, как шкура мыши, растрепанным париком с завитыми локонами и длинными узкими косами сзади, припасенный именно для подобных торжественных открытий, - и как только умудряются находить подобные диковинки.

Непроизносимый обескураженно пребывал на трибуне, возносящейся над ареной, гневно поглядывая на виновато стоявшего зрителя. Мужик потупил взгляд, придерживая Анну за локоть. Домовой велел зрителю скрыться с глаз, небрежно потряхивая рукой.

- Надо бы в следующий раз посадить кого вместе с ним, - наказал он, пригрозив пальцем, украшенным увесистой гайкой, как огромным перстнем.

Стоявшая неподалеку Зоя не могла не согласиться и кивнула, немного расстроившись: искателя нет, а так хотелось посмотреть, как его загрызут теневолки, похвастать изящно висевшими Лялей-Олей на набедренном поясе.

Непроизносимый огляделся, кивнув оборонителям, похожим на статуи горгулий, симметрично вставших у краев трех ярусов и неустанно охранявших его покой. Восхитился, - молодцы, прокараулили всю ночь, а выглядят так, будто готовы стоять еще столько же, но и их выправке не удалось скрасить весть о том, что искатель бежал из Каземат во второй раз.

- Ну вот, - не скрывая разочарования, во всеуслышание продолжил домовый, небрежно размахивая красной книжонкой искателя, - увеселительная часть скатилась в бесью жопу, и теперь я вынужден отложить открытие, или, - задумчиво приложив руку к подбородку, он недобро поглядел на Анну, - ты будешь биться вместо него! - Анна не успела испугаться, как домовый махнул рукой, дав понять: сказанное лишь шутка. Зареготал и совсем скоро громкий смех сменился безумным плачем, от которого стало до мурашек жутковато:

- Ска, да как так-то, а? Как ему удается? - искренне разбитый очередным побегом искателя, будто подлым предательством, Непроизносимый вопрошающе оглядел оборонителей. Велел им привести Анну, но те не двинулись с места, продолжали стоять как вкопанные. Увлеклись что ли? Повторил команду, приправив голос яростью и притопнув ногой.

- Они не могут, - прошипела тень Цоя за спиной окаменевшей Зои. Домовой сообразить не успел, как искатель бросился гадюкой, юрким движением выхватив Монструм из его рук. Ловко обмотал уробистое тело цепью. Непроизносимый попятился в страхе, подвели спотыкливые ноги, и в следующий миг свисал с главной трибуны вниз головой, разрывая глотку жутким криком, провожал вытаращенными глазами слетевший с головы парик. Цой подошел к краю помоста, указал Анне на прямоугольные железные шкафчики, расположенные вдоль стены.

Торопливо осмотрев каждый, девушка обнаружила их вещи.

Искатель велел ждать. Анне сделалось немного неловко; он все еще нагой, но ему, судя по

всему, это нисколько не мешало.

Пока Цой забирал Лялю-Олю, накидку и пистолет Василия, Анна охачкой сжимала оставшееся отнятое снаряжение, сумку с медикаментами и роллом, - благо, не тронули, не разобрались и решили оставить до лучших времен.

Беспомощная и обездвиженная Зоя, подавленная ядом, не могла помешать; только глазки, безмолвно выражавшие дикий испуг, пристально следили за движениями искателя. Не хотела умирать, мысленно моля о пощаде. Он и не думал убивать, ни разу не промелькнула мысль о расправе. Только посмотрел, дав понять: мог забрать жизнь, но не стал. Запомни.

Совсем скоро искатель спустился, держа в руках длинный изогнутый зуб с мешковиной ядовитой железы. Клык, как поняла Анна, принадлежал огромной змее, позже узнает какой - каанаконде.

- Куда дальше, Тесой? - спросила, пока он проверял содержимое ранца. Сильно сжал губы, сдерживая подступающий гнев; ничего не осталось. Только сложенная вдвое выцветшая фотография, найденная в заброшенном доме, да нарукавник с защитными часами и компасом. Уже хорошо, самое дорогое не тронули, остальное поправимо. Собиратели забрали все. Даже утомленные Каторгой не отправились на отдых, а решили разделить добычу. Более всего жаль Ататашку и флягу с мочой. Успокаивал мыслями: все равно стрелял редко, а вот мочу действительно жалко, вдруг запах появился, ох, прослезятся. Пообещал себе, - настанет день, вернет добро. Знал, где искать, понимал, что собиратели никуда не денутся, разве что помрут где-нибудь в вылазках, тогда отыскать будет сложнее.

- Куда, Тесой? - переспросила девушка.

- Вниз, под арену, - холодно ответил он, быстро одеваясь и запихивая бинты бесей кожи в ранец.

- Там жи волки, - напонила, без стеснения скинув с себя жутко неудобную одежду, и облачилась в прежнюю униформу, на этот раз намного быстрее; страх подгонял. Проверила потайной кармашек куртки и облегченно выдохнула, обнаружив на месте крестик, полученный от Василия, и крохотный цилиндр самописца.

Висевший вверх ногами Непроизносимый яростно выплевывал слова, значения которых остались для Анны загадкой, а Цоя позабавили.

- Парализованы, не бойся, - ответил, закончив собирать ранец.

- Так просто? - удивленно спросила Анна. Цой оскорбился, пронзил ее взглядом грозным как никогда, и спросил:

- Знаешь, как сложно искать в темноте теневолка, особенно если тварь сытая и спит?

Анна пожала плечами, подозревая, что дело и в правду нелегкое. Спустившись к арене, искатель и спутница направились к норам. Ноги тонули в бледно-желтом песке.

Подобравшись ближе, Цой поджег преданно ждавшую у лунки керосиновую лампу и, скатившись вниз, рассеял теплым светом мягкий мрак. Анна плелась следом, с трудом, но попевала. Знала, - волки переростки парализованы, но полностью избавиться от страха не удалось, а вот подавить боязливую дрожь получилось. Искренне обрадовалась маленькой

победе; разумеется, про себя.

Продвигались вперед окутанные мраком, как вдруг неподалеку прорезался тусклый свет светильника, отбрасывающий на стену крупные тени мужчин. Увлеченные тяжелой работой старатели ухали, цокая кирками и мотыгами, - долбили железобетонный пол. Так и не заметили Цоя и Анну, проскользнувших за их спинами.

Укрепленные каменной кладкой стены сменились на удивление хорошо сохранившимся бетоном. Оранжевый огонек керосинки плясал в темноте, освещая путь, заставляя тени дрожать на полотне выщербленных стен. Несколько минут плутания в бесконечных коридорах привели к вертикальной лестнице; искатель затушил светильник и полез первым.

Стало темно, в потемках стены. Оказавшись на самом верху, открыл люк и впустил в непроглядные катакомбы столб дневного света, приятно сопровождаемый бодрящим запахом утренней прохлады, ударившей в лицо.

Выбравшись на поверхность где-то за высокими стенами Каземат, Анна чуть не сорвалась вниз, увидев перед собой замершее в испуге лицо оборонителя, лежавшего у самого люка, - парализован, как и сторожившие арену. Цой, безмолвно прощаясь, похлопал его по плечу. Искатель пробрался внутрь отсюда, через этот самый люк, расположенный за пределами Каземат, почти под самой стеной. Но как ему удалось спуститься с тридцатиэтажного здания, Анна не представляла.

Ранним утром Каторга дышала особенно тихо и размеренно, совсем не так как идущий впереди искатель. Утрата вещей омрачила его, похерив зачатки с трудом налаженного общения; хорошо хоть Ляля и Оля никуда не делись и преданно висели за спиной вверх тормашками. Даже дикое окружение, казалось, выказывало скорбь немой тишиной.

Цой оторвал и выкинул опустошенную мешковину от изогнутого зуба, а сам клык оставил Анне, показав как использовать оружие в случае опасности, - зуб острый и при должной силе с легкостью проткнет человека, даже сквозь плотную одежду. На себе показал, куда следует бить: сначала в сердце под углом, аккуратно меж ребер, затем в слуховой проход, перпендикулярно черепу и в точку ниже затылка, соединяющую голову с шеей. Опустил острый конец зуба ниже, к шее, безошибочно указав туда, где проходят сонная артерия и яремные вены. Подвел ее руки, обхватившие клык к солнечному сплетению. Вряд ли знал названия, но впечатлил Анну поразительными познаниями в анатомии. Учитывая общий уровень развития каторжников, Анна убедила себя: маловероятно, что на просторах Каторги живет безумный доктор, расчленяющий людей направо и налево, а затем проводящий лекции по их правильному убиению.

Попыталась наладить общение, спросила, но искатель так и не рассказал, как умудрился за ночь покинуть Казематы, отловить и убить каанаконду. Был явно не в духе, но девушка не теряла надежды когда-нибудь узнать.

Долгие часы не менялись бесконечно зеленые пейзажи, но и надоедать не успевали, не переставая удивлять и радовать глаз одичавшей не очеловеченной красотой. Ближе к полудню Анна проголодалась, окликнула искателя, но тот велел потерпеть. Пайков больше нет; их забрали Мук, Феня и Ваз. Анну эти новости не расстроили. Упросив Цоя остановиться, собиралась достать из сумки тубики, но он не позволил. Как оказалось, место не слишком удачное.

Минут десять искали более подходящее. Хотя, по мнению Анны, новое место стоянки мало чем

отличалось от старого, за исключением земли под ногами; сменилась изломанным фундаментом, из трещин которого рвалась наружу трава, да остатки стен чуть выше колен, похожие на костяные пластины венчавшие спину стегозабра. И так на десятки метров вокруг. Еще одни останки увядшего в песках времени городка, в котором и призраков давно не осталось.

Доверившись искателю, понадеялась, что и он доверится ее выбору: протянула ему небольшой тюбик, что вынула из твердой сумки. Цой принял туб, поначалу неохотно, разглядывал в замешательстве, пытаясь сообразить, как открыть. Анна помогла, став примером. Откупорила крышечку, чуть сдавила, показалась желтоватая вязкая масса. Не найдя приборов и решив, что чиниться не перед кем, выдавила кашеобразную жижу на язык и проглотила, едва разжевав. Затихал воющий голодом желудок. Цой повторил и, распробовав, не скрыл удивления. Ему явно понравилось:

- Что это?

- Мясное пюре, - умиляюще улыбнувшись, ответила Анна. Цой был готов умереть, - в жизни не пробовал ничего вкуснее и жадно поглотил остаток и все бы замечательно, вот только совсем не почувствовал сытости, а девушка, наоборот, будто бы таяла от небольшого перекуса и передышки. Запить пищу, увы, нечем. Чудесных стебельков того растения не оказалось поблизости, во всяком случае, Анна их не заметила. Зато заметил Цой; ходил по кустам, чуть выше его самого и из одного такого принес нечто похожее на кокос, утыканный толстыми спицами, точно еж. Надломал иглы и воткнул острием обратно, чтобы не поранить лицо; у одной иглы обломил только кончик, получилась трубочка.

- Пей.

- А что это? - удивилась прохладе и вкусу жидкости, когда попробовала.

- Шиповник.

Анна помнила шиповник другим.

- Еще есть? - спросил искатель, протягивая туб.

- Йеп, - полезла в сумку, подкрутила тюбики надписями вверх и объявила: - Есть борщ, рассольник, свинина с овощами и... - глянув на искателя в ожидании ответа, получила лишь глубочайшее замешательство и решила прекратить перечислять то, чего он может и вовсе не знать.

- Умеешь делать такие? - с надеждой в голосе спросил он, и вызвал добрую, но еще изнуренную улыбку на ее лице. Столько лет прошло, а мужчины не изменились; слова «борщ» и «еще» идут бок о бок.

- Такие? - в голос закрался неловкий смешок. - Нет, но что-нибудь похожее, наверное. Может быть и вкуснее получится, - девушка передала искателю тюбик, на этот раз творог с яблочным пюре. Умеючи открутил крышечку, с удвоенным рвением принялся выдавливать содержимое и, изнывая от блаженства вкуса, признался: совсем не наелся, хотелось еще и еще. Анна горько улыбнулась древней уловке мира, которого больше нет. Не сразу осознала, что наблюдает за уплетающим пасту искателем в точности так, как когда-то, очень давно, смотрела на африканского ребенка, впервые попробовавшего еду белых людей. Столько времени прошло, а кажется, будто вчера. Наверное, что-то в мире никогда не изменится.

- Спасибо, Тесой, - проговорила настолько искренне, что искатель жевать перестал. Замер. Неужели, впервые услышал благодарность? - Спасибо, - повторила она, - ты не бросил меня и вернулся.

Цой собирался ответить, но слов не нашлось. Воцарилось неловкое молчание, и пока Анна решалась продолжить разговор, искатель пытался перестать думать о чудесном вкусе чего-то под названием творог с яблочным пюре.

- Я не полностью честна с тобой, Тесой, - пристыженно и виновато призналась она. - Для активации Резервации нужна не только рука, но и глаз.

Цой нахмурился. Анне показалось, что сердится, но в действительности в голове искателя никак не могла устаканиться мысль: он мог понять, как открывать двери рукой, но глазом - что-то далекое от его понимание.

- Что в Резервации? - очень хотел спросить про глаз, но не стал.

- Эшелони, нам нужен Второй. Вспомогательная группа с задачей, - на секунду Анна запнулась, - обеспечить безопасность Первого Эшелона.

- Эти Эшелоны, Резервации? Их много?

Анна помедлила, но все же кивнула и достала из сумки ролл. Подошла к Цою, облокотившемуся на криво растущее дерево. Встряхнула, приложила палец, и карта вновь материализовалась из ниоткуда. Первый и Второй Эшелоны располагались на месте двух красных точек, впервые увиденных им в капсуле Надежды. Чудеса Старого мира, и как только смогли уместить столько земли в небольшое устройство.

Числа и буквы бежали по обе стороны полупрозрачного экрана, как в них что-то разобрать - неясно. Показалось, сама Анна понимает далеко не все. Так и было; скаут группы имел уровень доступа лишь к первым двум точкам, остальные, в целях безопасности, могли быть загружены только из Резервации Первого или Второго Эшелона.

- К какой идиом мы? - спросила Анна. Цой указал мерцающую точку, подписанную как «R191953_ОСТ», она ближе и лежала не так глубоко на Пепелище, как вторая. Неподалеку тянулась небольшая уцелевшая дорога. Искатель рассчитывал поговорить с Дагом, домовым Догмы и Газ на тягаче подбросил бы их, сильно сэкономив время и силы, а если нет - и то не беда, дойдут сами.

Анна, не зная возможных нюансов, облегченно выдохнула, ведь искатель ведет к нужному бункеру.

- Как Резервации помогут?

- Не Резервации, Тесой, а люди в них.

Стоило искателю услышать о других уцелевших представителях Старого мира, его будто поезд на полном ходу сбил.

- Первая важнее?

- Намного, там спят те, о ком я говорила, - с восторженным трепетом подтвердила Анна, - люди, жившие во имя общего блага и великого будущего.

- Спят? - потрясенно переспросил искатель.

- С момента запуска нашей станции, в две тысячи семьдесят восьмом году. Спустя год от Инцидента.

- Как давно?

Анна ловким движением пальчика скользнула по поверхности, скрыв карту, затем нажала, вновь заставив экран показать множество цифр, значения которых остались для него загадкой. Остановила указательный пальчик у числа 2763, - и если бы искатель умел считать немного быстрее, то и изумление наступило намного скорее.

- Шестьсот восемьдесят пять лет, Тесой.

- Как? - выпалил дрогнувшим голосом, не допуская возможности не только столь продолжительного сна, но и жизни в принципе. Вот бы ему поспать денек, не просыпаясь от каждого шороха, не ощущая телом каждое стороннее движение.

- Результат долгих и упорных исследований, невероятной мозговой активности и выдающегося научного достижения, о котором никто так и не узнал, - говорила так, будто помимо искателя в глуши стояли и слушали еще несколько сотен человек. На мгновение Цой пожалел о вопросе, но только на мгновение, ведь Анна - неиссякаемый кладезь знаний о Старом мире, и только за это готов простить все.

- Пойдем к первой, - предложил Цой. - Не будем терять времени. Хотя, разве оно им важно? - вопрос не озвучил.

- Не можно, - замялась Анна. - Нельзя. Протокол Пять-Сорок-Пять... обязывает активировать первой Резервацию Второго Эшелона.

Протокол, - ужасное слово, мысленно поежился искатель. Произносишь и как-то сразу чувствуешь себя виноватым. Хотел поинтересоваться, почему стоит начинать именно со второго Эшелона, но не стал. Анна доверилась ему, нужно платить доверием в ответ, но мысли меркли в сравнении с тем, что можно проспять неполных семьсот лет, - уму непостижимо, несбыточные грезы о крепком сне не желали укладываться в голове, а Анна смотрела на искателя и не могла поверить в выживание людей; не покидало мучительное ощущение, скребущееся где-то под кожей от осознания гнусной мысли: желая сохранить человечество, они его бросили, бежали, как крысы с тонущего корабля, но люди справились, приспособились и выжили вопреки всему, опять же, как крысы.

Отогнала противные мысли. Люди живы, это главное, - Цой, обитатели Каземат - живое тому подтверждение. Ответственность и за жизни каторжников легла на плечи. Если она не справится, лучшей жизни им не видать. Боялась не справиться.

- Ты чего-нибудь боишься? - неожиданно спросила она, пытаясь выиграть немного больше времени на передышку и в надежде узнать, как искатель справляется со страхом, решив, что знание поможет и ей. Наверняка чего-то да боится. - Когда ми убегали от зверей, когда поймала Зоя, и там, на арене, я не видела в тебе страха.

Анна знала: все чего-то боятся, не бывает бесстрашных людей, а если бывают, то долго не живут, но с искателем все иначе. Хотела разобраться, а он только нахмурился, - никогда и никто до этого момента не пытался понять, копаться в его устоях. Невиданное прежде чувство. Ждала ответа, а он никак не мог заговорить. Анна доверилась тебе, доверься и ты, вряд ли

поймет, подсказал вдруг пробудившийся, прежде молчавший, внутренний голос. Анна повторила вопрос; он еле слышно замычал, пытаясь связать невнятное мычание в слова. Странно, вроде спрашивает она, а в голове обернулось так, будто бы задал вопрос себе и теперь пытается признаться, ответив на свой же вопрос. Сложно.

- Да, - на выдохе выдавил он. - Боюсь, что все умрут, а я останусь.

Анна замолчала, пытаясь осмыслить. Цой поднялся, дав понять: подумает в пути. Только теперь поняла, на чем сидел искатель; завалившийся рояль в кустах. Многие клавиши отсутствовали, напоминая выбитые зубы, через открытую крышку проросло большое дерево, а из-под мутной зеркально-черной полировки, проглядывающей через густую пелену кустарника, лезла наружу древесина.

Он не мог услышать шагов - их не было. Шелест листьев, погоняемых ветерком, скрыл собой их движения. Хитро, не успел подумать искатель, как бездомные слетели с высоких деревьев по веткам лиан и пока окружали, Цой оглядел каждого. Десять человек; многовато, и настигли на удивление быстро. Корил себя: расслабился, застали врасплох и схватили дважды за последние два дня. Плохо Цой, очень плохо.

Бездомные быстро сомкнулись кольцом, но оружия не наставили: не знают, что убил их сородичей возле станции Надежды. Да и с чего бы им знать, рассказать-то не кому, померли все.

Один из дикарей, в броне из костей и наплечниками из мотоциклетных шин, вышел вперед. Снял маску из ключев твердой кожи с костяными набивками, за которой скрывался обыкновенный человеческий лик, но Анне не приглянулись воинственные черты лоснившегося лица незнакомца, наискось рассеченные тремя рубцами, оставленные неизвестным крупным хищником, может тем, чьи кости на теле бездомного ныне служили броней.

- Кара требует вас, - вожак проговорил голосом, не оставляющим иного выбора, кроме как принять приглашение. Цой оцепенел; бездомный, а говорит на языке каторжан и чисто, не отличить. Дикари удивляют уже в третий раз. И... Кара? Имя прежде не слышал. А Анна так и вовсе сочла, что их ждет ужасное наказание.

Цой поднял руки, глянул на спутницу и кивком велел сделать то же. Анна не могла не заметить: их не связали, ни тогда группа Каземат, ни сейчас дикари. Быстро поняла - убежать смысла нет. Там, за густой растительностью и тысячами деревьев непроглядной чащи намного опаснее, чем с дикарями.

Бездомные не связали им рук, но завязали глаза. Искателю это не помешало, - знал, что все время пути шли на восток, - каждый вечер перед отбоем на время трапезы снимали повязки, и солнце уходило на покой за их спинами. Анна никак не могла привыкнуть есть по разу в день. Хотя пайки, состав которых пообещала себе изучить, оказались крайне сытными, каждый раз вспоминая о еде, перед глазами всплывали любимые блюда, вкус которых давно позабыт. Запеченное в глине бедро телятины или стейк к холодному пиву, шведские мясные шарики, рисовая лапша с креветками, а на последнее, но не по важности - китайский десерт с желатином, или лимонные тортики. В конце концов, пицца. Анна шла, тщетно пытаясь вспомнить чудесный вкус, но осталось голое знание, подкрепленное воспоминаниями, - было вкусно. Очень.

В первый день пути никто из дикарей не обронил ни слова. Один раз и довольно долго шли в сыром месте со странной акустикой, - пещера, предположил искатель. Только останавливались

иногда, позволяя Анне перевести дух и справить нужду. Насмехались над ней, ее слабостью; языка не понимала, зато прекрасно знала, что являлась предметом коротких насмешек, пока она, с завязанными глазами, пыталась отыскать место, где помочиться. Физически неподготовленная, не могла идти вровень с дикарями, а ее умственные способности никого не интересовали, и помочь никому не могли. Да и в помощи, как ей показалось, никто кроме нее не нуждался.

После нескольких вынужденных остановок один из них понес ее, но, не перекинув через плечо, как Цой, а взяв на руки; не забыл и съязвить, наверное, над весом, или худобой, или, быть может, над тем какая она мягкотелая.

Пока Анна металась в догадках о причине смеха, Цой размышлял о вещах куда более очевидных. Их настигли, едва они успели отойти от Каземат. Выходит, группа следила не за ними, а за Домом. Разведчики, понял Цой, наверняка заметили их побег, а если видели и то, как он спустился? Хотя вряд ли, ночи Каторги темны, - глаз выколи. Искатель предположил, цель дикарей - люк, через который они выбрались наружу, и оказался прав, но причина осталась загадкой.

На вторую ночь их приютили остатки стен старой водонасосной башни из полнотелого кирпича и обернутую растительностью, точно шубой. Никто не разжигал огня, ни в первую ночь, ни сейчас. Дикарь с тремя рубцами на лице сказал, если разжечь ночью огонь, кто-нибудь обязательно умрет. Анне, как и всем остальным, умирать не хотелось.

К вечеру третьего дня дошли до пристанища бездомных, чье название Анне никогда не удастся произнести. Назвала по своему - Преисподняя. И неспроста.

Огромный каменный карьер, казалось, собранный из груды всевозможного мусора, проваливался вниз на сотню метров. В уступах выбито множество землянок, вход в каждую освещен то вывернутыми дорожными фонарями, то пляшущими в металлических бочках огнями и факелами. Сама Преисподняя обнесена всем, что могло защитить: легковушки, в несколько слоев набросанные одна на другую, с торчащими железными копьями похожи на ржавых ежей. Стены сменялись голыми корпусами машин, чью краску давно смыла непогода и раскалила жара. Вокруг тянулся ров, залитый неизвестной черной жижой с булькающими и лопающимися пузырями. Пройти внутрь позволял нависший надо рвом укрепленный товарный вагон.

Дверь открыли изнутри.

Под пристальными взглядами провалов в черных масках искателя и его спутницу провожали дальше, к двери в другом конце вагона. Анна вспомнила, как ненавистно и с гадким желанием на нее смотрели тогда, у станции и от страшных мыслей мурашки побежали по коже. Поклялась себе, что не позволит подобному повториться, - не даст отпор, так убьет себя зубом, полученным от Цоя, и пошло все к чертям. Глубоко вдохнула, и, не сводя тревожных глаз со спины искателя, шла следом. - За мной, - скомандовал дикарь, - Кара ждет.

Прошли немного, но увидели немало, особенно Цой. Он знал, что бездомные жили небольшими группами по десять-пятнадцать человек, но перед ним спиральной гирляндой тянулось целое поселение, навскидку человек пятьсот или того больше. Понял, как давно не ходил на восток, раз не углядел столь крупной общины и пещера, через которую прошли - понять не мог, откуда взялась.

Анна видела все иначе: кто-то корпел над тушами, нанизанными на вертела. Мясо сочилось и

потрескивало от облизывающих языков костра. Женщины сшивали огромными иглами-гвоздями подобие одежды. Одни мужчины обучали детей держать и наносить удары тесаком, копьем и прочими колюще-режущими предметами. Бесценные знания для ребенка, только научившегося стоять на ногах. Другие мастерили что-то неведомое из не менее непонятного хлама, а кто-то практиковался в стрельбе из длиннющих луков, но больше всех Анне запомнилась женщина, спрятавшая заплаканное лицо в косматых рыжеватых косах, увенчанных подшипниками. Цой смотрел на плачущую женщину, и во взгляд прокралось чувство вины. Но в Каторге иначе никак, - либо уверен, либо мертв.

Металлическую дверь - вход в покои Кары, - немного изогнутую от удара, никто не сторожил. Кто бы это ни был, он уверен в себе и своих людях. Бездомный, сопровождавший их, потребовал отдать оружие, пообещав вернуть в целости и сохранности, если они и впрямь окажутся настолько полезными и Кара решит их отпустить.

Комната освещалась тусклым теплым светом. Пол внутри застелен множеством ковров, большая часть которых давно изъедена и прохудилась от бесчисленных хождений. Главной декорацией служила зеленоватая шкура толстопарда, растянувшаяся почти по всей комнате. Стены измалеваны и исписаны рисунками, художественное направление которым еще не придумали. Но знали автора, - девочка, вся чумазая от красок и руки в саже по локотки, беленькие зубы, кривоватые правда, сверкнули на задорном смуглом лице, когда она приветливо улыбнулась гостям и, высунув в творческом порыве язык, продолжила творить.

В центре, окруженный шестью разными стульями, стоял большущий стол с единственной ножкой - огромным пнем с грубой растрескавшейся корой. Искателя, как показалось Анне, заинтересовала поверхность столешницы с изогнутыми линиями и иероглифами, тщательно вырезанные ножом: карта Каторги, но очень краткая, отображавшая конкретный участок; он понял какой. Подсказали фигурки, и два прямоугольных бруска, стоявшие рядом, подозрительно похожие на Казематы. Преисподняя на карте не отображалась.

Умно.

Следом внимание привлекли листы плотной желтоватой бумаги, разложенные на столе. В них Цой узнал Монструм, собранный воедино из нескольких разных, но явно неполный и пока пытался понять, сколько каторжан погибло за эти листки, через плотные занавески, словно пантера сквозь листву, в комнату скользнула женщина. Стройное тело плотно запеленовано в прочную темную ткань, поверх которой крепились металлические щитки и множество ремешков, удерживающих одежду. Каждое движение, каждый шаг - легкий и притливо игрив. Острые черты смуглого лица, на котором красовалась бездонная пара темных, как чернильные капли глаз. Медовая грива волос, заплетенная в тяжелую косу, опускалась ниже пояса, напоминая хвост скорпиона, увенчанный изогнутым лезвием, точно жалом. И длинные черные перья, вместе с лентами вплетенные в забранные волосы, тлели на концах, струясь дымком, издававшим приятный аромат.

- Кара, - почтительно произнес сопровождавший бездомный, преклонив колени и опустив голову, - как и было велено, - продолжил, не поднимая головы, - мы доставили бежавших, - дикарь поднялся и небольшая речь, после которой Кара отпустила его, осталась понятной только им.

Бездомный удалился, звеня их снаряжением.

- Кара, - представилась женщина, приложив ладонь к груди, неожиданно приятным, как мед, голосом. - Воевода люда. Удивлен знанием речи?

Искатель молчал, но лицо выдало удивление.

Подходила неспешно, каждый шаг вымерен и точен. Обманчиво медленная походка настораживала. Кара не пыталась скрыть оценивающего взгляда; смотрела сначала на него, а затем и на нее так, словно пыталась понять, оправдались ли известные ей одной надежды. Подошла к Цою почти вплотную и влилась в него глазами, прищурилась; черная дымка вокруг глаз делала их хищнее. Пристально рассматривала лицо. Осторожно провела пальцами по шрамам:

- Откуда они?

- Не помню, - честно признался искатель. Анна удивилась не меньше Кары: как это, не помнить, откуда такие отметины на голове? Ладно бы маленькие, но запомнить те, что в половину лица. И неожиданно поняла: практически ничего не знает о спасшем ее человеке, а сама рассказала ему столько всего. С ее-то профессией рассказать больше, чем выслушать - проявление вопиющей некомпетентности; слушать должна она, а не ее.

Девочка продолжала мазюкать стены, оставляя разводы руками и рисуя нечто пока совершенно неведомое. Кара погладила малытку по сальным волосам, уплетенным в две торчащих косички, а после обошла Цоя несколько раз, присматриваясь.

- Кто ты и твоя женщина?

- Меня зовут Цой, - спокойно назвал себя искатель, - а женщину Анна. Она упала с небес, - честно признался он, на что Кара отреагировала бархатным смехом.

- Ты об упавшем огоньке, а? - изогнула брови, как бы посмеиваясь над наивностью искателя. - Люди не летают на горящих кометах, Цой, - ответила Кара, и добавила более холодно: - Еще раз: кто вы?

Молчаливый поединок взглядов; осторожничали, опасаясь один другого.

- Я - искатель, женщина - моя смена, - не зная, как еще объяснить присутствие Анны, соврал Цой, не моргнув глазом. Кара поверила; кое-что не изменилось: скажи правду, и тебе не поверят, соври и слова покажутся неоспоримой истиной.

- Знаешь, зачем вы здесь, искатель?

- Казематы?

- Казематы, - кивнув, подтвердила Кара вновь приятным голосом. - Лазутчики видели ваш побег, - запнулась, будто в последний раз раздумывала над тем, стоит ли посвящать незнакомцев в ее намерения. Анна заметила, как в чернильные глаза девушки закралось смятение; как сменился тон голоса. Наверное, не стоило говорить, но иначе, как поняла Анна, она не могла. Цена неудачи слишком высока и воевода все решила.

- Многие луны мы готовились, и когда Черный Клык восходящим светом осветил башни, стало ясно - пора. На рассвете мы выступим и возьмем Казематы, или умрем, сражаясь за лучшую жизнь.

Цой молчал, прекрасно понимая, что бездомные, насколько бы хорошо не подготовились, не пройдут за ворота Каземат. Оборонители изрешетят их оружием Старого мира еще на подходе.

Так случилось в первую Зиму; дикие звери, бежавшие от нее, пытались пробиться внутрь, но погибли, окрасив стены в цвет собственной крови.

- ...Я не хочу вести люд на верную гибель, Цой, - надрывным голосом продолжила Кара, не скрывая переживаний. - Когда узнала побеге, велела доставить вас сюда, и спрашиваю: у Каземат есть еще подобные ходы?

- Еще? - недоумевая, переспросил искатель.

- Люк, которым ушли вы, завалили вскоре после побега. Там не пройти, - воевода не дала искателю вставить слово и продолжила: - Я не хочу смертей, их и без того слишком много, только одной, домового Непроизносимого, да? Кажется, теперь он зовет себя так. Каторга слишком долго терпит старого дурака.

Тут не поспорить. Непроизносимый жил дольше всех, даже Старый из-за него не мог в полной мере насладиться собственным прозвищем.

- Цой, я не хочу жертвовать жизнями воителей, не хочу лишать жизни живущих в башнях, но готова отдать свою, - со всей серьезностью сказала она. - Вот значит как, искатель Базарра: ты и я. Мы отправимся в Казематы. Ты тайно проведешь меня, я убью домового и подарю люду желаемый дом. Никто больше не пострадает, ни мы, ни жители Каземат.

Цой сам не питал симпатий к Непроизносимому с момента их первой встречи, когда тот велел бросить его в камеру, и теперь домового явно замыслил недоброе, но убийство - не выход. Только в крайнем случае. Да и смерть его вряд ли поможет. Решают каторжане, но никак не домового. И потом, Цой не знал, есть ли другие лазейки снаружи, ведущие в Казематы. Лис рассказал только об одной, той, которую Непроизносимый оставил для себя любимого. Шахта позволяла незаметно пробраться в несколько мест Каземат, в том числе и в покои домового, а теперь еще и на арену и, наверное, в место, куда пытались пробиться старатели. Подобные ходы внутри зданий Каземат интересовали Лису, но он так и не выяснил, кто и с какой целью соорудил те тоннели.

- А если других люков нет? Убьешь?

Кара одарила искателя снисходительной улыбкой.

- Ты не слушаешь. Я не хочу смертей, да и смерти ты не боишься, я вижу, все боятся, а ты нет, - перевела чернильные глаза на Анну, - вот твоя спутница боится и правильно, но пусть не изводит себя, здесь не умрет. Обещаю, - вытянула из волос дымящееся перо и вручила Анне; приняла дар дрожащими руками.

Кара с легкостью подхватила девчужку на руки, словно та была невесомым перышком, и звонкий детский голосок разрядил комнату радостью. Девочка счастливо улыбалась одной из тех детских неповторимых и чистых улыбок. Прекрасное лицо, с единственным изъяном - рубцом, тянувшимся от подбородка и лишившим ухо мочки. Каторга добралась, показав, где девочке уготовано жить.

Девчужка как раз закончила украшать стену, на которой изобразила мужчину, женщину и ребенка. Анна удивилась не только общей красоте рисунка, но и тому, насколько точно маленькой девочке удалось передать гендерные различия. Кара прикрыла отсутствующую мочку и шрам сальными локонами девчужки, посмотрела на нее, как на самое сокровенное и спросила, с трудом сдерживая подступающую горечь:

- Знаешь, скольким детям удалось дожить до союза, искатель? - Цой молчал. - Двадцати семи и каждый после того, как я объединила люд. Мы людонем Казематы и собственными руками вырвем будущее для наших детей, а если потребуется, уплатим жизнями.

- Не начинайте того, от чего будущие поколения будут страдать, или не смогут пережить, - почти умоляя, добавила Анна. Искателю показалось, что она понимала, о чем говорит.

- Не начинать? - Кара вонзила в Анну полный презрения взгляд, вмиг рассказавший о том, что она думает о ее словах и мнении. - Когда с неба спускается полужмея-полуптица, хватает женщину, ребенка и уносит прочь, или червяки втрое больше тебя выползают из-под земли посреди ночи... Не начинать? - вспыхнула Кара.

Анна не нашла, что ответить.

Снаружи застучали барабаны. Девушка заметила, как руки искателя рефлекторно сжались в кулаки до хруста суставов. Кара устремилась к выходу; стало ясно без слов, - нужно идти за ней.

Совсем стемнело и огни, тянувшиеся по кругу вдоль десятков уступов, убедили Анну в правильности подобранного названия. Воевода остановилась у самого края, отсалютовав куда-то вниз. Приветствие встретили диким ором.

Искатель и его спутница подходили не спеша, как бы страшась поджидавшего их зрелища; у Анны в глазах потемнело, когда внизу увидела орду дикарей, точно черти, пытавшиеся выбраться на свободу из подземного мира. Мужчины и женщины в самодельной броне. Одни в тяжелой, другие в более легкой, но каждый крепко сжимал оружие; огнестрельное, холодное, поблескивающее в огнях от остроты. Глаза полны ярости, отваги, ни капли слабоумия.

И пока внизу разносились величественные крики, за полным решимостью лицом Кары пряталась печаль понимания того, сколько воинов не познают жизни, за которую будут бороться. Цой, как и Кара с сожалением представлял, сколько мужчин и женщин погибнет при штурме Каземат. С таким количеством им вполне может удастся миновать стены. Устелют подножия стен собственными телами, позволив позади идущим подняться по трупам и те, кто пройдут, озлобленные и опьяненные кровью, вырежут каждого каторжника за стенами.

Под ногами искателя стояла армия живых мертвецов. Он понимал, сколько людей погибнет. С обеих сторон. Понял и Кару; она не демонстрировала силу, а показала тех, кто умрет, если не найдется способ пробраться внутрь. Столько жизней можно спасти, будь у него возможность провести Кару тайно, но летать он не умел, только падать.

Барабаны стихли, позволив воцариться ее голосу.

- Кто вы?! - бойко бросила воевода в толпу.

- Воители! - в едином порыве откликнулись мужчины и женщины.

- Что несут воители?!

- Смерть!

- Что получит враг?!

- Смерть! Смерть! Смерть! - одичавший гул поднимался выше, резонируя с лязгом оружия, топотом и сотрясая все вокруг, как вдруг, прервался беспечным голоском:

- Слушай, - начал Лис, ловко балансируя на стреле крана, возвышавшегося над ордой бездомных, - может враг получит смерть как-нибудь в другой раз?

Дикарей, готовых запустить в неожиданно появившегося оратора всем, что держали в руках, резко осадил приказ Кары. Лис в благодарном, и полном шарма реверансе, улыбнулся несказанно радостный за то, что в него не послали сотни пуль, копий, тысячи стрел и камней.

От прежних одеяний ни следа: облачился в обмундирование точь-в-точь дикарское, но несколько свисавшее из-за худощавой комплекции. Вырядился, притворившись варваром, и проник внутрь.

- Твои воины...

- Воители! - грозно и незамедлительно вскричала орда.

- Твои воители, - обезоруживающе вскинув руки, извинился Лис, и продолжил, пошатнувшись от их ора, - пройдут за стены Каземат с огромными, или скорее даже колоссальными потерями. Но есть другое решение, намного менее кровавадное и я готов его озвучить, - немного помолчав, он добавил: - Или шепнуть на ушко, если захочешь, - и перевел многозначительный взгляд на потрясенную Анну, стоящую рядом с Карой.

Воевода велела привести Лиса.

- Что за решение? - спросила она, когда двое рослых детин принесли незваного гостя, схватив под руки. Лис высвободился, выпрямился, в приветствии мотнул головой и объяснил:

- Тебе не понадобятся ни искатель, создавший Монструм, ни его бедовая спутница, их можно отпустить.

Не самая удачная попытка манипуляции, однако Кара посмотрела на Цоя иначе, он не разобрал ее восхищенного взгляда, а вот Анна вмиг раскусила: она выбрала его, в точности так, как женщина обычно смотрит на того самого, единственного мужчину-избранника. Кара, с трудом заставив себя перевести внимание обратно на Лиса, сказала:

- Они останутся, - на что он беспретензионно пожал плечами, будто в действительности и не пытался их высвободить. - Ты хотел предложить мне решение, - напомнила Кара.

- Да-да! - продолжил Лис, оторвав игривый и немного мечтательный взгляд от смущенной Анны. - И хочу тебя... тебе его предложить. Мы могли бы пройти внутрь, - указал на вход в покои воеводы, - сесть за чудесный расписной стол... обговорить детали. Как в древности!

Кара не знала, откуда незнакомцу известно как выглядели ее покои изнутри. Предположила, что он не раз пробирался в Людоводск под видом бездомного.

- Говори здесь, - приказала воевода, дав понять: совсем скоро растеряет остатки терпения.

- Как угодно, - ответил Лис, вложив в улыбку все свое очарование. - Непроизносимый староват, ворчлив и несговорчив, но это за стенами Каземат, а за их пределами? - воцарилось молчание, в котором каждый пытался понять, к чему клонит Лис. - Я выманю Непроизносимого за ворота, и ты уговоришь старика принять твой народ.

- Люд, - поправила Кара.

Лис кивнул и продолжил:

- Мне бы только спросить... Имя Мира... - продолжать не понадобилось, по увлажнившимся глазам Кары стало ясно: имя знакомо и говорило и о многом. - Каторжники изменились с тех пор, они примут вас и знают, как важно продолжение жизни.

- И я должна верить?

Лис поджал губы.

- Я стою здесь, перед тобой, а не бегу к Казематам, желая предупредить о готовящейся атаке. Разве не достаточно? - вынул из-из спины сверток и продолжил, не дав Каре ответить: - План Каземат, правда, множество раз переписанный писателями, но несколько не потерявший оттого в точности. А за столом было бы удобнее, - кольнул он, разворачивая твердый пергамент. - Как видишь, ходов нет, а единственный люк, которым ушел Цой, - перечеркнул угольком обозначение на плане, благодаря которому искатель знал о лазейках Каземат, - закрыли вскоре после побега.

- Знаю, - холодно сказала Кара. - Не знаю только, зачем помогаешь.

Цою тоже хотелось знать ответ, но Лис лишь улыбнулся неизменной беззаботной улыбкой, мастерски скрывающей истинный замысел, а затем сказал полуправду:

- Убивая друг друга, начиная войны, нам не выжить. Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо в будущем, и если есть возможность избежать смертей... в общем, нужно их избегать. Как-то так.

Зная Лиса, Цой мог сказать наверняка: речи ему готовить совершенно не обязательно, нужные слова сами, как по волшебству, расставлялись в правильном порядке и всегда долетали до нужных ушей, но до умов доходили реже, и вины Лиса в том обычно не бывало, виноваты неспособные понять. Кара, поглаживая перышко, переступила с ноги на ногу. Стало ясно: слова попали в цель и Лис нарочно смазал окончание речи, чтобы та не показалась больно идеальной.

Мысленно Кара согласилась, но хотела убедиться наверняка:

- И ты уверен в том, что выманишь Непроизносимого на переговоры?

- Абсолютно, - без промедления ответил Лис. Слово заставило Кару нахмуриться; не поняла значения. - Лу мне поможет, да? - Девчушка, сидевшая на руках Кары, улыбнулась Лису, услышав собственное имя. Кара старательно сдерживала гнев: незнакомец знал слишком много, и предположить не могла, откуда. - А если ты не уверена, - продолжил Лис, - можешь собирать воинов...

- Воителей! - вновь вскрикнула толпа.

- ...Воителей, припрятать их в лесу и, если мне не удастся уболтать домового, - Лис пожал плечами, - пойдете в атаку и поставите последнее кровавое пятно в записях писателей.

- Каков твой замысел?

Лис не стал юлить и рассказал, как собирается выманить домового, после чего Кара вызовет

его на бой в Яму, а поскольку тот не примет вызова, не останется ничего, кроме как принять воеводу и ее люд. А если нет, то он собственными руками выкрасит ее тело желтым и лично поведет под венец Ямы.

- С чего бы мне вызывать его?

- За Миру... - Лис был готов продолжить, но Кара выставила руку, дав понять: достаточно.

Она решила, но не все.

Посмотрела на искателя. Лис почему-то улыбнулся, но кроме Анны, в страхе молчавшей все это время и маленькой девочки Лу, улыбки никто не заметил.

- Твой друг не соврал? - Цой не сразу сообразил, о чем речь, - Монструм, твое? Ты разузнал все в одиночку? Искатель кивнул без капли гордости. Воспринимал тяжелый труд, как должное, как обязательство. Кара добро улыбнулась, не сумев скрыть восхищения. Одному столько узнать о Каторге, ее чудовищах и местах, уместить все знания на бумагу, умудриться не сгинуть и выжить, - достойно.

- Поселите рядом со мной, - велела дикарю, указав на Лиса и Анну. Опустила девочку и Лу упетляла, игриво смеясь. - Идем, - обратилась к искателю неожиданно теплым и приятным голосом. - Знаешь, Цой, первое, сделанное мной, будучи лидером и воеводой люда? - Искатель шел молча, внимательно слушая и пытаясь понять к чему разговор. - Я запретила бессмысленную беготню за пустышками и их барахлом. Так, понял искатель, бездомный люд называл болвашек и вдруг осознал, почему давно не видел дикарей, бегающих в Ненормальную у Обелиска.

- Наши жизни ценнее всякой безделушки, и не нужно ничего доказывать тем, кто жизнь давно утратил.

Они шли мимо домиков; какие-то располагались в расщелинах камня, какие-то собраны из рухляди вдоль стен уступов и почти в каждом горели огоньки, доносились смех, игривые крики, из некоторых - стоны, которые Кара встречала странной улыбкой.

- Чего тебе нужно? - прямо спросил искатель.

Кару обрадовала решительность.

- Нужен ты, - ответила не менее прямо. - Я хочу от тебя дитя.

Как пуля в лоб; такого откровения не ожидал. Ноги отказались идти, и он остановился, но Кара, ловко взяв его под руку, увлекла за собой и продолжила: - Ты силен, ловок и хитер раз создал Монструм. Как тебе удалось? - поняв, что не дождетя ответа, продолжила: - Знаешь, скольких спас твой труд? - причудливо изогнув бровки, поинтересовалась она. Никогда раньше он не ощущал себя настолько сконфуженно, ребенок совсем выбил из колеи и слова Кары доносились обрывками. - Я, как и каждый из нас, верю: чем сильнее пара, тем сильнее их чадо.

Цой кривился лицом, пытаясь найти хоть какой-то ответ.

- Я знаю, что не найду мужчины достойней, или я не нравлюсь тебе? - хищно прищурившись, прошипела она, пальчиком поиграв одной частью шнуровки из гладеньких камней в то время как другая часть игриво пряталась в ложбинке меж грудей, маняще обтянутых темным

материалом. Цой не признался в том, что счел Кару самой привлекательной из всех женщин, когда-то встречавшихся ему; хотя их было не то, чтобы много. Животный магнетизм, агрессивная красота, коса, за которую так хотелось потянуть и увидеть, как в наслаждении, запрокинется голова, хорошее, упругое тело не могли не нравиться. Она не могла не нравиться. Искатель не мог убедить себя дать жизнь младенцу на просторах Каторги, не мог позволить кому-то испытать мучения, пережитые им, не хотел сеять жизнь среди смерти, но Кара не отступала, она не просила, а утверждала, решив все для себя и за него:

- Прими меня, если, не желая, то во имя того, ради чего живет каждый из нас. Ради надежды на лучшее будущее. Иначе, какой в этом смысл, если в том самом лучшем будущем будет некому жить?

ГЛАВА 12

Анну и Лиса не без пренебрежения поселили в небольшой, не лишенной уюта комнатухе. Прежде чем тот, кто привел их, зажег светильник и успел удалиться, Анна попыталась выпросить свою сумку с медикаментами. Надзиратель выслушал мольбу с непроницаемо-дубовым лицом и вместо требуемого привел другого дикаря - старшего, - с тремя шрамами через лицо.

Повторила просьбу, объяснив, что поплохеет без лекарств, хранящихся в медкейсе. Бездомный выслушал мольбу не менее прохладно. Тогда подключился Лис, взял перо и рук Анны и пригрозил им бездомному.

Когда сумку доставили, Анна незамедлительно вынула цилиндрик и с пугающим фанатизмом вонзила в бедро, следом приняла две красно-белых пилюли, упавших в ладонь от нажатия на грань другого цилиндрика.

Лис наблюдал, не скрывая интереса. Действо оказалось увлекательным настолько, что какое-то время он совсем не говорил; это редкость.

Анна объяснила с тем чудным произношением, вызывавшем улыбку на лице:: в космосе кости скелета не испытывали нагрузок, которым подвергались на земле и регенерационные процессы останавливались, как следствие, костяная ткань, истощаясь и поглощалась организмом, но не восстанавливалась. Это и делало кости довольно хрупкими. Ученым в большей степени удалось решить проблему, эмитировав на станции земную гравитацию, но не полностью. Вследствие чего, для восстановления прежнего состояния в течение нескольких месяцев необходимо принимать таблетки и вещество, обогащенные дозированным кальцием.

Во время чудесных откровений Лис смотрел на нее как на умалишенную. Очень милую, по его мнению, умалишенную.

Анна поделилась и историями, что рассказала Цою; об их миссии, о кораблях пришельцев, разбившихся о Землю, о том, как они окончательно подтолкнули их покинуть родную планету.

Лис слушал молча, только мерил шагами комнату, рассматривая полки, заставленные мутными бутылками, да консервными баночками, и поправляя, зачем-то выстраивал их в ровную батарею. Бутыли и консервы на первый взгляд показались Анне застоявшимся хламом.

- Как ты нас нашиол?

Лис не выдержал и засмеялся. Беззаботный, звонкий смех сковал низкий полукруглый потолок

погреб. Смех непринужденный, будто бы их не схватили и держат не взаперти, а радушно приняли, как гостей.

- Что-что? - переспросил, отвлекшись от банок.

- Как ты нас нашиол?

- Нашиол, - добро передразнил он и улыбнулся шире. - Что с твоей речью? Ты говоришь... как-то странно. Пьяная что ли? Может пыльцы нюхнула?

- Ничего не нюхала я. Русский не мой родной язык, - робко призналась девушка, вспомнив Василия, в точности как Лис, подшучивал над ее произношением.

Вылупил удивленные глаза; не знал, как назывался язык, на котором говорит он, Цой, все вокруг. - Мне пришлось учить русский, как и другим членам команды. Иначе никак.

- А бывает родной? Это какой?

- Français, - ответила интонацией, заставившей собеседника застыть в удивлении от инородности речи. - Французский.

Красиво звучит, а меня научишь? Мы можем обменяться языками, - запнулся и, ухмыльнувшись, продолжил: - Как-то двусмысленно вышло, но ничего, меня устроят оба варианта, можно даже одновременно.

- На это уйдит немало времени, но да, смогу, - невозмутимо ответила Анна, не разобрав двусмысленности, и подозрительно сощурился глаза, повторила вопрос: - Так как ты нашиол нас?

- Ы-ы-Е-Йо-о, - изображая чудные гримасы, Лис одновременно уклонялся от ответа, и не оставлял попыток обучить девушку правильному произношению, но затем, беспечно отмахнувшись, признался: - А я и не искал, я шел за вами. Мы с Цоем условились встретиться в убежище.

И когда только успели? Не знала.

- Милаха-мордаха, - переполненный оптимизмом вдруг начал Лис, пока Анна гадала, когда они могли договориться, не обмолвившись и словом, - нас с тобой заперли в погребе. Этим нельзя не воспользоваться! - продолжил выискивать на стеллажах что-то по одному ему понятному принципу и наконец, обнаружив, достал трехлитровый бутыль. - Гон! - объявил восхваляюще. Приятным звуком, откупорив деревянную пробку, сделал жадный глоток. Сильно поморщился, приложив кулак ко рту, и носом втянул воздух. На глазах выступили слезы.

Протянул бутыль Анне.

Приняла недоверчиво, осторожно. Кивком как бы сказал ей: «Смелее, делай как я». Анна приложилась губами, хлебнула чуть-чуть и все внутри, будто напалмом прожгло. Жар поднимался из чрева сродни извергающемуся вулкану и выплеснул хмель в голову, точно лаву. Анна чуть поплыла и впервые почувствовала, как расслабилась. Вкусом гон напомнил водку, только мягче и, одновременно, крепче. Как добились такого вкуса - не понимала. Выпила еще, капельку больше. Жгучая жидкость растеклась огнем, и тело ему подчинилось; приятно отпустило.

- Тише, тише, - улыбнувшись одной из этих, никому не понятных улыбок, осадил Лис, учтиво

забрав бутыль из еще бледных, но уже грязноватых рук.

- Почему гон?

- Ты удивишься, но потому что гонят в Гоне, - ответил Лис, присев рядом и уперся головой в переплетенные пальцы рук.

- Гон гонят в Гоне, - произнесла заплетающимся языком, как незамысловатую скороговорку и уголки губ расплылись в подобии улыбки.

- Верно, каждый из семи Домов производит что-то, способствующее выживанию. Домовые составляют списки нужного дому, и водители доставляют довольствие по Вене. Это такая дорога, Милаха-мордаха.

- Прекрати меня так называть. У меня имя есть - Анна!

В ответ на разгоряченный алкоголем тон, Лис приложил ладонь к груди, блестяще отыграв напущенное глубочайшее оскорбление; широко открыл рот, пытаясь вдохнуть воздух, но потом на лицо вернулась насмешка и он промурлыкал: - Знаешь... от Милахи-мордахи, до Милахи-какахи совсем немного, - разойдясь в широченной улыбке чеширского кота, посмотрел в крохотный просвет между подушечками большого и указательного пальцев. Даже опьяненный мозг Анны подсказал: уж лучше мордаха, чем какаха. Больше к этому не возвращались.

- Что производят семь Домов? - спросила она.

Лис хлебнул поила и со свойственным красноречием, и жестикуляцией во время речи, поведал о том, как слаженные действия и взаимовыручка помогают Домам выживать в Каторге.

Баззарр, как поняла Анна, крайне полезен грином, выращиваемый каторжниками под руководством Старого. Водоросли грина высушивали и получали пайки; их хватало, чтобы прокормить каждого в семи Домах, а это, не много, не мало - почти десять тысяч человек.

Лис многозначительно посмотрел на бутыль, давая понять, чем полезен и что производит Дом Гона. Чернь занимается добычей и переработкой черни - топлива для тягачей, генераторов и всего того, что в нем нуждается.

Анна быстро поняла, как у каторжников скудно с фантазией на названия, не то, что в ее время - каждая вещичка, даже самая незначительная, имела свое наименование, и зачастую далеко не одно.

Там же, по словам Лиса, в Черни есть и небольшое предприятие, восстанавливающее оружие Старого мира и производившее патроны; годным получался один из трех, и это, надо заметить, большой успех, поскольку раньше выходил один к пяти.

Догма обучала детишек, которых, к сожалению, все меньше. Детей учили всему: чтению, написательству, устройству уцелевших технологий Старого мира, помогавших каторжанам выживать, например, обслуживание генераторов, тягачей, выращивание того же грина и прочее-прочее. Догма содержала и писателей, ведущих хронику Каторги. Сейчас Даг, домовый Догмы, пытается организовать единый класс обучения искателей и врачей-врачевателей, которых когда-то готовили там, где сейчас лежит Пепелище. Мяснинск...

- Мяснинск? - перебила Анна, сладко хихикнув, и взяв бутыль гона, сделала глоток.

- Верно, - кивнув, забрал бутылку и перенял эстафету распития.

- Они, стало быть, делают мясо? - поинтересовалась, доставая из кейса тубики с едой, послужившие закуской.

- Поразительная наблюдательность! Делают, - подтвердил Лис и добавил: - А еще молоко. Вкусное очень, но хранить долго не выходит. Холодильники обжорливые на энергию хуже, чем мясники на собственное мясо.

- У них есть ферма?

- Что-то вроде, да.

- И много скота?

- Три коровы.

- Три? Давно три коровы дают молоко и мясо? - недоумевая, спросила Анна.

- Точно не скажу, лет шестьдесят или около того.

Анна ушам не верила. Решила, напилась и не расслышала, переспросила. Лис повторил. Шестьдесят, может и больше. Чуть какая. Молоко ладно, можно понять, но как одна и та же корова давала мясо на протяжении шестидесяти лет? Как прожить столько умудрилась? Чуть ли не в три раза больше обычного.

- Коровы не совсем обыкновенные, - объяснил Лис, отпив гона и закусив красной пастой из тубика. Распробовав вкус, моментально позабыл о корове: - Бесья мать, вкусно-то как! Что это?

- Творог с черносмородиновым пюре, - ответила девушка. Он замычал, сраженный одолеваемыми вкусовыми ощущениями и продолжил, когда экстаз отступил:

- Дело было так. Как-то в Мяснинске родилось дитя. Впервые, по-моему, лет за пять. Ну, такое событие, ясное дело, не могли не отметить. Закатили, значит, пир да зарубили одну корову, другую. Всю ночь пили, гуляли, да так, что на радостях еще чадо зачали, может, и не одно, а на утро, глядят, и из одной отрубленной головы понемногу отрастает тельце. Малехонькое совсем, как у теленка. Коровья голова глазами вытаращенными в страхе шевелит, да неокрепшими копытцами по сенной трухе перебирает, и башка вокруг оси круги наматывает, явно потрясенная происходящим. Половина от увиденного прямо там без чувств попадала. Корова через два дня как новая, туша на месте, - как не рубили. Ну, мясники смекнули, попытались наладить производство, отрубая только конечности, но из тех почему-то ничего не отрастало. Только из головы. Однажды корова дала потомство со схожими возможностями, тогда-то дела и пошли в гору. А вот следующие поколения таким чудом пока не овладели, это немного огорчило жителей Мяснинска, как и внезапная смерть их потомственного домового, не сумевшего в ту ночь перенести издевательства над животным, - Лис хлебнул гона за упокой и добавил: - Кажется, мужичка звали Допиндер.

«Merde!», - подумала Анна, хорошо хоть не две головы.

Казематы, считал Лис, самый бестолковый ныне дом, а когда-то был крайне полезен: собирали пыльцу с дурума, растущего в округе и, обрабатывая парами гона, получали обезболивающее, пока врачеватель Рок не сообразил увеличить дозу, получив препарат, кратковременно увеличивающие силу организма. На том не остановились, продолжили наращивать сбор и

увеличивать дозировку, так и создали наркотик, бодривший мозг, но вызывающий жуткие галлюцинации, а порой и смерть от передоза.

Казематы служили и местом заточения негодяев, нарушавших порядок или поступивших не по совести, но времена меняются и вместе с ними изменились устои. Лис сильно обеспокоился, предположив, что расчищая площадь на нижних этажах, взрывом открыл проход, обнаруженный Непроизносимым. Его работа закончилась, и теперь по приказу домового там орудуют старатели, коверкая кирками бетонные породы. Лис изучал план Каземат и не нашел ничего, а они, стало быть, нашли что-то, что поможет Непроизносимому выжить в Каторге без поддержки Домов.

- Почему зовет себя Непроизносимый? Цой мне не ответил.

- А Цой и не знает, но в все довольно просто, - улыбка не сходила с лица, - Непроизносимый прожил уже почти сто двадцать лет и искренне верит в свой секрет долголетия. Он решил, что Каторга не знает его настоящего имени и именно поэтому не может убить.

Анна удивилась годам домового; на вид тучному мужичку около семидесяти. Наверное, окружающая среда, очищенная от всяческих отходов, вырабатываемых людьми в катастрофических масштабах, способствовала увеличению продолжительности жизни. Столько всего необходимо проверить, добравшись до лаборатории Резервации.

- Это правда, Каторга не убивает, не зная имени?

Лис рассмеялся такой наивности, но признал: вопрос справедливый. Коровы ведь исцеляются. Чудища, каких свет не видывал, ходят по земле. Нелюди, о которых кроме их немислимых сил ничего не известно. Мало ли, чем еще мог удивить мир.

- Нет, разумеется. Просто за стены не выходит, а выйдет без подготовки и помрет от твари какой, ну или просто от старости.

- Ты говорил, Домов семь, а назвал только шесть.

- Верно, - согласился Лис, отдав должное удивительному умению вести счет и следить за беседой под действием гона. - Домов было семь, еще один стоял там, где сейчас простирается нескончаемое ничто, называемое Пепелищем. Пожарище очернило столько зеленой земли, не пожалело и дом Миры.

- Мири? - вспомнила имя, названное Лисом и реакцию Кары. - Имя, что ты назвал... Мира, почему Кара так отреагировала?

- Так звали ее мать. Сильная женщина, запузьяченная провела по выжженным землям тех немногих, уцелевших во время пожара, детей в основном, мало кому исполнилось двадцать.

- Запью...? - пыталась повторить слово Анна.

- Ну, с животом, - объяснил Лис, описывая дугу у чрева.

Стало ясно, почему многие недолюбливали Непроизносимого, к тому времени, еще не успевшего разменять третий десяток. Мира привела выживших к ближайшему дому - Казематам, а он никого не впустил, объяснив отказ отсутствием мест.

- Места были?

- Достаточно, могли разместить всех, а вот с едой действительно беда, прокормить бы не вышло. Никто кроме Непроизносимого не решился взять на себя ответственность, и его можно понять. Парень действовал во благо живших за стенами. Никто не знает, как бы все обернулось, если бы пришлось делить еду. В то время еще не ставший домовым, но сделавший нелегкий выбор; службы тогда не существовало, но после той ночи, после того, как он не открыл ворота и, можно сказать, обрек каторжников на смерть, жители домов осознали ошибку: нельзя жить за счет смерти.

Лис рассказал, как каторжане собрались и приняли решение, выбрав домовых, которые занимались нуждами Дома, нуждами каторжников. Так и появились семь Домов. Семь, в память о том, с чего и как все началось, с Дома Баграда.

- Выходит, домовый не главный?

- Не-а, домовые ведут учет и имеют право голоса, как и остальные, - ответил Лис, - решение принимается большинством, каторжниками, - улыбнулся и добавил: - Именно поэтому, у меня все получится. Выманю и пока воевода будет говорить с упертым, как бес Непроизносимым, я вернусь, войду через ворота и уговорю принять людей Кары.

- Воителей! - смешно передразнила Анна, пригрозив пальчиком.

- Воителей, - улыбнувшись, поддержал Лис.

- А у тебя точно получится?

- А то! - переисполненный уверенностью ответил Лис, хлебнув из бутылки.

- А сколько спасла Мира?

- Точно сказать не могу, этого в уцелевших записях нет.

- Каких записях? - поинтересовалась Анна, учтиво изъяв бутылку из рук Лиса и отпила. В глазах помутилось, все немного поплыло.

- В тех, что вели писатели дома Миры, я обнаружил их относительно недавно, в походе на Пепелище.

- Выходит, эти люди не дикари вовсе, а потомки дома Миры, те, кого она спасла?

- Я предположил в точности также, Милаха и оказался прав.

- А если ошибся?

Лис пожал плечами и ответил не дрогнув:

- Убили бы.

- Так нельзя! Это безрасс...

- Только так и нужно, - перебил он, не позволив закончить. - Завтра наступит в любом случае, а вот нас с тобой там может и не быть. Свыкнись с мыслью: ты можешь умереть в любой момент. Считай, что уже мертва и тогда все покажется в истинном свете. Солнце ярче, луна холоднее, пища вкуснее, - в глазах вспыхнули огоньки влечения, он приблизился. - Женщины краше.

Анна знала, как бывает, когда мужчина и женщина остаются запертыми в комнате с алкоголем и поспешила сменить тему.

- Почему пробовали принять их раньше?

- Поначалу пытались, но то были небольшие группы, ты сама видела реакцию. Слишком враждебны и агрессивны. Но Кару слушают, и может быть завтра, наступит день, когда их бессмысленная борьба против всех и самих себя прекратится, а Непроизносимый поступит правильно.

Лис приложился к горлышку, запрокинув голову.

Из-за стены, на которую облокотились, стали доноситься постанывания.

Усиливались и несколько раз обернулись криками, вынудившими стражников подбежать к двери. Возбужденный голос Кары послал их прочь. Через минуту стоны прекратились. Да, что-то в мире однозначно не меняется.

- Теперь мы точно не умрем, - констатировал Лис, самодовольно улыбнувшись. Поднял бутылку в воздух и выпил за сказанное. Анна не отставала, взяла бутылку и сделала смачный глоток. Алкоголь развязал язык, и она, переборов себя, поделилась с Лисом тем, чем не делилась ни с кем, даже с Василием. Поделилась неспроста; легкое похрапывание дало знать, - собеседник готов слушать, и она, наконец, выговорилась, на родном языке; так проще, только так можно остаться непонятой, главное - сказать, произнести вслух и тогда боль станет легче. Поделилась тем, как все ненавидит, в первую очередь саму себя. Как направляется к бункеру, скрипя сердцем. Каждый новый шаг на пути, как очередная ступенька к эшафоту. Ведь там, в Резервации Второго Эшелона в удобной стазис-камере пребывал ее скотина-муж. Произнесла его имя, почувствовала, как закипает ненависть внутри, гонимая жгучим алкоголем. Возненавидела себя, вспомнив о решении связать с ним жизнь. Помнила день в деталях, почти дословно. Ответила «Да!» голосом полным любви и желания на вопрос священника о том, готова ли к браку; не подозревала, что нет. От теплых чувств не осталось и следа. Заплакала. Максимилиан был таким не всегда. Офицер Авиационного отряда специальных операций. Красивый, видный мужчина, прекрасный отец. Как за всем этим блеском и добротой скрылось чудовище? Почему никто не разглядел в нем это отродье? Почему не разглядела она? Необходимо идти, она обязана. Речь о Человечестве и если ей одной уготовано остаться несчастной, ради счастья и жизни людской расы, - пусть так.

Интересно, а можно сломать стазис-камеру? Повредить? И пусть сдохнет внутри, пусть мороз умертвит в нем каждую ожидавшую пробуждения клетку. Вот тебе и человек науки, - ненависть на клеточном уровне. Наверное, можно повредить капсулу, будь Анна инженером, но инженером она не была, им по совместительству был Василий, но Василия больше нет. Попыталась вспомнить его голос, не смогла. Голос - первое, что умирает в памяти о человеке. Когда закончила, выдохнула и сделала смачный глоток из бутылки. Сопящий во сне Лис не услышал ее откровений; оно и к лучшему.

ГЛАВА 13

Анна не помнила, как уснула. Не знала, сколько проспала. Поняла, что утро по желтым лучикам солнца; делались объемнее от пыли и стремительно пробивались сквозь зазоры покосившейся двери. Новый день принес с собой тревогу грядущего.

Как хотелось мирного разрешения, и добраться до Резервации, но еще больше - спокойствия и

невозмутимости Лиса; спал себе, как ни в чем не бывало, звездой растянувшись на прохладном полу.

Поднялась быстрее, чем следовало, и поплыла, едва не упав. Закружилась голова. Дикарь-надзиратель помог устоять на ногах. Во рту царила сухость, будто песка поела.

Убедившись в способности девушки стоять на ногах, бездомный принялся за Лиса, расшевелив его ногой.

Рыжеволосый, не открывая глаз, вождельно бормотал что-то во сне. Потом приоткрыл. Сначала один, другой. Могучее тело дикаря, возвышавшегося над ним, омрачила утро, и лицо Лиса скривилось кислой миной. Не повторил ошибки Анны, медленно привстал, упершись локтями в пол. Одарил надзирателя недовольной улыбкой и перевел взгляд на девушку.

- Как спалось? - заботливо спросил Лис. Девушка пожала плечами. - Итак, - продолжил, неспешно поднявшись с земли, - новый день!

Восходящее солнце ударило в глаза, как только открыли дверь и преступили порог. Лис зажмурился, недобро пробормотав светилу что-то нечленораздельное; истинное значение слов ускользнуло от Анны.

Дикарь повел дальше.

Столбик термометра, висевший на одной из стен, штурмовал сорокоградусную высоту. Обитатели Преисподней суетливым потоком шли мимо Анны и Лиса. Воздух давил тягучим напряжением. Лис стащил со стола бурдюк с водой. Предложил Анне, а когда она отказалась, отпил сам, а остатки вылил на голову. Из корзинки другого стола с измятой пошарпанной столешницей вытащил пару зеленых фруктов; кислый вкус, вмиг прогнавший хмель гона, напомнил Анне вкус яблока, только ее фрукт вдвое больше размером; выкидывать неудобно, пришлось доедать.

Совсем скоро увидели Кару. Воевода стояла на небольшом возвышении, выкрикивая обрывистую речь в толпу воителей. Цой неподалеку в отчего-то приподнятом настроении. Анне полегчало. Решила, все закончится хорошо. За спиной Кары под небольшим наклоном высилась десятиметровая металлическая стена на поверку оказавшаяся откидным мостом, удерживавшимся цепями, скованными из разных звеньев.

- Откуда столько людей?

- Сдается мне, после смерти матери Кара объединила горстки дикарей, бежавших с Пепелища.

- И как ей удалось?

- Ты ее грудь видела? - ответ должен был прозвучать исчерпывающе, но в действительности, породил больше вопросов, озвучить которые не решилась.

- А почему ты решил, что еио мать мертва?

- Ее нигде нет.

- Вчера Кара говорила о знаке, - продолжила Анна, - Черний Клик, его свет...

- А, это они про Обелиск, - улыгнувшись, ответил Лис. - Ты же понимаешь, что это совсем не

знак, да? Сама подумай. Ты сидела внутри сбитой капсулы, из-за вас мертвая груда металла вдруг оживилась, и как это относится к бездомным или Казематам, началу атаки?

Анна нахмурилась, пытаясь отыскать ответ, но вопрос оказался риторическим; Лис ответил сам:

- Да никак. Дело не в знаках, Милаха. Бездомные, как и все мы, выдают желаемое за действительное. Поверь, если очень долго к чему-нибудь готовиться, чего-то ждать, то знаком можно счесть и беса, неожиданно нагадившего синим.

- А если ничего не получится? - спросила, не скрывая переживаний.

- Тогда попробуем уговорить Кару отправиться в другие Дома. Баззарр, например, с легкостью вместит каждого. Там достаточно места, да и работать люд явно умеет. Все останутся довольны.

- А если нет?

- Ты, как я посмотрю, вообще в лучшее не веришь, а? - Анна не отыскала ответа. - А если нет, - впервые в голос Лиса закралась печаль, - будет бойня, никому не нужная, но бойня и многие погибнут.

- Смертей нужно избежать.

- Нужно, - согласился Лис, - а еще нужно не дать Непроизносимому воспользоваться тем, что он обнаружил на нижних уровнях Каземат.

- Что там может быть?

- А йух его знает, - ответил Лис, когда бездомный преградил им путь, вытянув руку. - И это пугает.

Остановились недалеко от воеводы. Кара ходила из стороны в сторону, подмостки поскрипывали под решительными шагами, а голос разносился над головами воителей.

Толпа то и дело разрождалась криком и гулом.

Воевода говорила на непонятном языке, но увидев Анну и Лиса, заговорила так, чтобы и им удалось разобрать речь о том, как важна жизнь, о том, как важно уберечь жизни их детей. Люд поддержал и желание решить все миром, - убивать и умирать не хотели, но если придется - костями лягут. Пойдут в бой по первому зову, по первому приказу.

Кара указала на Лиса. Его подхватили и быстро привели, следом и Анну.

- Человек знает и хочет повести нас мирным путем, - теперь Кара произносила каждое слово со спокойствием мудреца и непоколебимого наставника. - Я могу повести вас в бой, но не могу и не стану решать за вас. Мы примем решение вместе, - выступила вперед, уперев руки в бока. - Я спрашиваю вас, воители: кто желает пойти мирным путем?

Тревожное молчание нависло в воздухе; у Анны горло от напряжения перехватило, а сердце забилося так, будто бы решалась не судьба люда, а ее собственная. Давно не испытывала пугающего трепета. Первыми руки подняли женщины; одна, две, четыре и за каждой новой в след поднималось все больше. Следом в воздух взмыли и руки мужчин. Руки поднял каждый

воитель, каждая воительница.

Кара подняла руку последней.

Кивнула всем разом, выразив согласие с выбором люда. Сочла его правильным. Не оборачиваясь, указала на мост позади себя. Его с грохотом опустили, и толпа двинулась в едином порыве ровным, размеренным шагом.

Кара вела их, Цой шел с краю. Перед мостом выстраивались в четыре ровных ряда и муравьиным строем двигались к лесу. Никаких барабанов, горнов, - ничего знаменующего идущих воителей, триста человек шли меж деревьев почти беззвучно. В Каторге иначе никак.

Цой появился из-за спины, - и как ему удастся? Только что Анна видела искателя впереди, мелькавшего меж рядами идущих воителей, а секундой позже, он позади.

Лис даже вскрикнул от удивления.

- Лис, - начал искатель. Что-то в голосе изменилось, но что именно, Анна пока не разобрала. - Если с Непроизносимым не заладится, не настаивай. Я убедил Кару попробовать отправиться к Баззарру.

- Рад, что вы нашли время и поболтали, - с тонкой иронией сказал Лис.

Анна приятно удивилась, и поначалу глазам не поверила, - искатель улыбнулся, думала, не умеет. Считала, что Каторга давно отучила, но нет, вот он, ловко перебирает с ноги на ногу и едва заметно сам себе ухмыляется. Не сразу поняла очевидного, и только вспомнив стоны Кары прошлой ночью, разгадала незамысловатую загадку улыбки.

- Место, понятное дело, есть, - продолжил Лис, - а провизия откуда?

- Ты помнишь последнюю зиму? - омрачившееся выражение лица Лиса сошло за ответ. Цой продолжил: - Все выигранное в Яме не тратилось, пайки так и лежат, - ответил Цой.

- Хитре-е-ецы-ы, - одобряюще протянул Лис. - Так старый хранит все на случай повторения долгой зимы?

Искатель кивнул и добавил:

- По просьбе Петра. Базар сможет обеспечить Дома. Петр не откажет, когда узнает, скольким можно помочь.

- А я-то гадал, какой тебе прок от всего. Теперь ясно, зачем ставят маяки вдоль Вены.

- Люди в Яме дерутся за еду? - робко поинтересовалась Анна.

- Не, Милаха, Яма, это такое место, где решают споры, место наказания виноватых, и все реже, не без участия Цоя, место, где сражаются бруты.

- Брути? - переспросила Анна, и вновь произношение вызвало ухмылку на лице Лиса.

- Каторжники, потерявшие веру в себя, уставшие от жизни и решившие уйти из нее под восторженные крики тех, кто не потерял к ней вкуса.

- И вы им позволяете?

- Разумеется, а чего нет-то? Их жизнь, они вправе распоряжаться ей как вздумается.
- Могли би найти спасенье в религии, - предложила Анна.
- Религии?
- Да, спасение в Боге. Он простит.
- Не, Милаха, мы чет как-то разуверились.
- Атеисты, значит, - заключила девушка.
- Кто? - спросил искатель.
- Атеисты, искавшие бога, но не найдя его, разуверились.
- Не, - отмахнулся Лис, - мы даже не искали, нам тут некогда, и это, а почему нас простят? - поинтересовался, нахмурив золотистые волосинки бровей, почти соединившиеся у переносицы.
- Бог прощает всех, - умиротворенным тоном объявила она.
- Это самооправдание существования что ли, в прощении? - в искреннем непонимании поинтересовался Лис. Анна увела разговор в другое русло, решив, что беседы о Всевышнем ни к чему не приведут.
- А почему бои всю реку?
- Ну, во-первых, - Лис отогнул большой палец, - Каторжникам надоело убивать друг друга, и без того смертей достаточно, а во-вторых, - отогнул указательный, - когда узнают, что за Баззарр бьется Цой, желающие поучаствовать исчезают, как пыльца с пальца при вдохе. Скоро бои в Яме себя изживут и это хорошо, жизнь понемногу налаживается.
- Если надоело, то почему нас питались убить в Каторге?
- Каторга другое, - терпеливо объяснял Лис, - те, кто выходят в нее, считая добычей каторжников, других искателей - сами в скором времени становятся жертвой, а потом умирают. Такие редко возвращаются, их все меньше.
- Многообразие звуков сопровождало путь воителей; беспорядочная симфония сверчков, стрекот, крики и пение птиц, доносилось отовсюду. Лучики восходящего солнца с трудом пробивались через листву, шуршащую в редких порывах прохладного ветерка. Лис ловко перепрыгнул через завалившийся ствол дуба, поросший зеленью настолько сильно, что стал похож на небольшой зеленый холмик. Предложил Анне руку и помог переступить.
- И каков ответ на твое предложение? - поинтересовался Лис, срубив стебельки молочника, один из которых предложил Анне.
- Еще не решила.
- Женщина пытается избежать смертей, ну или свести их к минимуму. Поверь, Кара все решила, - уверенно заключил он.
- А Непроизносимый?

- Надавлю на больное, скажу мол, вот, старик, Каторга тебе шанс дает поступить правильно, то же скажу и каторжникам, они послушают охотнее.

- Не нужен ему шанс, - голос искателя понемногу оборачивался холодной сталью. Тепла Кары хватило ненадолго. Или это влияние Каторги, вселяющей дикость в людей.

- Сдается мне, дорогой друг, Непроизносимый кое-что нашел под нижними уровнями Каземат, или скоро найдет. По моей вине,- раскаявшись признался Лис. - Очень важно, чтобы Кара заняла Казематы. Воевода не жаждущая войны и кровопролития, хоть и звучит дико и нелепо, но она и ее люд, - прекрасная возможность отвлечь и похоронить то, навредит всем нам.

- Домовой уступит, - вмешалась Анна, - хочет сделать Каторгу по образу и подобию моего мира и править Казематами, управлять ареной. На двух стульях не усидит.

- Ты его жопу видела? - рассмеялся Лис, явно не разобрав истинного смысла выражения. - На трех усидит, не заметит.

Анна легко улыбнулась; приятно, что чувство юмора не умерло в людях, вместе с миром, сгинувшим в непроглядных джунглях.

Шли дальше. Лис похвалил Анну. Идет который час и вроде совсем не устала, не просила об остановке; хотя, скажи она, вряд ли кто остановится. Если бы не Лис, и не заметила, но теперь, когда обратил внимание, в очередной раз убедилась, самовнушение - сильная штука. Нужно оставаться сильной.

Вдалеке вырисовывался горный хребет; направлялись к нему. Почва неровная, покрытая волнами зеленого одеяла травы, где-то высокой, по пояс, где-то совсем низкой. Высокую обходили; там, объяснил Лис, могут обитать камышатники, - опасные твари, йух их забери.

- Лис, а ты откуда? - рыжеволосый явно не понял вопроса. - Тесой из Базарра, а ты, у тебя есть Дом?

- Зачем? Я везде чувствую себя как дома. А ты у нас получается из тех, кто жил здесь до того, как Природа показала коготки, и все улетело к йухам?

- Аха.

- ...и направляетесь вы будить тебе подобных, а мой друг знает куда идти?

- Аха, - кивнув, подтвердила Анна.

- А зачем подвергать себя опасности? - искренне недоумевая, пожал плечами Лис. - Предлагаю сделать так: отправим Цоя одного, в одиночку ему проще, уверяю, а сами подождем возвращения на Базе! Раскурим крошево из листьев дурума, покажу коллекцию бомб...

- Коллекцию бомб? - перебила, испугавшись. Как-то, в старших классах ее пригласили отведать блинчиков, а потом помогались. Убежала в слезах, исцарапав негодяю лицо. С тех пор относилась к подобным приглашениям с подозрением.

- Ты говорил, что у тебя нет дома.

- База - это не дом, это База! - по интонации поняла: относится к месту очень серьезно и не позволит подшучивать.

- Нужна рука и глаз, иначе не войти, - вмешался Цой, поправляя ножны.

Лис как-то странно оглядел Анну.

- Милаха-мордаха, а они тебе сильно нужны? Ну, рука и глаз? Можно отрезать, дать Цою и отпустить с миром, - широко улыбнулся. - Вон, Даг живет без глаза и вполне комфортно себя чувствует. По лицу, охваченному страхом, Лис понял, - переборщил и поспешил успокоить: - Ну-ну, я пошутил, что мы, живодеры какие?

Тут Анна открыла для себя нечто действительно странное - в Каторге ни рабства, ни каннибалов, или пока не столкнулась? Озвучила мысли. Цой никак не отреагировал, а Лис ответил в свойственной ехидной манере:

- У-у-у, какого ты нехорошего о нас мнения. Людей почти не осталось, кем торговать? Хотя, припоминаю, да-да, работорговцы? Мы их отловили и продали каннибалам, а самих каннибалов той зимой доели.

На Анне лица не было.

- Спокойно, спокойно! - на секунду Лис замолчал, но ответ в голове нашелся быстро, он засучил рукав и показал жилистую руку, обезображенную витиеватым рисунком ожога, и сказал:

- Ты посмотри на мои нитки, уже поджарена, да, но разве съедобно выглядит? - опять улыбнулся и добавил: - Там, внизу, все такие унылые спят?

Девушка не ответила. Понимала, что каннибализм для Каторги давно в прошлом и позабыт. Все думала: может, действительно зря считали человека страшным монстром, зря описывали людей не лучше, а порой и хуже чудовищ. Человек, окруженный злом и смертью, оказался способен и на добро. Наверное, только нависшая опасность и всеобщая угроза способны сплотить людей, заставить перестать грызться друг с другом. Жаль, для ее времени оказалось слишком поздно. Ненависть и неприязнь чумой расползлись по людям. Пропаганда одержала победу в войне за головы и мнения людей.

Горы становились ближе, отчего казались больше, страшнее. Дымка расползлась, позволив разглядеть россыпи елей, растущих на склонах, и прячущих короны в надувшихся брюхах облаков.

К ночи воители разбили лагерь. Обнесли периметр ловушками, колючей проволокой, растянули сети с шипами, скрыв их листвой. Множество палаток похожи на валуны, лежащие на неровной почве леса. Костров не жгли.

Цой и Лис не сооружали палаток, поступили проще, - примостились спинами к дереву. Искатель в очередной раз отдал спутнице накидку.

Анне никак не удавалось отлучиться по нужде, а когда удалось, отошла недалеко от лагеря и несколько позже пришла к выводу: каким бы ни было человечество, какие бы ошибки оно не совершило за свою историю, без туалетной бумаги все оказалось ужасно плохо.

Решила, что уединилась; Лис с искателем так и не признались, как следили за ней, не спуская глаз, - не могли потерять единственную надежду на лучшее будущее и ключ к давно исчезнувшему миру.

Свет фонарика ролла кое-как справлялся с густой темнотой. Дошла с трудом, ужасно темно. По возвращении услышала Цоя и Лиса, обсуждавших некий токсин наебаб. Завидев вернувшуюся из отлучки Анну, притихли, смотрели так, будто ждали, когда задаст тему беседы. Поразительная учтивость, ведь о наебабах Анна не знала ровным счетом ничего.

Усевшись рядом, не позволила воцариться неловкой тишине, спросила об истории встречи искателя и Лиса, оказалось, говорили о наебабах, как раз потому, что знакомство началось именно с них. Если бы не искатель, Лис давно раздал бы всего себя чудищу. Тварь уже приступила, когда подоспел Цой. Спасло то, что наебабы не спешат расправляться с жертвой, не только потому, что смакуют муки и страдания точно гон многодневной выдержки, но и от неумения мгновенно убивать. Медленно высасывают соки, сцепившись с жертвой, одурманенной токсином. Лис приподнял одежду, продемонстрировав часть живота и подарок, оставленный наебабой: ожог с причудливым узором. Улыбаясь, говорил, это не единственная отметина, но показать другие не может - слишком мало с Анной знакомы. Гордился собой и шрамом. Смерть от наебабы, по словам Цоя, далеко не самая плохая. Умираешь, видя перед глазами образ чудесной девы, а поскольку Лис уже к тому моменту являлся самым умелым игроком в дамки, то умирал окруженный целым гаремом из прекрасных женщин, увиденных им на собранных или выигранных картинках. Пока жертва умирала, дивясь красоте, наебаба поглощала тепло без остатка. Лис три ночи не спал, увидев истинный облик, когда искатель усмирил ее путами. Так и гадают до сих пор, как токсин вызывает подобные галлюцинации, и какие могли прийти на смену, если бы игра в дамки не была самой популярной игрой Каторги. Анна предположила, что чудовище каким-то образом способно вызывать онейроидный синдром. Судя по косым взглядам спутников, решила не спешить с диагнозами.

Так, в благодарность за спасение, Лис привел человека, назвавшегося Цоем в Догму, где Даг предложил ему стать искателем.

- Только одного наебабы никак обдуть не смогли, помнишь? - продолжал Лис, задумчиво подоткнув кулаком подбородок. - Как же его?..

- Фет, - коротко буркнул Цой.

- Да-да! Точно! Фет! С собирателями ходил и на него не действовал газ. А почему - не узнать.

- Ходил? - переспросила Анна, предполагая худее.

Лис в досаде сложил губы и ответил:

- Ну да, ходил. Теперь не ходит. Умер он, йух забрал, - поднял голову к черному небу и россыпям звезд, как бы намекая на место, где оказался бедняга.

- Йухи?

Цой вернул Анне Монструм; красная книжонка и люди в ней - вымирающий вид. Видимо, про йухов придется узнавать самой. Убрала книжонку в сумку, в темноте все равно не разобрать. Следом решила выведать, почему искатель назвался Цоем. Он скупко рассказал про увиденную надпись и имя человека, который был все еще жив. Надеялся когда-нибудь встретить везунчика. Анна решила не разбивать надежд искателя. Лис сидел и не верил словам; слышал историю впервые, он знал, - искатель не помнил прошлого, но не подозревал, что и имя не настоящее. Заржал обрывисто и спросил:

- Цой, а помнишь другие надписи, ну, те, что встречаются чаще, - снова сдавленный смешок над шуткой, которую все никак не закончит, - а если бы там другое слово написали, не имя. Им

бы и назвался? - закатился смехом.

- Я память растерял, не мозги, - сухо буркнул искатель и переключился на Анну. - Почему назвали Анной?

Лис насторожился в предвкушении ответа, но девушка пожала плечами, сказала только:

- Аннабельль полное имя.

- Аннабельль? - переспросил Лис. - Как пыльцой по ноздрям! Красивое, а длинное, ужас, произносить устанешь. Почему Аннабельль?

- В каждой девушке должно быть немного таинственности, - кокетливый ответ застопорил обоих. Проговорила с такой интонацией, вмиг пробудив в каждом желание разгадать тайну. Первое предположение высказал Цой, удивив девушку знаниями ее мира:

- В честь корабля? Королева Анна?

Анна не стала скрывать удивления, и решила дополнить знания искателя: - Месть Королеви Анни, так корабль назывался полностью, но нет, Тесой, не в честь корабля.

- В честь самой Королевы Анны? - логично предположил Лис. Опять мимо. Анна удивительным образом, ускользнув от всех, перевела разговор к искателю:

- А ты не хочешь узнать кем бил, Тесой?

- Нет, - сказал так, будто давно похоронил все забытое.

- Почему? - вмешался Лис; они никогда не обсуждали и не гадали о его прошлом.

- Ничего не изменит, - коротко бросил искатель, смирившийся с собственной участью и свыкнувшийся с сущностью. перевел взгляд на палатку Кары. Почему-то улыбнулся, совсем незаметно, а почему - сам не понял.

- Обещала больше не нападать на тягачи Домов, - объявил искатель, не произнеся имени воеводы.

- Забавно, - подхватил Лис. - Каторжники не нападали на бездомных. Неужели не поняли? Мы не ищем войны. Могли бы прийти.

- А ты бы пришел?

Лис задумался. Ответил не сразу:

- Ну, я провел с ними какое-то время и вполне успешно, правда, они не знали, приняли как своего. Только я не говорил, прикинулся немым. Язык разобрать не могу.

- Это не язык, - объяснил Цой, - Кара говорит, это команды, понятные и известные только воителям и разведчикам.

- Ну, знаешь, - Лис разошелся в хитрой улыбке, глядя на Анну, - видя, как Милаха коверкает язык, про бездомных теперь и говорить стыдно.

- А чего мне не рассказал про Людоводск?

- Так мы сколько не виделись, Цой? - оправдываясь, протараторил Лис, - Я собирался, но как-то резко усложнилось... Непроизносимый, Казематы. Я, признаться, глазам не поверил, когда тебя привели. Непроизносимый и без того тебя бездомным лазутчиком считает.

Лис опять посмотрел на Анну и улыбнулся еще шире. Прочла в умиленных глазах: искателя поймали из-за нее. Не расстроилась, понимала, что Цой сделал выбор, осознавая опасность, и преодолет любые трудности, пытаясь восстановить Старый мир. Говорили о всяком еще немного, больше всех говорил Лис. Позже негласно решили, что неплохо бы и отдохнуть.

Утром воители поднялись как по команде, собрали палатки, ловушки, не оставив и следа от своего присутствия. Отправились дальше.

Горный хребет все ближе.

Анна молила: только бы не пришлось подниматься по нему; больно неприступной казалась высота. К счастью, не пришлось. Споткнулась, едва не свалилась, - Лис подхватил, не позволив упасть.

- Куда собралась? - спросил улыбнувшись. Улыбнулась в ответ.

Под ногами остатки железнодорожных путей, споткнулась о них. Некогда дугой тянувшиеся рельсы теперь похожи на изломанную линию, уходящую и прячущуюся в глуби леса. Шли вдоль остатков железной дороги, по обе стороны деревья, чьи зубчатые очертания неустанно тянулись к небу, и совсем скоро перед глазами замаячила пустота в горе - тоннель.

Подойдя, смогли разглядеть каменный свод, укрепленный железными балками, рельсами, бревнами, словом всем, что удалось натащить. Воители исчезали во мраке тоннеля, будто проходили сквозь ворота потустороннего мира.

Первое время было темно, как в могиле. Зажгли факелы, но и их горящие огни, разрезающие темень, не лишили окружение жутковатости; сырая мгла пробирала до дрожи. Анна схватилась за рукав, думала, Цой, но того и след простыл, оказалось - Лис. Успокоил ее, сказав, что ничего страшнее воителей здесь нет. Не отлегло ни капельки.

Их привели тем же путем, подметил искатель, но мучило непонимание, - не знал никаких пещер и тоннелей ни на юге, ни на востоке.

Кара отдала приказ, указав рукой вперед себя; лоснящаяся кожа при свете факелов отливала бронзой. Четверо идущих во главе колонны ускорились, оторвались от группы воителей. Послышались басистые голоса, кто-то ждал впереди, - дозорные. Взяли с земли тяжелые канаты и цепи, потянули и под стук шестерни подняли часть стены, обильно заросшую растительностью по обеим сторонам, скрывающую выход из тоннеля.

Первыми пробилась лучи солнца, осветив часть тоннеля. Факелы погасли. Теперь ясно, почему искатели Каземат и Цой не могли знать про ход, - когда его закрыли, вьюны, плющи срослись в единую стену живой изгороди, укрывшей большую часть горы, проход не отличить и не отыскать, если не знать точного места.

Вышедших из тоннеля, звучно прозванного бездомными Кишкой, встречал Обелиск, грозно возвышавшийся над Каторгой. Каждый воитель, прищурившись, гневно оглядывал нескончаемые черные стены, уходящие высоко за облака и осыпал их проклятиями. Кто-то в

сердцах пообещал: наступит день, и Кара поведет воителей людонуть Черный Клык. Истинный смысл фразы «людонуть» Анна не разобрала, но на ум не приходило ничего хорошего.

Солнце не успело взойти над головами, как показались здания Каземат, и вместе с их появлением тяжелая тишина нависла меж воителями; в глазах не проскальзывала жажда нести смерть, лишь желание выжить.

Кара велела воителям оставаться в лесу, назначив старшим дикаря со шрамами на лице. Сама в сопровождении искателя, Лиса и Анны отправилась ближе к башням Каземат.

Анна с опаской оборачивалась, поглядывая назад, - воителей как не бывало, но ощущение чего-то ужасающего, прячущегося за, казалось бы, успокаивающей пустотой не покидало ни на секунду. Лес пугающе тих. На лицах Цоя, Кары - тревога, а Лис подозрительно спокоен, будто известный ему одному план давно претворен, хотя и близко не начат.

Переглянулись.

Цой кивнул, безмолвно пожелав удачи.

- Не заставляй меня жалеть о выборе, - холодно пригрозила Кара.

- Ни в коем случае, - отмахнулся Лис, добавив: - Болтаю я много, но верен каждому слову. Нет причин переживать, воевода. Я не шлюхану тебя на домового.

Лис откланялся, и в одиночку вышел на покалеченную дорогу, ведущую к воротам Каземат. Прошел не много, заметил караулившего оборонителя, углядевшего его в бинокляр и подавшего сигнал. Непроизносимый обязательно встретит у ворот, всегда лично встречал каждого вновь прибывшего. Выманить будет не сложно, уверенно думал Лис, уговорить - сложнее.

Услышал затрубивший горн. Подошел почти вплотную, запрокинув голову, посмотрел на возвышавшийся мрачный металл.

- Я багги забрать, - озвучил Лис, едва не сорвав голос, пытаясь перекричать немые высокие ворота.

По обеим сторонам показались оборонители. Нацелили пулеметы в сторону леса, готовые прикрыть Лиса в случае опасности. Ворота приоткрылись. Непроизносимый ожидаемо стоял, затолкав большие пальцы за широкий ремень, с трудом сдерживающий брюхо. Улыбался.

- Здорово! - неприветливо начал домовый. Лис явно утомил маниакальным желанием овладеть машинкой без передних колес. - А ты это... как забирать-то собрался?

Лис решившись на коварство, сделал глубокий вдох; эх, была не была, и ответил:

- Дюк-пиздюк! - выпалил, готовый бежать. Глаза Непроизносимого вмиг округлились настолько сильно, что, казалось, готовы вырваться из орбит; покраснел весь, задрожал от закипавшей злости, сродни быку, перед которым взмахнули мулетой. Пытался выдавить из себя неразборчивые ругательства, сделал шаг, собираясь нагнать Лиса, назвавшего его имя, но не смог - упал ничком на горячий асфальт.

Лис удивился не меньше. Стоял в полном недоумении, поглядывая на оборонителей, выругавшихся от увиденного.

- Лис, заходи! Заходи давай! - скомандовал один из них, пока второй не жалея бранных слов удивлялся случившемуся.

Лис бессознательно ступил за ворота, глухо закрывшиеся за ним.

Оборонители разом слетели со стен, сбежались и каторжники, возившиеся во дворе каземат. Лис рассчитывал совсем на другое; Дюк должен был погнаться за ним, а не падать без чувств.

- Лис, эта чоита стряслось? - негодуя спросил Кук, один из оборонителей. Лис не ответил, смог лишь рассеянно развести руками, пока собравшиеся каторжане окружали лежащего лицом вниз Непроизносимого. Внутри все переворачивалось от непонимания, ошарашено мотал головой из стороны в сторону, отгоняя бредовые мысли: неужели Каторга действительно не могла убить, не зная имени? Чужь какая, не может того быть. Не верил.

Подоспел врачеватель Рок.

Согнувшись над телом Непроизносимого, аккуратно перевернул на спину, стараясь уловить дыхание, спешно схватил за запястье, пытаясь нащупать пульс, - ничего.

Поднялся, горько оглядев каторжников, остановил взгляд на обескураженном Лисе. Холодный голос Рока оторвал от панических мыслей.

- Настал его час, - с печалью объявил врачеватель, покончив с исследованием тела. Редко в Каторге умирают своей смертью. Непроизносимому повезло уйти без боли.

Присутствующие в грусти и полном молчании склонили головы.

Рок, поднялся, достав из сумки толстую записную книжонку, пролистал несколько пожелтевших страниц, пытаясь отыскать подтверждение собственным мыслям, установил причину смерти и сказал:

- Инзульт, или инфуркт, - поднял голову к палящему солнцу, вытер тыльной стороной ладони испарины с морщинистого лба и добавил: - От жары кажись. Зовите грободелателя, впервые за шесть лет Дис получил работу.

Когда каторжники Каземат стали расходиться, Лис взял себя в руки и сказал:

- Друзья, зовите не только Дису, но и всех остальных. Мне надо кое-чего рассказать.

ГЛАВА 14

Увидев, как упал Непроизносимый и как ворота закрылись за Лисом, Кара немедля взмахнула косой и лезвие, словно обученное, ловко легко в ладонь. Моментально приставила к горлу искателя. Вытащила кинжал из-под пояса за спиной и наставила на оторопелую Анну.

- Что это? - процедила сквозь зубы, мотнув головой в сторону ворот. - Обман? Уловка?

Цой не шелохнулся.

- Не знаю, - честно ответил, глядя прямо в глаза. Кара надавила на изогнутое лезвие, соскоблившее щетину с кадыка; еще чуть-чуть и порез.

Молчание.

Кара опомниться не успела, как искатель ухватил ее за руку, развернул и, крепко обхватив, прижал к себе. Ножа не приставил. Кара извивалась ужом, но вырваться не могла, но не оставляла попыток высвободиться. Цой схватил крепче, а Анна окончательно растерялась; позабыла, что на бедре пистолет, возвращенный Карой.

- Лис не обманет, - пытаюсь унять пыл воеводы, говорил искатель. - Я тебя отпущу, и мы решим, как быть, хорошо? Хорошо?

Кара остыла, сохраняла хладнокровное молчание, только грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Искатель осторожно ослабил хватку, убрал руки. Кара отошла, развернулась и пристально, не скрывая презрения, обвела его глазами.

- Я доведу до Баззарра, а там...

Не успел договорить, как Кара бросилась разъяренной тигрицей. Кинулась в ноги, повалила. Тела сплелись; одолевал то Цой, то Кара. Сил воеводе не занимать. Косой, словно питоном, обвила шею искателя, затянула и принялась душить.

- Нет! - выдавил искатель, заметив, как Анна выхватила пистолет и пыталась целиться. - Нет!

Клубок из тел искателя и воеводы под разъяренный рев катался по земле, и, наконец, Цой одержал верх, - просунул руки подмышки женщины, нажал кистями на шею и затылок. Кара встретила поражение хищной улыбкой. Постучала по земле, Цой моментально отпустил и, изнемогая, завалился наземь. Кара перекатилась, легла на него. Оба вымучено дышали.

- Хорошо, - с трудом выговаривая слова, уступила Кара, - пойдём к Баззарру, - закончив, наградила искателя тычком в бок.

Завывающий горн привлек внимание. Поднялись с земли. Анна протянула воеводе руку; приняла и встала, едва не повалив девушку.

Аккуратно выглянули. Воевода глядела в миниатюрную подзорную трубу. Цой достал бинокляр, посмотрел. Передал Анне. Увидела Лиса, стоявшего в воротах Каземат; на лице ни следа той беззаботной улыбки, вместо нее опустошенная гримаса, с натяжкой напоминавшая на лицо. Лис вяло и явно огорченно махнул рукой, подзывая к себе. Выходить никто не спешил.

- Я пойду, - сказал Цой.

- Нет, - возразила Кара. - Пойдет она, - и указала на Анну.

- Нет, - твердо ответил искатель; его «нет» прозвучало убедительнее. Кара, не терпящая отказов, даже слегка отстранила голову. - Учись доверять, - продолжил Цой угрюмым голосом, совершенно не вселявшим доверия.

Искатель отсутствовал несколько минут, и это время далось Анне особенно тяжело, - Кара не сводила с нее хищных глаз. Наверно освежала в памяти то, как причинить много боли, если Лис все-таки обманул. К счастью, не пришлось, Цой вернулся достаточно быстро, сказав, что ее вместе с воителями и всем людом ждут за стенами. Лис не соврал, уговорил каторжников, как и обещал.

Радоваться Кара не спешила. Пошла к Казематам в сопровождении Цоя и Анны, желая

убедиться лично. Далеко не все взгляды за воротами пришлись ей по нраву, но ни в одном она не увидела вражды, в каких-то читался страх, в каких-то сочувствие. Последние тронули особенно сильно; не потому что она искала его, а потому что раньше его не испытывала.

Давно ворота Каземат не открывались полностью, а на стену не поднималось столько оборонителей. Воители показались из леса неожиданно, - будто выросли прямо из земли. В нерешительности замерли у дороги, и только увидев Кару, ожидавшую и готовую принять их у ворот, двинулись дальше.

Мальчуган, выскочивший из ополовиненной кабины и впервые в жизни увидевший столько людей, разыграл на клаксоне непонятную, но источавшую радостью мелодию. Каторжники Каземат приветствовали всех и каждого. Не сразу охотно.

Цой и Кара, стоявшие по разные стороны ворот, наблюдали, как воители входили и в знак доверия складывали оружие в тележки. Их взгляды встретились несколько раз. Цой не уловил, но углядела Анна: в глазах воеводы долгожданное спокойствие и благодарность.

Ближе к вечеру удалось расселить каждого, успели подготовить места и комнаты тем, кто остался в Людоводске, - с десяток воителей, охранявших полсотни женщин и детей. Их группа вернулась затемно, волоча за собой несчетное множество тележек, груженных всяким барахлом, да пожитками.

Вернулись как раз к моменту прощания с Непроизносимым. Тучное тело домового уложили на ложе из бревен, окруженное рвом. Задняя часть двора Каземат, отведенная для обряда, выглядела отчужденно, под стать похоронам. Пришли все, даже бездомные, ныне вновь считавшиеся каторжанами. Слов не звучало, лишь молчание, да треск дерева под жаром костра. Искры взмывали ввысь, исчезали во тьме, вместе с дымом унося Непроизносимого в неизведанный мир. Все случилось быстро. Лис и Анна стояли рядом. Какое-то время наблюдали молча.

- Ви сжигаете мiorтвих, а что остаются на память? - спросила Анна, пока треск костра ласкал слух.

- Память и остается. Человек ведь не набор из вещиц, поступки - вот, что важно.

Анна задумалась; пламя пленило мысли, не заметила, как Лис растворился в толпе. Расходиться не спешили, а когда настала пора, из скопления каторжан показались рослые фигуры: Мук, Феня и Вас. Собиратели виновато подошли к искателю. Мук протянул Ататашку.

- Цой, ты эта, не серчай, - потупил взгляд, и добавил: - пайков, не осталось, - цыкнул, - мы их на дамок выменяли, и часы, но автомат не трогали, честное-собирательское, - поспешил оправдаться Мук, пока Феня возвращал флягу с мочой. Цой молча принял Ататашку, перекинул ремень через плечо и уложил автомат за спину. Открутил крышку фляги - запаха нет. Вылил содержимое, закрутил крышечку и упрятал флягу в ранец. Подошла и Зоя. Анна классифицировала их обоюдное молчание как безмолвные извинения. Цой вернул ей бинокляр, рассказав, как погиб ее мужчина. Поверила она или нет, Анна не знала.

Каторжники направились к Казематам выбирать нового домового. Только Кара и ее люд пока оставались снаружи; некоторые не могли поверить в обретение Дома, в прочные стены, за которыми смогут вырастить детей, не боясь чудовищ. Кара, как бы случайно оказавшись у искателя, долго смотрела на него, с усилием вдыхала несколько раз, набираясь смелости, и все же заставила себя произнести слова благодарности:

- Спасибо, - голос искренний, надрывался от чувств и эмоций; все, наконец, хорошо. - Если бы мы их людонули, пролилось бы много крови, но этого не случилось, спасибо, Цой.

Искатель ответил доброй, но странноватой улыбкой, поразившей Анну, - ему с трудом давались положительные эмоции. Цой кивнул в сторону вышедшего из здания Каземат Лиса и сказал:

- Его благодари.

- И правда, - игриво согласилась Кара, прищутив хищные глазки, - может, стоило зачать ребенка от него? Цой не отреагировал, а она, аккуратно проведя рукой по рубцам на его голове, развернулась, и ушла, виляя бедрами, напоминая, как ему повезло; только в напоминаниях не было нужды, он запомнил каждый изгиб ее тела, а закрывая глаза, мог вспомнить каждый миллиметр. Никогда не забудет, как умеют обнимать ее руки, бедра, не забудет ее тепла.

Пополнили запасы пайков и воды, немного поели, и покинули Казематы до восхода солнца.

Лис необыкновенно молчаливый отправился с искателем и Анной, пообещав забрать багги как-нибудь потом; взял только сумки, оставленные в Казематах: две, похожие на большие карманы, крест-накрест висели через грудь, подсумок крепился на ремнях за спиной. Молчал и даже зубы какой-то твари, отданные Цоем, не смогли развеселить человека, который, как показалось Анне, не умел грустить.

До Резервации Второго Эшелона три долгих недели пути. Анна почти настроилась, когда искатель рассказал об остановках; первая в его убежище, а вторая в Догме, где стоял тягач Газа, который поможет сократить путь до недели. Анна не верила счастью.

Шли вдоль Вены, дороги, соединявшей семь Домов. Куда не глянь, все зелено-зелено, все вокруг радуется новому дню, все, кроме Лиса, не проронившего ни слова с прошлой ночи. Анна твердо решила, - настал час, когда и она, как никто, может оказаться полезной. Поинтересовалась, как прекрасно умеет, издалека, о том, что гложет его. Сказала, не нужно пытаться справиться в одиночку, призвала поделиться горем и разделить тяжкое бремя. Так нести его станет легче.

Искатель наблюдал со стороны, дивясь тому, как Анна с помощью обыкновенных слов достучалась до Лиса. Интересно, а он бы так смог? Наверное, нет; слова - совсем не его.

Лис тем временем выложил все как на духу: рассказал, как по его вине умер Непроизносимый, как он, назвав имя домового, подвел черту под жизнью старика. Анне вспомнился рассказ о нем и его вере в собственную неуязвимость перед Каторгой; домового, как и многие, стал жертвой собственных убеждений, а его вера закончилась в точности так, как обычно заканчивалась любая другая, - смертью.

Предложения, обычно гладко стеленные Лисом, теперь доносились до слуха искателя несуразной кашей. Анна даже не пыталась разубедить его в вине за смерть Непроизносимого, наоборот, аккуратно привела к мысли, задавая вопросы, а Лис, отвечая на них, понимал, сколько жизней удалось сберечь. Не благодаря ему, нет, благодаря смерти домового. Потому как даже в смерти есть что-то хорошее, а порой смерть - лучшее, что случается с человеком за целую жизнь. Так случилось с Непроизносимым; хорошего оказалось немало. Бездомные обрели Дом, Лис обнаружив в раскопках стальную стену с непонятно нанесенными маркировками, убедился - никто кроме него не сумеет пробиться через нее, да и ему вряд ли удастся. Без Дюка про находку быстро позабудут, в виду других, более насущных проблем.

Убедившись в правильной расстановке акцентов в голове Лиса, Анна ловко сменила тему; опять же, вопросом, о том, как ему удалось уговорить каторжников принять люд Кары. Постепенно речь рыжеволосого становилась узнаваемой; обретала привычное яркое словцо, жестикуляцию. Как выяснилось, убедить оказалось совсем не сложно. Он рассказал, что бездомные такие же каторжники, когда-то жившие в Баграде. Именно их предков когда-то не пустил Непроизносимый, но главным, по мнению Лиса, стали женщины бездомных; немного приукрасил их в свойственной ему манере, да так, что мужики в раз ощутили, как кровь наполнила детородный орган.

Искатель не видел, чтобы разговоры так помогали. Анна заметно взбодрилась; знания все-таки пригодились.

- Слова порой лечат лучше любого лекарства. Я би рассказала, Тесой, что все болезни так или иначе идут с головы, но лечение помогло и это главное, жаль только, лечит рани, не видимые глазу, растущие отсюда, - приложила палец к виску. - В этом и заключалась моя работа на капсуле. Слушать, говорить и помогать преодолеть нервные срывы, - Анна помолчала с минуту, а затем добавила: - Если хочешь... я могу попробовать помочь тебе вылечить диссоциативную амнезию.

Но искатель только нахмурился, сказав, что здоров.

- А что за работа на капсуле? - поинтересовался Лис.

Анна с теплом вспоминала самое ответственное и длительное задание; полет до Арго, основной станции-ковчега, занял один год, три месяца и две недели. Двадцать человек, профессионалы своего дела, безвыходно заперты в помещении и разделяли их лишь перегородки отсеков. Первый случай случился уже на вторую неделю. Рене, мать четверых детей...

- Четверых? - оборвал Лис. - А вы смелые.

- Четверих, да, - продолжила Анна. - Так вот, Рене не могла простить и терзала себя за то, что оставила детей на Земле. Не умирать, - оговорила Анна, - а в Резервации Репродукции. Ненавидела себя, кричала, что ни одна мать би так не поступила. Я убедила Рене в правильности его действий, - усмехнулась, - даже таблетками пичкать не пришлось.

- И часто нервишки сдавали?

- Всего инцидентов было двенадцать, - ответила Анна с пугающим хладнокровием.

- А это, как... много или мало?

- Много, но и ми не бездушные машины. Какой би не была ответственность, или ситуация, ми не можем перестать быть человеком, оставаться людьми.

- Четыре ребенка, бесья харя! - вторил Лис. - А у тебя сколько? Десять?

- Одна, - опустив глаза, ответила Анна. - Прекрасная девочка, его звали Белль.

- Звали?

Анна горько посмотрела на Лиса. Увлажнившиеся глаза и слеза, пробежавшая по щеке, остановили расспросы. Лис опустил руку на хрупкое плечо. Извинился. Касание вынудило Анну поежиться, и беседа утонула в недосказанности.

День прошел незаметно. Сколько прошли, Анна не знала, но много, так ей казалось. С дороги не сходили. Если забыть про Дома и все увиденное, казалось, от человечества не осталось ничего кроме этой самой дороги. Так и шли до самой ночи. На ночлег устроились неподалеку; звери поменьше старались избегать Вены, наученные грозными машинами, разве что крупные, вроде Беса порой нападали на тягачи, но те не колесили в ночи.

Луна отбрасывала на волнистое покрытие холодный свет и дорога в посеребренном свете походила на застывшую реку.

Искатель оставил Анну и Лиса одних, а сам, вооружившись Олей, отправился осмотреть окрестности, убедиться в относительной безопасности выбранного места, потому как полной безопасности в Каторги не существовало по определению. То и дело поглядывал назад, отыскивая взглядом банку со светлячками с кулак размером. Насекомые излучали зеленоватое сияние, своеобразный ночник, собранный Лисом. В лесах им не пользуются, опасаясь привлечь хищников, а у дороги можно. Лис и Анна сидели друг против друга, лица и руки освещены тусклым зеленоватым светом, похожи на приведения.

Обошел один раз, другой, тишина - ничего вокруг.

Когда вернулся, они уже спали. Сел рядом. Так и не заснул, - не мог позволить беде случиться с Анной. Осмотрел лезвия; острые, едва не порезал палец, перебрал Ататашку, благо Мук не успел ничего испоганить. В очередной раз заметил, как россыпь звезд в небе необъяснимо располагает ко всяким мыслям, порою, неуловимым, неземным и от того казавшимися ненормальными. Оглядел гарды, украшенные Уроборосом. Бесконечность, вечность, - как острие и яблоко катаны, два конца одной линии. Думал о Резервациях, о людях внутри, о том, как совсем скоро все начнет налаживаться, не сразу конечно: уйдет немало времени, но жизнь с увиденных картинок, фотографий, обязательно наступит. Мысль о том, что он все же увидит все великолепие, созданное Человечеством, насладится благами Старого мира, не давала покоя. Придут Старые люди и заставят Каторгу покориться их воле.

Да, так оно и будет.

Завел механические часы, вшитые в нарукавник; ночью темно, не видно ничего дальше носа, но он безошибочно нащупывал ушко, а когда закончил, провел пальцем по стеклышку, ощутив выщерблены трещин.

Искатель вел уже несколько часов, когда первые лучи солнца коснулись земли. Лис окончательно освободился от чувства вины за смерть Непроизносимого, Цой старательно скрывал бессонно проведенную ночь, а Анна, слушая бесконечные разговоры Лиса, не переставала удивляться окружающей красоте. Дорога привела к охваченным вьюном и плющом бетонным надгробиям; городок, почти полностью захваченный растительностью; деревья и кустарники росли где ни попадя. Огромные одеревеневшие корни когда-то свисали со зданий, но сейчас вмяли их в землю, похоронив собственным натиском. Это птицы, поедая семена, разнесли их по крышам вместе с пометом, помогая растениям прорасти в самых невозможных местах. Края плюща, тянущегося к большой дороге, обожжены химическим раствором, что распыляли тягачи Домов.

Искатель велел выстроиться за ним и идти шаг в шаг. Каждую улочку, ответвление от дороги проходили только после него; безмолвно давал знак рукой, - безопасно, идите. Особенно настораживали больше лужи; в каких-то тревожно продолжала булькать вода, а что находилось там, под водой, страшно подумать. Как выяснилось, даже Цой не знал; считал, глубина - не обитель каторжан и нечего им там делать.

Ближе к полудню Анна уговорила искателя на небольшую передышку. Лис поддержал. Пообедали, сдобрив пайки чесночным соусом из тюбика. Анну забавляло и одновременно удивляло то, как искатель и Лис балдеют от вкусовых ощущений. Странно, ведь никакого вкуса там нет.

К закату с дороги пришлось сойти, иначе до убежища искателя не добраться. Брели по лесу намного осторожнее, останавливаясь, прислушиваясь, - не поджидает ли их что-нибудь.

Набрели на лося, метрах в пятидесяти. Настолько крупную особь Анна прежде не встречала даже на снимках; рога напоминали растопыренные кисти великана. Стоял и терся боком о грубую растрескавшуюся кору, - чесался.

Цой жестом велел остановиться. Прошипел: «Тихо». Лис замер, - недвижимая статуя. У Анны получилось чуточку хуже. Решила, искатель собирался убить лося. Ошиблась. Успела уловить лишь сильный, неприятный запах, но не смогла угледеть, откуда молниеносно бросилась крупная змея, в объеме, не уступающая огромному дубу, а сколько в ней было метров, не решилась даже представить. Ударила из листвы, как молния из тучи. Голова змеи вцепилась в шею лося, а тело кольцами лихо обвилось тушу и принялось душить. Лось не орал, не чувствовал ничего с момента укуса.

Стояли недвижимые и наблюдали за мощным телом змеи, обломавшим рога, за сильно растянувшейся пастью, методично проглатывающей мертвого лося, а когда в болотной чешуе проступили очертания поглощенного животного, тогда и двинулись дальше, - каанаконда неподвижно лежала поваленным бревном, - засыпала, сытно отужинав лосем. Что ей костлявые и жилистые людишки, когда внутри переваривается восемьсот килограммовая туша лося.

Почти стемнело.

Выбрали место, где заночуют. Искатель обошел округу; в лесах проверять местность перед ночлегом приходилось особенно тщательно. Неподалеку заметил гнезда лунатиков. Еще спят, две или три, тела лежат, плотно прижавшись друг к дружке, одно от другого не отличить. Убивать не стал, да и вряд ли бы вышло, не в одиночку. Вернулся к месту стоянки, повел Анну и Лиса дальше.

Новое место оказалось лучше предыдущего - гигантское дерево, чьи корни взбучились и разворотили землю. Лианы пленили ствол и ветви. Дерево послужило неплохим укрытием, и пока Цой осматривался, Лис продемонстрировал новое, по его словам, не знающее равных изобретение. Развесил метрах в десяти от стоянки сплетенные из волокон паука веревочки с привязанными на них железяками, когда-то служившими ложками, вилками; дотронься до паутинки и звон пробудит ото сна; во всяком случае, так устройство задумывалось, - не выяснили, ночь прошла спокойно. Цой и Лис посменно караулили. Искатель с теплом вспоминал о бесей моче и о том, как существенно она упрощала пребывание в Каторге.

К обеду следующего дня лес отступил, уступив просторной долине. Анна чувствовала подступающую духоту и никак не могла понять, с чем связан перепад температуры. Влажно. Кожа покрылась капельками пота, неприятно спускавшимися вниз по спине. Хотелось непременно все снять, но чувствовать себя неловко хотелось не больше. Лис подобных мучений не испытывал; оголил торс и шел, поглядывая то на Анну, то на природу вокруг, будто сравнивал и не мог решить, что нравится больше.

Ухабистая, застеленная травой почва, склоны с проступающими твердыми скалистыми

породами, над которой вздымался легонький дымок, а кое-где почва делалась мягкой, покрытая безобидной травкой, будто ступаешь по поролону. Цой велел не наступать, не то нога уйдет вглубь и получит сильный ожог. По окраинам со склонов струилась вода. Гейзеры фонтанировали с завидной периодичностью, извергая ввысь на десятки метров белые столбы воды и пара.

Неподалеку от места привала Анна заметила несколько горячих источников и тем же вечером решила искупаться. Источник, окруженный буйной зеленью трав, лозами и плотными колониями водорослей, встретил духотой, а над непоколебимой водной гладью кружась и возвышаясь, клубился пар. Поддержала ладонь над водой, приятное тепло моментально овладело кистью. Поначалу опустила указательный палец, - горячо, но терпимо и так приятно. Вода, наверное, градусов сорок. Освободилась от одежды, медленно вошла, ощущая, как с погружением таяла усталость, и мурашки бежали по телу, пытаясь спастись от подступающей воды. Дно твердое, и не менее горячее, приятно щиплет стопы. Жадно втирала в кожу горячую воду, смывая грязь. Запустила пальцы в волосы, тщательно промыв пряди. Окунулась раз, другой, потревожив движениями зеркальную поверхность. Прекрасное чувство, почти позабыла, каково это, ощущать воду. Легла на спину, вода с легкостью удержала ее на плаву.

- Ты прямо ожила, Милаха-мордаха! - позади послышался похотливый голос.

- Mon Tabarnac! - Анна тут же встряхнулась, спрятав обнаженное тело под водой, вперив полный презрения взгляд в развалившегося на приплюснутом камне Лиса. Самодовольная улыбка от уха до уха не сходила с лица. Негодяй все испортил.

- Ти давно здесь?! - закипая от ярости, бросила Анна. Воспитание не позволило осыпать наблюдателя грубостями, хотя дико хотелось.

- Не так давно, как хотелось бы, - шаловливо ответил он.

- А ну отвернись, - приказала, махнув рукой, расплескав воду и развеяв пар.

- Хорошо, хорошо, - капитулировал Лис, обезоруживающе выставив руки, - я-то отвернусь, но вдруг... жаропар нападет, а я не увижу и не успею помочь? Услышав название неизвестного чудища, Анна пулей вылетела из воды, осыпая Лиса проклятиями и сверкая небольшими аккуратненькими грудями.

Не говорила с ним до утра. Тяжелым молчанием, и гневными взглядами выражала высшую степень недовольства.

Поутру Цой отправился к тому же источнику. Разделся, аккуратно завернул вещи в накидку, и плюхнулся в воду. Анна увидев, поспешила на помощь, крича, что там жаропар.

- Какой еще жаропар? - состряпав хмурую мину, спросил искатель, стоя по пояс в воде. Тогда-то Анна и оценила коварство Лиса, но очень скоро на смену гневу пришла легкая ухмылка, восхваляющая смекалку негодяя, а за ней улыбка подлости, готовящая план мести.

К середине завтрашнего дня, по словам искателя уже должны добраться до убежища. Похвалил Анну за выдержку; она и сама удивилась как окружающая среда, свободная от человеческих деяний, укрепляет организм и придает сил. Правда совладать с жаждой никак не удавалось; она почти истощила их запасы воды. Провинившийся Лис говорил больше обычного, всяческие попытки извиниться забавляли, но виду она старательно не подавала.

- Извини, - в очередной раз чувственно произнес Лис, - Милаха-мордаха, я не хотел тебя обидеть, только подбодрить. Думал, ты знаешь правила Каторги.

- Правила?

У Лиса чуть приступ не случился.

- Как? Ты не знаешь первого правила Каторги?

- Никому не рассказывать о Каторге?

Лис в оцепенении остановился, пытаясь вникнуть в сказанное; лицо скривилось странной гримасой, будто внутри что-то сломалось, и он пытался понять что именно, но, так и не поняв, и не найдя ответа, обратился к Цюю:

- Как ты допустил? А если случится чего и она окажется в опасности? Это же Милаха-мордаха, Цюй, разумеется, она окажется в опасности.

- Тесой дал мне Монструм, - заступилась Анна, показав книжонку. - Так, первое правило?

- Не покидай Дома, не прочитав Монструм, - тоном рассерженного наставника продекларировал Лис. - Это же инструкция, ее необходимо изучить. Анне вдруг вспомнилась техника в доме и множество инструкций записанных на прозрачных пластиковых флаерах, или аудио-руководств - ни одной она так и не прочитала; никто не читал и не слушал.

В подтверждение искренности извинений, Лис обещал обращаться исключительно Милахой.

Замечательно, еще немного и до имени доберется.

- Это не первое правило, - решительно произнес Цюй.

- Ну, Милаха, - поспешил оправдаться Лис, - правила как бы нигде не писаны, поэтому у каждого свое первое правило. Но поверь, твое, по крайней мере, пока, пусть будет тем, которое назвал я.

Миновали долину гейзеров и горячих источников.

Путь отрезала журчащая река. Рыбы выныривали из кристально чистой воды, будто пытались обогнать течение, но в действительности кормились, ловля наземные пищевые частицы; насекомых, пауков. Цюй с минуту глядел в воду, плюнул, - слюна растворилась. Умылся. Достал бурдюк и пополнил запасы воды. Анна и Лис последовали примеру. Пересекли реку. Лис попросил обождать. Устроились на противоположном берегу, пока Лис, стоя по колено в воде, принял забавную позу ловца и уже через пять минут набил небольшую сетку десятком рыбешек. Поскольку разжигать костер ночью приравнивалось к самоубийству, - устроили небольшую передышку.

- Цюй, ветки с тебя, - начал Лис, неуклюже выбравшись на берег, - а ты, Милаха, беги во-о-он туда, - указал на место метрах в двадцати, где рос необыкновенно большой кустарник с сердцевидными листьями, - и собери листья. Не стесняйся, бери побольше, с Каторги не убудет.

Цюй молча отправился за ветками для костра, а Анна возразила:

- Перестань командовать! - решительно заявила девушка.

- Не командовать, Милаха, направлять, - улыбнувшись, парировал Лис. Анна хотела ответить, но слов не нашлось, только плечи побежденно опустились, и она отправилась собирать листья.

Сели у небольшого костра. Лис выпотрошил рыбу, выболтал у Анны последние тюбики с едой, сказав, что наступает время экспериментов. Выдавил содержимое внутрь рыб и натер. Нанес слой глины, собранной у берега реки, затем завернул каждую в листья, собранные Анной. К тому моменту от костра остались только тлеющие угли, которыми он завалил приготовленную рыбу. Через час отобедали. Рыба получилась отменной. Набив живот, Анна откинулась на траву. Вдохнула, ощутив прилив сил, восторженно наблюдала за безоблачным голубым небом, стаями пролетающих птиц. Посидели еще немного, позволив желудку разобраться с пищей, и затем отправились в путь.

Километрах в пяти ждала высокая стена из густых елей, а за ними виднелись редкие развалины раскаленных бетонных джунглей.

ГЛАВА 15

Лес выглядел загадочно и устрашающе. Что удивительно, - отсутствовали малейшие звуки, неустанно сопровождавшие Каторгу; ни тебе стрекота, ни пения птиц, ничего, - немой лес, безмолвная тишина. Анна вслушивалась, наслаждаясь покоем, с упоением оглядывала деревья.

- В твоё время такого не было, Милаха? - спросил Лис, заметив восторг, с которым Анна наблюдала живописность окружающей природы.

- Били красивые места, поражавшие своим великолепием, но очень мало, и я, уви, так и не нашла времени отправиться и насладиться ими.

- Чем вы занимались?

- Будущим, - с брезгливым отвращением ответила девушка, - все ради прекрасного будущего. Только о нем и говорили, а ещо о наследии грядущим поколениям, а сами тянули соки из Земли, разрушая фундамент этого самого будущего.

- И ради чего?

Пожала плечами:

- Нефть, алмази, уголь... Истощали все, до чего могли дотянуться. Будущие поколения? Наследие? Какая разница? Тебя там не будет, не тебе отвечать и страдать за совершенные ошибки, неутолимую жажду порабощения. Хотели навечно вписать имена в историю. Знаете хоть одно?

- Не-а.

- Нет.

- И вот результат, - произнесла Анна, будто проведя финальную черту под родом человеческим.

- Так-так-так, все, Милаха, прекращай, - протараторив, отмахнулся Лис. - Тебя послушать, жить не хочется, - перевел притворно озадаченный взгляд на искателя: - Цой, может ну их, а? Пусть и дальше лежат, я не выдержу, если все, как один будут рассказывать о том, как все плохо. Мы

зачахнем и содохнем...

- Тихо, - осадил Цой, всматриваясь в гущу леса.

Впереди меж деревьев в редких лучиках солнца что-то поблескивало - паутина.

Подобрались ближе, Анна заметила нити, розвившиеся в толщине; какие-то едва уловимые глазом, какие-то толщиной с пальцы рук. Искатель велел собраться и, что бы ни случилось, не касаться волокон, норовящих опутать, спеленать и оставить недвижимым трофеем на радость паукам или пауканам, - именно так твари именовались в Монструме.

Медленно шли дальше.

Анна предельно сосредоточено двигалась за спиной Цоя, положив руку ему на плечо. Лис замыкал группу. Наверху увидела жертв, плотно запеленованных в серо-белые нити паутины. Людей среди них нет; каторжники не частые гости в пауканском лесу. Сколько не пыталась, так и не заметила ни одного паукана. Цой насчитал шестерых, но не указал на них Анне; могла ужаснуться и, перепугавшись, навлечь беду. Пауканы самцы с человека размером, самки вдвое больше, все черные, как один, четыре пары ног покрыты волосиками, позволявшие хищнику с безупречной точностью определять источник звука, но главное оружие охоты - ловчая сеть, задень паутину и в мгновение ока привлечешь паукана. Миновали лес, не потревожив его обитателей.

Как и обещал искатель, к полудню вышли к руинам городка и достигли убежища. Остатки многочисленных коттеджей, усадьбы; когда-то здесь обитали люди, занимавшие высшие цепочки потребления, зажиточные граждане. Уцелевшие стены, причудливо кованые лестничные перила, торчавшие из них, отбитые куски ярко-красной черепицы, мрамор, ставни - даже охваченные джунглями не утратили былого лоска. Подтвердило догадку само убежище искателя, вход в которое надежно замаскирован всяческими растениями. Название компании Shelter Тес, построившей тысячи подобных убежищ, сотни Резерваций и восстановившей не один десяток бункеров, созданных на случай войны, красовалось на выпуклой крышке люка. Надпись поблекла, но осталась читаемой; не соврали, заверяя, что благодаря их технологиям человек переживет конец света и любую войну, которую объявит себе человечество. Пережили не все. Лис, увидев надпись, наконец, вспомнил: точно так же начиналась маркировка на неприступной стене, обнаруженной в Казематах.

Потянув за рычаги и отвернув затвор, Цой с усилием открыл входной люк, расположенный вровень с поверхностью земли. Пропустил вперед Лиса, затем Анну и только после, оглядевшись, спустился сам.

Поначалу было темно, но Лис, достав банку со светлячками, исправил недоразумение. Лестница, по которой спустились, чуть покосилась, стены возведенные из стали, каменной кладки, бута, бетона и бутобетона, остались неприступными. Муж Анны собирался заказать строительство подобного бункера, но, когда благодаря ей, его утвердили в программу НОРЕ, нужда в убежище отпала. Как же она ненавидела себя за принятые решения, - зачем просила, на что надеялась? Нужно было оставить скотину умирать в обезумевшем мире, и пусть бы расплачивался за содеянное.

Бункер, называемый искателем убежищем, стоил шесть с половиной миллионов криптов до Инцидента, а после цена выросла втрое и спрос не спадал. Последняя соломинка для людей, охваченных паникой перед рухнувшей с небес угрозой. Начались спекуляции, быстро появились шелтереселлеры, желавшие перепродать купленный бункер втридорога; белые

воротнички, строгие галстуки, затянутые до хруста шейных позвонков с пеной у рта предлагали последний билет в безопасное будущее; борьба за место под солнцем сменилась борьбой за место под землей. Многие попали бесплатно, - погибнув.

Несказанно свезло и сурвивалистам, которые готовились к апокалипсису десятилетиями и целыми поколениями; их инвестиции сполна окупились. Многие, предав семейное дело, продали укрепленные дома в отдаленных глубинках, собственноручно возведенные бункеры вместе с картами тайников заготовленной провизии, а вырученные деньги спустили на развлечения, проведя последние месяцы хозяевами жизни в мире, сгинувшем в хаосе.

Владельцы бункера, занимаемого искателем, жили в достатке. Построен с размахом, Анна видела чертежи, планировку. Цилиндр площадью тридцать квадратных метров, разделен на четыре отсека: жилые каюты с кроватями, кухня-столовая, санузел и рабочая зона; мастерская для переработки урожая, утилизации несъедобной биомассы, системами доочистки воды и воздуха. Оставшиеся три, недоступные жильцу, отходили растениям и автономным техническим отделениям. Не лукавили, говоря о сроке эксплуатации до тысячи лет без техобслуживания. Только жильцы так и не успели въехать, а может, давно умерли, но Цою это совершенно не мешало.

Крутанув затвор, открыл дверную перегородку, - почти семьсот лет, а она даже не скрипнула. Вошел внутрь. Лис, учтиво выставив руку, пропустил Анну вперед себя.

Интерьер поразил: под потолком с десятков стеклянных баллонов, а в них светлячки сияли зеленым и желтым светом. Цой спешно снял баллоны с желтыми светлячками и поспешил наружу, - освободить насекомых.

Пока отсутствовал, увидела небольшой проем в закругленной стене; именно за ней размещались автономные отделения, но искатель каким-то образом добрался до них. Интересно, зачем? Не разобрала, но, кажется, именно оттуда доносился едва уловимый скрип - как железом по стеклу. Цой вернулся, первым делом закрыв тот самый проем массивным шкафом. Сколько всего насобирал искатель и натащил в убежище. Битком набито. И небольшие поблекшие, замызганные статуи; из отколотых частей торчали кривые прутыки железок, словно обломленные кости, похожие на жертв неизвестных болезней. В углу - кресло-качалка, а рядом торшер, от абажура остался искривленный каркас. На одной из округленных стен висела и карта мира, но страны и столицы теперь лишь неразборчивые буквы, линии, да точки на исхудалой бумаге. Вещи продолжали пленить людей, даже теперь, когда от них никакого проку.

На полках, сделанных уже Цоем, фигурки от шахмат, разбухшие книги, свертки, - далеко не каждую страницу можно разобрать. Жестяные банки с гайками и болтами, черные бутылки, содержимое которых она так и не выяснила. У противоположной стены металлические ящики, шкафы, маленький сейф, правда, без дверцы. Грубый железный верстак, на котором не раз подвергались обслуживанию вещицы искателя; на это указывали темные пятна, въевшиеся в металл маслянистые пятна, а рядом большое чучело, собранное из грубо обрубленных деревянных балок, все исполосовано тонкими порезами. Очевидно, на задрипанном манекене искатель отрабатывал навыки владения клинками и, судя по количеству рубцов, провел у него немало времени. Стоял даже холодильник, давно обесточенный и служивший скорее шкафом, хранившем внутри аккуратно разложенные инструменты и детали, принадлежность которых разобрать не удалось.

Но более всего внимание концентрировалось на стене в самом конце. Целиком увешана

фотографиями, самыми разными, но в большинстве выцветшими, изорванными, края топорщились, и, казалось, вот-вот обратятся в прах. Каждая фотография крепилась к целой паутине из веревочек, импровизированными прищепками и ни одна не проткнута, - гербарий, только вместо засушенных растений моменты прошлого совершенно разных людей.

Разобравшись с проемом, Цой выскочил из-за спины и, не замечая ничего вокруг, с маниакальным настроением устремился к стене. Поднес несколько банок со светлячками, подвесил на цепочке и осмотрел каждую фотографию, - разглядеть и понять что на снимках, - нужно очень постараться, но искатель не считал это неудобством. Расстегнул кармашек на лямке ранца, достал фотографию и аккуратно поместил к остальным. Слезаясь от радости глазами оглядел композицию, почему-то казавшуюся Анне знакомой, но понять ассоциацию ей так и не удалось.

Искатель немного сторбился над святилищем из частичек жизни, которую желал увидеть воочию больше всего. Подозвал Анну ближе, заметив, как она наблюдает за ним.

- Смотри, - прильнул к неразборчивой фотографии с двумя пузатыми мужичками, одетых в одежду, преимущественно зеленых тонов, с жилетками на молниях, которым никогда не суждено застегнуться на животах. Один улыбался так, что зубы сверкали. Держал в руках рыбину, второй ухватился за спортивную удочку, похожую на нечто невообразимое из-за испорченности снимка. - Что у него в руках?

- Удочка, Тесой, - смущенно утолила любопытство Анна. - Как вы могли забыть?

- Ну, Милаха, - начал Лис, подойдя и разглядывая снимок с рыболовами, - если день за днем думаешь только о том, как выжить, на остальное времени не остается.

Искателю показалось, что ухватил все знания Старого мира за хвост. Лихорадочно метнулся к стене со стеллажами, осторожно вытянул плотный рулон и, развернув, продемонстрировал Анне.

- А это? Я искал таких, но не нашел ничего. Вымерли?

Анна рассмеялась, разобрала едва сохранившийся постер к фильму «Аватар 5», на котором изображен На'ви, летящий верхом на птице, напоминавшей ската.

- Нет, Тесой, - объяснила девушка, - их никогда не било, это из вимишленного мира, из сказки.

Искатель поник, но лишь на секунду. Затем глаза вновь вспыхнули, метнулся к стене с фотографиями.

- Посмотри, - сказал Цой, трепетно указав на снимок с едва отличимыми силуэтами двух человек, - наверное, отдыхают, а это, - перешел к фотографии, совершенно неразборчивой, где с трудом проглядывались очертания девушки, - что это, знаешь?

Анна подошла ближе, пригляделась: девушка, кажется, в зимнем костюме и совершенно точно придерживала за нос доску.

- Сноуборд, - ответила Анна голосом знатока и на секунду почувствовала себя всезнающим коллекционером.

- Сноуборд, - протянул Цой, так и не поняв назначения вещицы, и кончиком пальца коснулся фотографии; рассыпалась, прямо на глазах. Лицо искателя перекосили жуткая помесь испуга и

печали, рот приоткрылся, будто что-то ранило его; маленький мирок распался где-то внутри вместе с фотографией. - О-о-о... нет-нет-нет, - упал на колени, отчаянно пытаюсь собрать остатки фотографии, но безуспешно, ее время ушло.

Анна достала ролл, встряхнула, вспыхнул экран. Выбрала раздел фотографий, опустилась рядом с искателем и показала снимок семьи. У Цоя глаза на лоб полезли; таких красочных фотографий прежде не видел. Потянул руку к экрану и остановился в нескольких миллиметрах, - боялся дотронуться, боялся, что от касания красота исчезнет или распадется в точности так, как распалась фотография. Цвета, одежда, все сохранилось и передалось до мельчайших деталей. На снимке в саду Анна совсем не такая: на лице улыбка счастья, волосы не каштановые, как сейчас, а цвета соломы и длинные, отливали белым блеском на солнце. Он даже еще раз взглянул на нее, вдруг перед ним не она. Синее платье, была похожа на рюмочку в нем, держала девочку, маленькую, волосы мамыны - светлые, только кудрявились. Улыбка девочки, какой Цой прежде не видел, заставила улыбнуться и его; нет двух передних зубов, но их отсутствие делало ребенка только милее.

Анна с улыбкой и слезами на глазах наблюдала за тем, как Цой разглядывал каждый пиксель фотографии.

- А третий, твой мужчина? - спросил он, указав на часть руки, заботливо обнимавшую маленькую девочку. Рука принадлежала мужчине, сидевшему слева от девочки. На руке татуировка: змея с красно-зеленой чешуей и голова, какую искатель не встречал ни у одной змеи, - торчащие в разные стороны рога и пара длинных усов; с такими чудищами не сталкивался. Оказалось, дракон. Анна не специально выбрала часть фотографии с дочуркой; фото обрезано. Улыбка оставила лицо ее лицо: сама вырезала мужа из фото, отдала бы что угодно, если бы с той же легкостью могла бы вырезать его из всей жизни. Нажала на ролл и экран исчез, а вместе с ним и мысли искателя о жизни Анны, о дочери, похожей на нее, как девушки-близняшки с одной из запрещенных карт Лиса для игры в дамки. Именно так Лис и сказал, краем глаза рассмотрев фотографию из-за плеча искателя.

Анна смахнула набежавшие слезы, встряхнулась, как бы отгоняя от себя болезненные воспоминания и спросила:

- Так зачем ми здесь?

- Подготовиться к Пепелищу, - стоило Лису ответить, как Цой, будто вспомнив цель визита, поднялся и, восторженно оглядев фотографии, направился к шкапам.

Открывал скрипучие дверцы одну за другой, доставая свертки полиэтилена, и выложил их на железный стол. Не рылся, - точно знал где, что лежит. Достал коробочку, измятую и рыжеватую от ржавчины, открыл, извлек беруши и нечто, напомнившее Анне на ладан дышавшие шумоизолирующие наушники. Одни протянул Анне, другие Лису, а свои сложил в ранец вместе с полиэтиленовыми рулонами. Анне жуть как хотелось узнать, как именно беруши, наушники и полиэтилен помогут им пройти через Пепелище, но спросить не решилась; знала, - раз взяли, значит нужно. Придет время, поймет и она.

Цой собрал в ранец нечто похожее на садомазохистское снаряжение, соединенное тросами с креплениями на шее, поясе, руках и ногах. Марлевые повязки давно не белого цвета, пачку пайков. Надел на лиса три пустых бурдюка для воды и когда, казалось, готов отправиться в путь, остановился, - посмотрел на Лиса. Что-то вспомнил.

Вернулся, открыл продолговатый шкаф, достал измятый плотный лист бумаги и протянул

Лису. Тот дар речи потерял и осторожно принял сверток, словно реликвию. Анна глазам не поверила: страница из какого-то глянцевого журнала. Замызганная, потасканная временем, но отчетливо сохранившая изображение модели: русые волосы, длинные и прямые, вульгарно зачесаны назад, агрессивный макияж, с темной подводкой глаз, идеальная кожа, обработанная гримерами и умелыми руками фоторедактора. Девушка обнажена, но поза, как это обычно бывало, скрывала самые желанные места. Локотками упиралась в подлокотник дивана-честер, поднеся аккуратненькие пальчики к эротично приоткрытым пунцовым губкам и ровными рядами белоснежных зубов, коленки провалились в диван, акцентируя внимание на прекрасно задранной попке, формой идеального полукруга и изящному изгибу поясницы, и скрещенным, ровненьким ножкам с безумно гладкими, розоватыми пятками. Модель владела взглядом не хуже тела; смотрела, дразнила и пленила красотой, давала понять, - тебе вживую этого не видать.

Лис, глядя на нее, мотал головой из стороны в сторону, готовый разрыдаться, созерцая прекрасное, - фигуре могли позавидовать древние богини.

- Это, - дрогнувшим голосом с трудом выговаривал он, - это же десятка, Цой, друг мой! Десятка! Спасибо! Лучшая дамка из всех! Старый не устоит перед ней, а я с ее помощью отыграю Марго!

- Марго? - поинтересовалась Анна.

- Дамка, - ответил искатель, - карта Старого, единственная девятка, которой нет у Лиса.

Лис, будто не замечая их присутствия, вознес подарок Цоя над головой и гордо произнес:

- Назову ее Морриган!

- Вообще-то, - вмешалась Анна в грандиозные планы Лиса, - девушку звали Валериан Девилин, дочь модели и актриси Лари Девилин.

- Валериан, - загадочно повторил Лис, - мужское имя, не?

- У нас, - с улыбкой ответила Анна, - границы немного... размались.

Глаза Лиса широко раскрылись, безумную голову посетила безумная мысль:

- Цой, это не десять! - не отрывая прикованного к картинке взгляда, водил в воздухе рукой, пытаясь нащупать искателя, - Это одиннадцать! Одиннадцатый балл за настоящее имя!

- Балл? - смущенно переспросила Анна. Лис, погруженный в разглядывание одиннадцатибалльной Валерианы, не мог связать двух слов. Объяснил Цой; с его слов поняла, - баллы - своего рода номинал карты, оценивающийся совокупностью определенных характеристик; если девушка светлокожая, балл в копилку, но большинство баллов набегало от одежды, - чем ее меньше, тем лучше: без лифчика, называемый Лисом чехлом, - балл; без трусиков, балл. Немаловажную роль играла и поза, в которой запечатлена модель. Баллы засчитывались за положения лежа и полулежа. Анна быстро сообразила, - вариаций великое множество и как следствие: карты самых разных номиналов. Минимальная карта дамочек, по словам искателя - три балла, максимальная - девять.

- Я был так близко! - воскликнул Лис и полез в подсуток за спиной. Вынул небольшой каталог, где и хранил коллекцию дамочек. Безошибочно открыл нужную страницу, развернул и продемонстрировал Анне. - Видишь? Это почти десятка, почти! Ты случаем не знаешь ее

имени? - забавно скривился лицом в ожидании чуда. Анна покачала головой. Не знала имени модели на развороте, но она почти ничем не уступала изображению Лары Девелин: обнажена, лежала на волнообразной скамье, упершись лопатками и ягодицами, демонстрируя прекрасный до боли изгиб спины, пальчиками прикрывала соски. Да, она могла стать десяткой; Лису не свезло совсем чуточку, - модель на фото полностью лысая, на всем теле ни единой волосинки.

- Слу-у-ушай, - протянул Лис голосом полным коварства, - ты, Милаха, будешь новым баллодателем! Точно! - позабыв про Анну, продолжил восхищаться собственной гениальностью: - Прекрасно! Итак, скажи мне, как ее зовут? - вновь показал разворот так, будто она должна что-то понять. Не поняла.

- М-м... я не знаю.

Лис обреченно выдохнул, закатив глаза:

- Назови любое имя, Милаха. Никто кроме тебя не знает имен! - с каждым новым словом, глаза Лиса горели все ярче, - Ты назовешь всех мои дамки, и каждая дотянет до десятки!

- У тебя и без того лучшая колода, - безынтересно проговорил искатель.

- Ну и что? Будет самая лучшая.

Цой пожал плечами; его игра в дамки совершенно не привлекала.

- Но ведь это не честно, - констатировала Анна. Лис посмотрел на нее так, словно впервые услышал про честность. - Мне тяжело даются обман и потом становится жутко больно и не по себе от мислей, что я подвела доверие человека.

- Да брось, - приобнял за плечи, как бы намекая, что вины никакой нет и быть не может, - назовешь и дамки других, все равно десятки будут у меня!

Игра в дамки, да и просьба Лиса показались бредом и несуразной бессмыслицей, но она решила не винить его и каторжников за подобные увлечения, в конце концов, было время, когда и они отдавали пятнадцать процентов всего сетевого трафика утехам кошек и котят.

- И как играть в дамки? - поинтересовалась Анна. Улыбка, проплывшая на лице Лиса, подразумевала готовность научить ее этой ни с чем несравнимой игре.

- Обсудите потом, - холодно сказал искатель, стоявший у лестницы и как бы намекая, - пора двигаться дальше.

ГЛАВА 16

Искатель вел дальше намного увереннее; исходил места близь убежища вдоль и поперек, точно знал, как идти, минуя опасности. Бескрайним зеленым просторам не видать конца и краю. И как умудряются ориентироваться, когда окружение не меняется час за часом: деревья, листва, кустарники похожи как две капли воды.

Совсем скоро углубились в лес.

Цой чувствовал себя расслаблено, иногда даже вприпрыжку преодолевал небольшие препятствия. Лис не отставал, но нет-нет отвлекался, помогая Анне. До наступления ночи

прошли больше чем когда-либо; на пути не встретились ни опасные хищники, ни зловещие места. Заночевали в берлоге. Искатель уверил: место давно заброшено, и он сам переждал здесь ночь несчетное количество раз. Во время ужина Лис мурыжил Анну догадками о ее имени, среди которых присутствовали, как довольно интересные варианты, изумившие ее знаниями о Старом мире, так и очевидные. Например, предположил, что имя являлось одним из самых распространенных, но ни одно предположение не оказалось верным.

Утром вышли к Вене, дорога уходила вниз и плавной дугой выгибалась вдаль.

Безмятежную утреннюю тишину прервали отголоски рокота двигателя.

Искатель машинально обернулся, сощутив глаза, пытаясь на звук определить приближавшуюся машину, - не удалось.

- Мелковат для тягача, - предположил Лис, приставив ладонь ко лбу, отгораживаясь от солнца. Едва успел договорить, как марево над дорожным полотном разогнал несущийся автомобиль, точнее нечто отдаленно напоминавшее его; родстер, лишенный навесных частей кузова: каркас не узнать, собран из нескольких, вместо дверей сваренные трубы, изнутри усиленные дугами безопасности, грозно выпирающий двигатель звучал так, будто вот-вот захлебнется собственной мощностью.

Завидев путников, пилот прибавил газу, а когда почти настиг их, нарочно вывернул руль, выжал тормоз, будто пытался проверить возможности машины и под визг покрышек, пронесся юзом несколько метров.

Остановился у обочины, оставив позади себя следы от шин.

Пилот дернул ручник, приковав машину к дороге. Человек в грязно-сером комбинезоне казался худощавым и маленьким. Привстал с сиденья и, облокотившись на трубы каркаса, стянул платок с лица, оттянул очки на бледно-красный шлем-каска и глаза цвета моря засияли на чистом обводе лица.

- Лис! - радостно завопил тоненький голосок.

- Ева? - удивленно произнес тот и как заколдованный потопал к машине, потирая глаза, будто пытался развидеть мираж. Цой и Анна направились следом. Девушка выскочила из машины, за пару легких шагов добежала до Лиса и врезалась в грудь, сжав в крепких объятиях.

Совсем ребенок, удивилась Анна; девушке на вид не больше пятнадцати. Отлепившись от тела Лиса, изучающим взглядом одарила Анну. Вздохнула и замерла, увидев мужчину со шрамами на голове и двумя клинками за спиной.

- Это Цой? - осторожно спросила, боясь ошибиться.

Лис кивнул.

Ева молитвенно сложила руки в разных автомобильных перчатках у подбородка, а затем, как в приступе несказанного счастья, быстро похлопала в ладоши. Пищала, сдерживая крик; пребывала в явном восторге от встречи. Замялась, не зная, как лучше сохранить в памяти долгожданный день встречи. К счастью, Анна знала способ.

Спросила, есть ли у девочки Монструм и Ева, широко, улыбнувшись, спешно растегнула

комбез, вытащила из внутреннего кармана книжонку. Анна взяла ее и сунула Цою, стоявшем в полном замешательстве и абсолютном непонимании происходящего. Так же нерешительно принял книгу, размотал шнурок и открыл. перевел полный негодования взгляд на Анну, протянувшую уголек.

- Подпиши, Тесой.

- Зачем?

- Сделаешь человеку приятно.

- Как подписать?

- Тебе решать, - ответила, улыбнувшись.

Цой, пожав плечами, принял уголек. Ева выбрала страницу и грязным пальчиком указала на желаемое место. Искатель замялся, но спустя секунду чиркнул обыкновенный крестик, вызвавший у хозяйки книжонки дикий восторг и счастливую - от уха до уха, - улыбку, за которой последовала россыпь благодарностей. Как оказалось, благодаря описаниям Монструма, Еве поймала троллика, выигравшего впоследствии несколько забегов в Черни.

- В Догму? - спросила Ева, убирая книжонку за пазуху.

- В Догму, - подтвердил Лис.

- И я туда! Подвезу, - радостно сообщила девушка. Расстегнула застежку и, сняв шлем, взмахнула сальными темными волосами. - Только подождем чуточку, а? Ужасно неудобный, - сощурившись, недобро поглядела на шлем. - Уж, как сильно жарко голове, мозги кипят.

- Не спеши, - заботливо ответил Лис. - Отправимся, когда будешь готова.

- Две минуточки, и вперед! Вы давайте пока, располагайтесь, - кивнув на машину, предложила Ева и запрокинула голову, наслаждаясь прохладой.

Анна побаивалась машин, но, пересилив себя, обошла железного монстра несколько раз, пытаясь понять, где бы примоститься. Обратила внимание на колеса, - задние почти вдвое больше передних, свободное место - пассажирское, но там наверняка сядет Лис или Цой. Осталась область багажника, чью площадь отвели бочке, оборудованной под баки.

Цой постучал по цистерне, - пусто. Как выяснилось, емкость не для топлива, а для токсина, распыляемого по Вене. Дома планировали облегчить тягачи, и передать распыление более мелким машинам, которые постепенно пересобирали и возвращали к жизни. Еве, как предложившей идею, поручили собственноручно опробовать работу, правда под руководством Газа. Если все удастся, на таких машинах-разведчиках по всей Вене будут ставить маяки, которые послужат ориентирами в зиму.

Цой и Анна уселись на бочку, а Лис вальяжно расположился на пассажирском месте, вытянув ноги туда, где должно было быть окно. Сиденье - заплатка на заплатке, но, судя по тому, с каким комфортом он выпрямился, оно ничуть не потеряло в удобстве.

Ева, прыгнув в водительское кресло, нырнула под приборную панель, на которой исправным был только спидометр да одометр, и, переключив тумблер, завела двигатель. Надела шлем. Улыбнулась каждому новому пассажиру, недолго задерживая взгляд на красивой одежде

искателя и Анны, затем опустила очки и, воткнув передачу, выжала газ в пол. Машина резко дернулась и, набирая скорость, устремилась вниз по дороге.

Двигатель ревел, чувствовалось, способен на большее, но Ева берегла мощности; стрелка спидометра уверенно заползла за отметку в восемьдесят километров. Анна привстала, ветер приятно встречался с лицом нескончаемым потоком свежего воздуха. Бескрайние просторы, дорога и ничего больше, - никогда прежде не чувствовала себя настолько свободной и необремененной.

Цой рассказал о Еве, будущей замене Газу, гоняющему тягач по Вене. Девушка действительно хороша, вела машину уверенно, хоть покрытие и оставляло желать лучшего, неудобства почти не ощущалось. Не отрывая глаз от дороги, как учил Газ, пыталась искателя вопросами о его жизни, на которые тот не всегда знал и помнил ответы.

Вдалеке показалась массивная конструкция, - стадион, стоявший совсем недалеко от трассы.

- Догма, - указывая рукой и улыбаясь, объявил Лис, перекрикивая рев мотора и порывы ветра.

С приближением стадион вырос, казался более громоздким. Куполовидная крыша кое-где обвалилась, напоминала лист, погрызенный неизвестным насекомым, но стены остались неприступными, правда в некоторых местах расползлись небольшие выщерблены и трещины.

Через двадцать минут достигли громоздких ворот. Ева дала сигнал, и части, стуча, разъехались в стороны под шарканье шестерни. Ворота - будто вход в иное измерение, закипавшее жизнью; парковочная зона - огромный гараж под открытым небом, где каторжники подобно муравьям-рабочим, разбирали машины на части, с десятков детей наблюдали и помогали растаскивать детали в большие сетчатые короба. Рядом с воротами стоял огромный тягач, увидав который Анна невольно вздрогнула; черепаха ужасного чудища украшала капот и часть кабины, огромные колеса делали грузовик похожим на ужасного монстра, а торчащие железные балки многократно усиливали эффект. Кузов оказался несколько меньше, явно принадлежал другому грузовику; мусоровозу с задней загрузкой. Из-под машины, пригнувшись, вылез худощавый человек.

Углядев вернувшуюся Еву, направился к ним. Пока шел, играл разводным ключом, а подойдя, ловко упрятал его в сумку для инструментов, точно стрелок вестерна, и сразу после - почесал шею.

- Смотри, кого встретила на дороге, Газ! - радостно сообщила Ева, освобождаясь от злосчастного шлема.

Чумазый мужчина с бородой и криво выстриженным ирокезом широченно улыбнулся, распростер руки. Не успели обменяться приветствиями, как разродился паровозный гудок. Анна чуть не оглохла, заметив негодующие взгляды и секунду спустя, каторжане отреагировали неистовым криком радости, а из-за стены, за которой простиралась основная площадь стадиона доносился восторженный гул, будто случилась долгожданная победа.

Все преобразились в лицах: столько радости одновременно Анне видеть не доводилось. Покончив с криками, присутствующие вернулись к работе с удвоенной силой.

Ева поспешила к массивным дверям стадиона, но Газ живо усмирил ее пыл:

- Ата-та-та, а ну-ка, ну-ка! - водитель щелкал пальцами, указывая на машину. - Ничего не забыла?

Девушка тяжело выдохнула, закатила глаза и упорхала к машине. Хрупкая на вид, а оказалась на деле довольно сильна: не заводя двигателя, оттолкала автомобиль дальше от ворот, к гаражным боксам, из которых доносились сумбуры из тяжелых голосов, брань, вой, искры электропилы и вспышки сварочного аппарата.

- Молодец, - по возвращению похвалил Газ и глянул на время. - Три часа, а сколько освоила?

- Соточку по Вене, и еще с полсотни по ответвленной дороге, но там, ужс, тяжеловато идет, много токсин...

- Эй, ты мне это брось! - предостерегающе перебил Газ. - В одиночку с Вены съезжать не вздумай больше. С собой не рискуй. Еще раз и накажу, неделю за штурвал не пушу.

Ева потупила взгляд, тыкая асфальт мыском башмака.

- Так машина цела...

- Да к йухам машину! В наебабий срам! Железка же, случись чего, выпрямим, а тебя? Тебя выпрямить и починить не выйдет, понимаешь, девонька?

Ева кивнула, расцвела, осознав, что избежала наказания.

- Вот и славненько, себя береги.

Газ приглашающе распротер руки, обменялся крепкими рукопожатиями с Цоем и Лисом, а как поступить с Анной понял не сразу; приветливо помахал рукой в результате.

- Ну? Пойдем, посмотрим, кого нам жизнь подарила?

- О-о! - довольно протянул Лис, предвкушающе потирая ладони. - Неужто дитя родилось?

- Родилось! - охотно подтвердил Газ, разделяя ожидания Лиса. - Вперед!

Пятиметровую часть двери тяжело приоткрыли, высокие рамы, стекол в которых почти не осталось, впускали достаточно дневного света. Внутри целые склады из того, что удалось натащить из Каторги.

Вглядываться и разобрать все Анна не успела; они стремительно двигались к внутренней площадке, и когда двери в другом конце зала распахнулись, - перед глазами предстал стадион, совсем не такой, каким его представляла: трибуны застроены домишками под самую крышу, почти как фавелы Бразилии, где Анне довелось побывать помощником эпидемиолога. Там и встретила будущего супруга; работал на частную организацию, обеспечивающую безопасность медицинского персонала.

Между домишками, похожими на рассаду грибов, натянуто множество веревок, на которых сушилось то, что каторжане называли одеждой. Среди веревок проглядывали и продолговатые люминесцентные лампы, и обыкновенные лампочки, выкрашенные в разные цвета, какие обычно встречались на ярмарках или в местах пристанища цирковых трупп. Постройки прихватили и беговые дорожки стадиона, преобразовалось и поле; траву давно втоптали в землю, не оставив и следа. В самом центре поля небольшое возвышение, - пьедестал для оратора.

- Ночь будет длинной, - искушенно проговорил Лис.

- Будет! - радостно подхватила Ева. - Праздник же!

- Э-э-э, не, - Лис как бы отстраняясь, выставил ладонь, - это для вас праздник, а для меня повод. Аля здесь?

На лицо Евы опустилась умиляющая улыбка, прячущая легкую насмешку.

- Не, в Каторгу вчера ушла, да и не празднует она больше.

- Нет? - удивился Лис. - Это еще с чего?

- Говорит с того, что с тобой просыпалась.

- Это все Пит нездоровый, льет без продыху, - оправдывался Лис.

- А то как же! - звонко ответила Ева и умотала прочь, - До потом! - донесся голосок откуда-то из толпы, когда девчушка затерялась в ней.

Подошли к постройке, чьи покосившиеся стены выкрашены в ярко-красный и украшены рисунками детишек, хотя, вспомнив каракули Цоя, Анна решила, что рисунки могли принадлежать кому-нибудь постарше. В дальнем конце, у стены, в несколько рядов стояли алюминиевые бочонки. Газ подошел к ящичкам, обзавелся четырьмя жестяными кружками и, отвернув краник одного из бочонков, нацедил поила.

- А платить ми не будем? - осведомилась Анна, с опаской принимая кружку. Цой и Лис переглянулись, стараясь сохранить серьезные выражения лиц, а Газ застыл от удивления, будто кувалдой по голове отхватил.

- Она не отсюда, - Лис прервал спор Газы и кратко рассказал о месте, откуда прибыла гостя. Выслушав историю, Газ, присвистнув, чуть не выпустил кружку из рук. Посмотрел на небо, на Анну, опять на небо и потряс головой, словно пытался утрясти мысли.

- Я за тобой и Зилой, - черствый голос искателя вмиг образумил водителя и лицо Газы моментально преобразилось, глаза загорелись, - авантюрист и любитель приключений, поняла Анна.

- Куда ехать?

- К Пепелищу, - мерным голосом ответил Цой и весь запал Газы, как ветром сдуло. - Через Крюк, - добавил искатель. Лицо водителя вытянулось; явно не рассчитывал услышать подобного. - Я пойду к Дагу, узнать, не окажутся ли каторжники помочь моей просьбе.

Газ потрепал проволочную бороду, - думал-думал и, наконец, ответил:

- И ты ко мне обратился, не к Тазу?

Искатель молча кивнул, но Газу этого оказалось недостаточно.

- Значится, мне довериться готов.

Вновь кивок.

- А кому еще? - вступился Лис. - Как ты баранку никто крутить не умеет.

- Штурвал! - поправил водитель. - И верно, никто не умеет. Особенно Газ со своим безопасным путем, на морде намалеванном.

- Да какой там к йухам безопасный путь, - отмахнувшись, усмехнулся Лис, - он просто на пьянке первый уснул, так оно и вышло. Разукрасили.

Газ засиял.

- Я тебе и без Дага скажу: на Зиле через Крюк не пойду. Тягач, Цой, сам понимаешь, как для Домов важен, а пятый мы только наполовину собрали. Но... Жука видали? - озадаченные выражения лиц требовали разъяснений, и Газ продолжил, пожав плечами: - Вы чего, в самом деле. Жук? - гримасы негодования не изменились. - Ева ж вас на нем привезла.

И их лица вытянулись в беззвучное «А-а-а».

- К Дагу я все равно загляну.

- Загляни, загляни, - отсутствующе протараторил Газ, глядя проходившую мимо черноволосую девицу так, будто решившись на что-то, на что не мог отважиться длительное время. - Это нелегкая поездка, Цой?

Искатель кивнул.

- Я понял, - резко ответил Газ, и, решившись, отправился к девушке, уже заметившей его нервный и полный решимости взгляд.

Внимание привлекло чихание за спиной. Анна повернулась на звук, увидела мальчика, который, не совладав с защитным рефлексом организма, выпустил наружу немало соплей. Мальчик чихнул еще, и мать, чьи темные волосы, были закручены в алюминиевые и консервные банки, точно в бигуди, тихо смеясь, помогла ребенку привести лицо в порядок. Анна достала цилиндр и, повернув поверхности в разные стороны, заставила показаться щеточку. Провела ей под носом мальчишки, цилиндр пискнул, и на глянцевой поверхности высветились буквы «ALRGN».

Наблюдавшие пришли в восторг.

А Анна продолжила, взяв другой цилиндр.

Противопоказаний препарат не содержал, потому решила: хуже точно не сделает. Приблизилась к мальчику. Тот чихнул еще раз. Мать перевела вопросительный взгляд на Лису за спиной Анны. Он кивнул с широкой улыбкой, как бы намекая, что девушке можно доверять. Анна приложила цилиндр к предплечью мальчика, и секунду спустя он поежился - комариный укус и от чиха не осталось и следа. Мать засияла. Анна вложила цилиндр в руки мальчонка, простыми движениями объяснив принцип работы устройства.

Мальчик все понял, но глядел на подарок с некоторым замешательством.

- Бери, он твой, - сказала Анна.

- Что нужно сказать? - поинтересовалась мать.

- Нет, спасибо, - сказал мальчик и протянул цилиндр обратно.

Легкий конфуз отразился невнятной улыбкой на губах Анны.

- Бери, бери, малец, - вмешался сдерживающий смех Лис. - О, глядите, - радостно объявил он, когда мать и ребенок покинули их. - Даг!

Анна проследила за взглядом Лиса и увидела мужчину средних лет, одетого в темную мешковатую рясу с забавными вышивками. Прихрамывая, но уверенными шагами с явно важным объявлением направлялся к пьедесталу. Копна темных волос забрана назад и заплетена толстыми дредами, завязанными хомутом в толстый хвост. Борода так же заплетена, но во множество косичек, длинных и не очень. Красная бандана с сердечками служила повязкой на глаз, потерянный еще в детстве: играл с птенцом иглаптицы, который и выклевал его одним резким движением. Даг получил первый урок Каторги, будучи юнцом; так и появилась главная цель жизни, - обучать, давая шанс остальным избежать ошибок. А знакомство с Цоем и Монструмом стало для домового настоящим открытием.

Когда мужчина поднялся на помост, воцарилась тишина; каждый каторжник замер, множество людей показались из окон, ожидая речи. Даг поднял руки к небу, просторные рукава рясы упали на плечи; руки по локоть в кривицы.

Он заговорил громким, полным радости голосом:

- Мужчина! Родился мужчина!

И тут все как с ума посходили: крик восторга, доходивший до безумия, эхом разнесся по стадиону и устремился ввысь через открытую и дырявую крышу.

- Бросайте все, начинайте приготовления! - скомандовал Даг. - Ночь будет долгой и полной веселья!

Спрыгнув с пьедестала, растворился в толпе, зашевелившейся под радостные возгласы. Поспешно закончив дела, люди принялись подтаскивать к полю столы, подкатывать бочки.

- Готовятся праздновать, - наблюдая за действием, объяснил Лис.

- А если бы родилась девочка? - спросила Анна. Лис насупил брови, - не понял вопроса, она уточнила: - Родовались бы так же?

- Разумеется, Милаха, может и больше. Любая жизнь важна и осознание того, что некоторые из нас, окруженные Каторгой, любят так сильно, что не боятся вывести на свет дитя, чудо. Разве нет?

- Наверное, - неуверенно ответила Анна.

- В твоё время было иначе?

- Ты точно хочешь знать ответ?

- Что-то подсказывает, он будет из разряда грусть-печаль-и-безысходность, но да, давай, мочи.

- Ми, рожая детей, думали впервые очередь о себе, о своей старости. Боялись, что некому будет... подать стакан. Никому ми не будем нужны, понимаешь? Старики бесполезны для общества, внесли свой вклад и перестали быть нужными, порой, даже детям, которых вырастили.

Лис усмехнулся.

- Конечно иначе, у нас стариков - раз-два и нету. Одного вот я сам на тот свет переправил, - в голосе скользнула вина.

- Ты не виноват.

- В Каторге мало умирают своей смертью.

- А Непроизносимому повезло, он смог, - подбадривающе ответила Анна. И осознав, что ее мнение не является единственно-верным, и не может отражать всей правды, оговорилась: - Но и у нас, Лис, били люди, пари, рожавшие детей от искренней, чистой любви, - счастливая улыбка растянулась на лице и угасла, когда поняла: ее семья когда-то была именно такой.

- Ха-ха! - высокий голос Дага прозвучал совсем близко. - Цой, Лис! А это? - осторожно взял Анну за локоток.

- Анна, - ответил Цой.

- Ан-н-на, - вдумчиво протянул Даг и отвесил небольшой поклон, не отпуская руки. - Стало быть, Аня, - произнес так, словно размышлял вслух. - Думаю, приживется.

- Можем поговорить? - начал искатель.

- С глазу на глаз?

- Ему свой выколоть или как? - не сдержался лис, указав на Цоя.

Косички на впалых щеках Дага разъехались в стороны от улыбки.

- Лис, Лис, - мелодично ответил домовой, - никудышный шут, но прекрасный поджигатель, за что и прощаем шутки.

Ответ Дага Лиса ничуть не смутил, напротив, он добился своего: вызвал улыбку на лице Анны; прекрасные ямочки, понравившиеся ему так сильно. Забавно, отметил про себя, и на поясище похожие. Сказка.

- Успеем до праздника? - поразмыслив, предложил Даг.

Цой кивнул.

- Малец родился? - искренне радуясь, поинтересовался Лис.

- Мужик! Здоровый, как бес! Пять килограмм!

- Кто смельчаки?

- Лея и Хан, - с теплом ответил Даг, а затем взглядом обратился к Цою, рукой указав к одному из домиков: - Пройдем?

Искатель и Даг удалились, Анна заметила неважную, но крайне старательную вышивку на спине рясы, от плеч до самого пола: феникс, горящий огнем, поднимавшийся из пепла. Лис сказал, дело рук детишек; великолепное мастерство для тех, кто едва достиг пяти лет.

- Давай, - весело окликнул Лис, - поможем подготовиться к свистопляскам.

Пока опускалось солнце и восходила луна, людей внизу собралось - не протолкнуться и хмельных лиц все больше. Славно потрудились: столы с кушаньем окольцевали толпу, на мангалах, сооруженных из ополовиненных железных бочек, жарилось мясо, которое Анна не решится отведать. Стук генераторов погряз в гуле возбужденных возгласов. Гирлянды разноцветных ламп зажглись огоньками и по периметру крыши стадиона вспыхнули прожекторы, чьи столбы света падали, освещая поле.

Наблюдала за происходящим с высоты третьего этажа, сидя на подоконнике домика, учтиво предоставленным домовым. Да, намного радушнее, чем прием Каземат. Анна не переставала удивляться, - никто ни за что не платит, у каторжников отсутствовало понятие денег, и деньги в принципе, существовали лишь ценности и долг друг перед другом. Все работали во имя единого блага, во имя единой цели - выжить.

Заметила, как медленно, словно нехотя, спускался лифт из комментаторской рубки, что возвышалась над стадионом. Доскрипев донизу, двери лифта открылись, и перед собравшимися каторжниками предстал Даг, держа в руках заботливо закутанного в ткани младенца; дите не испугалось, услышав вопли восторга, выкрикиваемые толпой в честь его появления. Люди рассыпались перед Дагом, позволив добраться до пьедестала.

- Догма! - возбужденный гул поутих, и воцарилась абсолютная тишина, где главенствовал один только сильный голос домового, тенору которого могли бы позавидовать все оперные певцы разом. - Сегодня мы празднуем Жизнь! Его жизнь, - вознес младенца над головой, - и этой ночью мы выберем ему имя! И выберем его так, что вся Каторга узнает: Мы ж-ы-ы-ы-вы-ы-ы! - не жалея связок, закричал домовый.

В небо поднимались неудержимые крики, визг и вопли, в которых перемешались взбудораженность, сила, желание и нескончаемая отрада. Каторжники будто вошли в единый транс, глухо и размеренно оттопывая знакомый Анне мотив, но название ускользало из мыслей и соскальзывало с языка каждый раз, когда она почти вспоминала его.

Домовой развернулся, обращая к народу чадо на вытянутых руках. Толпа выдала разобщенные звуки, невпопад выкрикивая буквы. Он развернулся в другую сторону и оказавшиеся за его спиной замолчали; в хоре возбужденных голосов отчетливо слышалось то ли протяжное «Я-я», то ли «А-а». Даг пристукнул босой ногой и, вытянув руки сильнее, поднял младенца выше, требуя единого решения. Одной буквы.

«Я», - протяжный гул пугающим эхом отскакивал от стен бесчисленных домишек и воспарял, уносясь через крышу.

- Я, - подхватил Даг, и голос его покрыл нарастающий гул собравшихся каторжников. Повернулся в другую сторону и голоса сплелись в нечто среднее между «Эн» и «Эм», а мгновение спустя звук «Эн» стал преобладать и, наконец, восторжествовал.

- Ян! - гордо объявил домовый, удерживая ребенка.

«Ян! Ян! Ян!», - буйно подхватили каторжники, словно выкрикивая воинский клич.

- Несите Пузо! - бодро крикнул Даг. Ликуя, толпа сгущалась у входа, откуда когда-то под приветствия болельщиков выбегали игроки. Ор обезумел, когда на массивных носилках десять мужиков вынесли то, что прозвали Пузом. Несуразное, неуклюжее и неправильной формы создание, похожее на огромный кусок теста, восседало на носилках, прогнувшись под его весом. Пузо страшно походило на адскую карикатуру недалекого ребенка, страдающего сильным ожирением, но круглая голова, кривой рот и блестящие глаза создания искрились

беззаботной, младенческой радостью и... тупостью. Кажется, его даже забавляло происходящее. Носилки поместили у самого пьедестала, и несшие его мужики выстроились перед массивной тушей, зияющей дырами - огромными порами.

Даг дал отмашку, и те принялись лупить в огромный живот создания.

Пузо получал удовольствие, когда необъятное чрево поглощало их кулаки. Они вбивали в него ручища, получая звуки в ответ, но самый громкий получился, когда один из каторжан, разбежавшись, впелся в живот; его мигом отфутболило обратно, в толпу, поймавшую его в руки, точно рок-звезду и встретившую радостным ором. Пузо ликовало; удары, сродни щекотки, заставляли поры высвобождать звуки, похожие на духовые органа. Каторжане подхватили; визг, свист, улюлюканье, - над Догмой воцарилась вакханальная какофония. Мужики продолжали топить кулаки в туше Пуза, мастерски манипулируя октавами и закручивая мелодию. Будто сам Дьявол сподобился покинуть Ад, дабы сыграть в честь появления младенца.

Чудовищное зрелище, но отчего-то забавное.

Домовой согнулся и пустил кричащего во все горло младенца в руки собравшихся. Вознесли его на ладонях, передавая из рук в руки, точно крохотный плот по волнам бесконечного моря. Никогда еще овации не рождали подобных вибраций. Каждый старался коснуться чуда, пытаясь передать ему частичку собственной силы и, быть может, почерпнуть чуточку счастья, даже касаясь того, кто передавал корзинку с новорожденным в другой конец поля, где на небольшом возвышении ожидали своего первенца плачущие от счастья родители. И когда он достиг их, - необузданный вопль пронесся над гомонящей толпой и орган заиграл сильнее, застучали барабаны, и толпа в едином порыве стала отплясывать нечто совершенно дикое и похотливое.

Крупный мужик обеими руками схватил огромный молот и вдарил по семьсот литровому баррику; пробка от удара вылетела с сильным хлопком, угодив одному из стоящих неподалеку прямо в лоб, породила дикий ор и хохот. Он придет в себя только утром, пропустив все веселье, а алая жидкость тем временем хлынула наружу, кто-то подставлял ведра, кто-то тазы, особо умелые - разинутые в искреннем счастье рты.

Сотни тел сплелись в едином порыве, от некоторых движений по спине Анны пробегала приятная дрожь, от других улыбка прокралась к лицу. Не рассчитывала, но заметила в гуще танцующих людей Лиса; от его танца и комичных, несуразных движений уголки губ на лице Анны, расползлись еще шире.

«Ян! Ян! Ян», - скандировали танцующие каторжники. Качавшиеся руки, поднятые к ночному небу, напомнили стебельки пшеницы, погоняемой порывами то усиливающегося, то стихающего ветра.

- Раньше пользовались Книгой Имен, - холодный голос искателя донесся за спиной, заставив Анну невольно вздрогнуть. - В ней говорилось, как назвать ребенка правильным именем, в зависимости от дня, месяца. Не уверен в ее правильном толковании, многих страниц не доставало, какие-то с трудом читались.

- Где книга сейчас?

- Сгорела вместе с Баградом. Стоял там, где сейчас...

- Пепелище, - закончила фразу искателя и продолжила, получив кивок одобрения: - Ты от Дага? Он согласился помочь?

Цой кивнул. Стал неспешно раздеваться. - Я в благодарность место назвал, где упрятал сумку из Надежды. Не против?

- Нет-нет, - едва не запнувшись, ответила Анна. - Нисколько. Оружие совсем не моё, Тесой.

Посмотрел с неясным смущением во взгляде. Подошел, достал из набедренной кобуры Анны пистолет Василия и вложил в ее руки. Выпрямил их со словами:

- Держи так, чтобы стрелять без промедления. Направляй пистолет туда, куда смотришь сама. Всегда, без исключений. Куда бы ни посмотрели глаза, за ними неотступно следует кончик на конце ствола.

Впервые искатель сказал столько за раз.

- Это называется мушка, Тесой. Я поняла, спасибо.

Молча вернулся к кровати, уложив вещи у изголовья. Усевшись на скрипучую койку, принялся разматывать бинты бесей кожи. Когда закончил, не выпуская прочную кожу из рук, подошел к Анне. Увидела один единственный шрам на теле - удаленный аппендикс. Удивилась, но виду не подала.

Протянул бинты, объяснив: утром придется обмотаться, - защита на землях Пепелища лишней не будет. Приняла пожелтевшую, почти коричневую кожу с трудом скрыв брезгливый взгляд, ускользнувший от искателя; читать лица, эмоции и выражения он не мастак.

- Иди, если хочешь, - кивнул вниз на веселящихся людей, - там весело.

- Ты пойдешь, Тесой?

- Нет.

- И мне не хочется.

Переубеждать не стал. Молча улегся на кровать, сложив руки на груди. Лежал минут пять, громко дышал носом.

- Анна, - наконец решил обратиться искатель, - Покажи еще.

- Фотографии? - быстро сообразила девушка.

- Да.

Стянула ролл с покосившейся тумбочки у кровати, включила нужные снимки и подошла к кровати Цоя. Села рядом.

- Дай руку.

Искатель, не понимая, протянул кисть. Девушка обхватила большой палец и приложила к поверхности ролла. Через секунду что-то щелкнуло.

- Теперь можешь включать его сам, - объяснила, как. - Знаешь, - проговорила с легкой улыбкой,

- в моё время это считалось знаком полного доверия. Искатель отвел взгляд и буркнул под нос что-то, похожее на благодарность. Минут десять рассматривал каждую фотографию Анны, её прежней жизни, пристально изучал каждую мелочь, каждую деталь, попавшую в объектив. Так и уснул.

Анна вернулась к себе, пыталась уснуть, не раздеваясь, но очень скоро поняла, - не выдержит в одежде всю ночь изнурительной духоты. Разделась, застелила одеждой койку и с трудом заснула под восторженный рев, крики и торжественную мелодию органа, не прекращавшуюся до самого утра.

ГЛАВА 17

На следующее утро, к удивлению Анны, на Пепелище никто не отправился.

Решила, проснулась рано, но Цоя в комнате уже не оказалось. Ролл лежал на тумбочке, - не удивилась, что не слышала, как он вернул его. Дотронулась до его койки - холодна, - ушел давно. Собралась и вышла наружу, покинув уютенькую комнатку.

Утро преобразило Догму; высокие стены и погрызенная временем крыша стадиона закрывали первые проблески зари. Большинство отплясывающих прошлой ночью дикие танцы безжизненными телами лежали на земле; мужчины и женщины, одни в обнимку, другие друг на друге, - ночь и вправду оказалась слишком долгой, но кому-то все же удалось добраться до кровати и заснуть, как подобает человеку.

Вышла к месту, куда прибыли вчера на Жуке. Обрадовалась тому, что запомнила дорогу. Заметила Газа. Самый опытный водитель Каторги терпеливо объяснял чумазому мальчугану в великоватой одежде, что ключ на десять должен быть вдвое меньше того, что принес он. Мальчик утвердительно кивнул и переполненный новыми знаниями, помчался за ключом нужного размера.

- И баки долой, - скомандовал Газ, - снимайте, на Крюке травить нечего. Бочок с чернью воткните, и три канистры Лисовой смеси.

Чувствуется, дело знает. Двое юрких мужичков принялись исполнять поручение: звеня ключами, отвинтили одну бочку, затем другую, на которых детишки накаляли злющую морду листа, перечеркнутую красным крестом. Подоспели еще двое, укатили бочки прочь в один из боксов. Жук был точь-в-точь пациент операционной, а окружившие автомеханики - опытные хирурги, колдовавшие над ним.

Показалась Ева, сжимая в охапке две железные трубки, сантиметров тридцать длиной; на них закреплены с десятков зеркал, круглых, квадратных, прямоугольных, словом разных, но все как одно, - пожелтели и изношены у краев.

Газ поблагодарил девушку, и пока она несла зеркала к Жуку, другой паренек притащил сварочный аппарат и на раз-два приварил трубы с зеркалами к стойкам. Обзор получился прекрасным с обеих сторон.

Сам Газ ловко вмонтировался в подкатной лежак и нырнул под машину, постучал по рессорам. Стук удовлетворил его. Выбрался и продолжил корпеть над двигателем, тщательно что-то проверяя, подкручивая, ощупывая и пробуя на вкус. Подключились еще несколько человек; шаманили над Жуком с такой скоростью и знанием дела, что Анна сбилась со счета, - каторжники то приходили, то уходили. Видела, как один юноша вставил в выемку и затянул две

двухметровые металлические трубы по обе стороны кузова, позже на них закрепили покрышки, вымоченные в неизвестном растворе. Испугалась, увидев ракету, только лишенную боеголовки. Ее закрепили под днище машины.

Подошла к Газу, хотела спросить про ракету, но не решилась, и в результате начала диалог, описав происходящее:

- Жизнь бьет ключом.

- Ага. Гаечным, - добавил Газ с улыбкой, восхвалявшей собственную находчивость.

Анна скривилась, разговор как-то не заладился, и поинтересовалась, может ли оказаться полезной. Сказал, если хочет помочь - пусть не мешает - достаточно одного ее присутствия.

- Ли-и-ис! - под визг звонкого голоса девчушка устремила к появившемуся в дверях Лису, в сухую проигравшему утру после вчерашней попойки.

- Они родственники? - поинтересовалась у Газа, пока тот вытирал руки еще более грязной тряпкой.

- Не, поджигатель вытащил Еву из пожара, который сам и устроил.

- Как это? - в замешательстве спросила Анна.

Газ рассказал, как двенадцать лет назад йухи погнали Пожарище и Лис предложил остановить пламя контролируемым поджогом леса с их стороны и получилось. А как подождли, услышали детский плач. Лис как с цепи сорвался, сломя голову бросился на выручку, а вернулся уже с ней, держал в руках. Каторжники небольшой коридор от огня удержали, так и выбрался. Ева тогда совсем маленькой была, мало что в памяти отложилось, оно, кажись, к лучшему, но лицо спасителя помнит. Позже выяснили, - глубже в лесу стоял небольшой лагерь бездомных, Пожарище погнало на дикарей чудищ, и те, застигнутые врасплох, погибли...

- А девочку вот спасти удалось, - заканчивал Газ, доставая из железной коробочки скрученный в трубочку высушенный лист, похожий на папироску и закурил. - И Лису досталось, руку обжег, - выдыхая клубы молочного дыма, произнес он. - Гера неделю выхаживала.

- Гера?

- Эт наша врачеватель, - тепло объяснил Газ.

- И операции делать умеет? - поинтересовалась Анна, вспомнив шрам на теле искателя.

- Тут уж не скажу, звиняй, не моего поля знания, - сильно затянувшись, ответил Газ, - но несколько раз людей от смерти спасала, бывало.

- А Лис молодец, - сказала Анна, наблюдая за тем, как Ева спасала его от мучительного сушняка, окатив водой из ведерка.

- А то! - с широкой улыбкой, ответил водитель. - И рука у него легкая, один дом как-то поджог, так весь городок и спалил.

Подробностей этой истории Анна решила не узнавать. Газ затушил недокуренную самокрутку об язык и, прожевывая, сорвался помогать мужичку, несшему в руках большущий пулемет,

который через какие-то тридцать минут закрепили на турельной установке Жука.

Прогудел горн, и трудящиеся постепенно удалились.

- Обедать пора, - объяснил Газ и приглашающим жестом указал на двери. Время пролетело быстро, Анна и заметить не успела насколько.

Отобедали под открытым небом, на том самом поле, что содрогалось прошлой ночью от веселого топота и танцев. Еду подавали из просторного проема окна одного из домиков. Лис любезно вручил Анне поднос с выемками. На мгновение она возрадовалась, но напрасно, из пяти отделений подноса, худощавый мужичок за прилавком заполнил лишь два: добрым куском пайка и жидкостью бледно-желтого цвета, то был суп из змеи, до названия которой Анна не успела добраться, изучая Монструм. Когда Ева и Газ получили по порции, Лис предложил Анне выбрать стол. Если в этом задании и существовала какая-то ответственность, то Анна не справилась, выбрав первый попавшийся, с удобными, как ей показалось, скамейками.

Звон железных приборов о медную посуду и низкий гул голосов навис в воздухе и с завидной регулярностью приправлялся резвым смехом.

Анна поглядывала на остальных, желая понять, как поступить с обедом. Помнила, как такими же пайками кормил Цой, но суп в крайнем левом отсеке - что-то новое и ей не хотелось рисковать. Помог Лис, сначала наиграно продемонстрировав обе руки, как бы доказывая их чистоту. Затем аккуратно взял высушенный паек и накрошил в змеиный суп.

- Приступай, как только кусочки размякнут, Милаха.

Поблагодарила и последовала совету. Не смогла убедить себя в приятности вкуса, но в сытости блюду не отказать.

Во время обеда к Анне подходили люди, зачастую нерешительно, но оказываясь на расстоянии разговора, любезно здоровались, желали благополучно добраться до места, и, зачем-то - исправного компаса. Спрашивали о вещичках Старого мира, о том вернутся ли они вместе с его людьми. Не удержались от расспросов и сидящие за столом Газ с Евой, Анна уважительно и терпеливо отвечала всем, благодарила, мысленно удивляясь сплоченности людей, их искренности. Люди стали человечнее, а мир по-прежнему жесток.

Работы над Жуком затянулись до самого вечера, и к моменту завершения машина преобразилась; от облегченного корпуса не осталось и следа, - усилили, наварив железные пластины, будто отправлялись в самое жерло войны.

Искатель так и не появился. Вернулся в домик ближе к ночи в несколько приподнятом настроении. Анна хотела поинтересоваться причиной, но не решилась; однако Цой неожиданно рассказал сам. Утром ходил в Каторгу, там встретил возвращавшегося Тига - искателя Догмы. Тиг приволок артефакт - некий диск бледно-желтого цвета, обнаруженный в вылазке, - золотая пластинка, - как поняла Анна, и теперь Даг вместе с Гидом пытался восстановить архаичный проигрыватель, дабы запустить на нем найденный диск. Роль Цоя во всем этом осталась загадкой.

Искатель заметил аккуратно уложенные бинты у кровати. Девушка виновато пожала плечами; не покидала Догмы и решила, пока обойтись.

- Тесой, - колеблясь, начала Анна, голос то и дело обрывался, движения стали

нерешительными, - я обманула, - искатель не отреагировал, - то есть, нет, я была не полностью честна. Протокол Пять-Сорок-Пять, помнишь? - и продолжила, не дожидаясь ответа: - Когда увидела тебя, тогда, в капсуле, я не знала тебя, я... - растирала пальцы, - ми и подумать не могли, что люди уцелеют.

- Что не так? - твердый голос Цоя на раз устаканил волнение, чувствуя, как она запинается в попытках объяснить.

- Протокол Пять-Сорок-Пять, - решившись, проговорила Анна, - подразумевает наличие враждебных форм жизни, представляющих потенциальную угрозу. Другими словами...

- Думала, я враг, - закончил искатель. Анна кивнула, и движение это в равной степени отдавало обреченностью и виной. - Из-за этого переживаешь? - еще кивок. - Ясно, - с каменным лицом продолжил Цой. - Не надо.

- Резервация Второго Эшелона, - продолжила Анна, - она для военных подразделений, Тесой, там собрани лучшие и вспомогательный персонал. А ещю мой бывший муж, и я би очень хотела, чтобы ти разбил ему лицо, - информация о муже, и о тайном желании не стала словами, так и осталась мыслями в голове.

Искатель молчал, размышляя над сказанным, Анне показалось - немного обрадовался. Так оно и было. Наконец-то, каторжникам будет, чем ответить Каторге.

- Ти не держишь зла? Не сердишься на меня?

- Нет, - спокойно ответил искатель и в словах не услышала лжи. Облегченно улыбнулась той самой улыбкой, от которой появлялись ямочки на щеках.

- Я покажу им, что ви, каторжники, не опасни, и без вас нам мир заново не отстроить. Понимать людей - моя работа.

- Хорошо, а теперь отдыхай. Уйдем на рассвете.

Утро пахло дождем, веяло приятной прохладой, ускользавшей от Анны из-за бинтов бесей кожи, в которые с утра помог облачиться искатель.

Каторжники во главе с домовым Дагом окружили Жука, отправляя его в путь. Газ встал у морды машины, вогнал рычаг, крутанул, и мотор заурчал. Кабину затрясло.

Водитель влез внутрь, не открывая двери. Ворота раскрыли по команде горна, и Газ направил машину к выезду.

Притормозил у Евы, ждавшей у ворот, достал из сумки, заклепками прибитой к двери бильярдный шар-восьмерку, венчавший рычаг переключения передач Зилы и кривой стартер, - символ власти над любимым и лучшим тягачом Каторги. Глаза девушки округлились от неожиданного подарка, и в сердцах поблагодарив наставника, потрясенно приняла нелепые, но крайне значимые вещицы.

- Ты точно решил? - вмешался Лис в сакральный момент. - Вернешься ведь еще до утра.

Водитель отмахнулся от Лиса и многозначительно посмотрел Еве прямо в глаза:

- И еще, - добавил Газ, почесав бороду, - каждый раз перед выездом, ты заводи, не рви сразу,

погодь, дай двиглу во вкус войти, разогреться и он не подведет.

Ева кивнула, прижав шар и рычаг к груди. Поблагодарила и, пожелав исправного компаса, долго наблюдала за удаляющейся машиной, пока та не стала точкой, растворившейся где-то на линии горизонта.

- Потерпи, - сказал Цой, заметив ерзанье Анны от бинтов. Грубая кожа беса наждачкой терлась о тело.

До конца Крюка неполные сутки. Анна оперлась на раму согнутыми локтями и глядела вперед, опустив подбородок на переплетенные руки, но быстро пожалела, - дорога далеко не идеал и челюсть стучала от бесконечных ям, трещин и выщерблин, заселивших покрытие, стучала, как при ознобе. Искатель стоял рядом, держась за ту же п-образную трубу, наблюдая за сгущающимися красками туч, плывущих над ними.

Радиоприемник, вмонтированный в металлическую панель, зашипел и запищал. Газ ловко покрутил ручку, но полностью избавиться от назойливых помех не удалось. Сквозь то нарастающий, то утихающий фон и шум пробивался голос Гида, радостно вещавший о проигрывателе и пластинке, найденной Тигом. Им удалось восстановить аппарат и сейчас они готовы проиграть запись. После призыва прислушаться, Гид умолк и на смену пришли еле разборчивые звуки. Колонки надрывались, пытаясь передать мелодию и низкий голос поющего человека. Слов почти не разобрать; что-то о горящих, не замерзающих глазах, людях-зомби, о чьем-то некрополе, монотонный ритм, пианино, сквозь шум донеслась фраза: «каждый из нас - это кладбище идей», а в завершении прозвучало что-то неразборчивое, вроде всех съедят вурдалаки, сидящие повыше, а после - помехи, режущие уши.

Голос Гида восторгался записью, Газ выключил приемник. С минуту ехали молча, Анна пыталась вспомнить исполнителя, но безуспешно; наверняка был знаменит, раз удостоился золотой пластинки. Каждый пытался разобраться в посыле песни, пока Лис не подвел черту:

- Да-а, Милаха, с музыкой у вас совсем беда.

- И у вас не особо, - вступилась Анна.

- А мы ни на что не претендуем, - отвертелся рыжеволосый, хитро улыбнувшись.

Газ хорош, ловко на скорости объезжал с трудом уловимые глазу впадины и выбоины. Совсем скоро вошел в поворот, свернув на Крюк, - обыкновенный затяжной съезд с трассы, тянущийся далеко вперед.

Чем дальше они продвигались, тем хуже становилась дорога и зеленых красок вокруг поубавилось. Сначала цвета поблекли, затем посерели и, наконец, приняли угольно-черный окрас.

- Пепелище, - обреченно произнес Лис. Анна вздохнула, когда вокруг раскинулись сотни и сотни километров выжженной земли. Воздух будто отяжелел, дышать сложнее. Искатель достал повязки из ранца - одну нацепил сам, другую предложил Анне. Отказалась. Достала из собственной сумки кислородную маску, приложила к лицу, поморщилась; отвыкла. Кислород внутри показался настолько приторным, что вынудил убрать маску и принять повязку Цоя.

Запах гари усиливался. Цвета мрачнели. Синее утреннее небо, провожавшее их из Догмы, теперь нависло тягучей серой массой.

Давило.

Анна, никогда не считавшая себя впечатлительной и человеком настроения, неожиданно для себя загрустила от тоски и липкого ощущения безысходности.

Газ мчался дальше.

Издали доносились раскаты грома. Тучи, целиком затянувшие небо над головами, разбухли и разродились хляби небесные. Серые капли настойчиво тарабанили по металлу Жука, уносящего пассажиров все глубже в мертвые земли Пепелища. Проблески вспышек мелькали за пузатыми тучами, пытаясь вспороть брюха облаков. Молния ударила в землю метрах в ста, - аж в глазах потемнело, - и разродился настолько ужасающий рев, что дыхание перехватило, а лица Цоя, Лиса и Газа перекосило так, будто из них всю душу вытрясли.

Рев повторился.

Еще более устрашающе.

В ушах заболело.

Газ щелкнул тумблером, и вспыхнули фитильки на палах, закрепленных по обе стороны кузова; огонек юрко пробежал до самого верха и воспламенил покрышки, чей густой дым клубился, не уступая дымовой трубе паровоза.

Цой велел Анне занять пассажирское место Лиса, а тому - турель пулемета. Сам передернул затвор Ататашки и поглядывал по сторонам.

Еще рев.

Треск.

Анна без устали смотрела во все стороны и увидела, падающие обожженные стволы деревьев по правую руку, как они, сталкиваясь с неразборчивым темным пятном, рассыпались в черную пыль; что-то грохотало в дали, прокладывая себе дорогу через выжженный лес. Даже в машине чувствовались толчки от тяжелого движения чудища.

- Держись! - закричал Лис, когда огромная тварь, не уступающая грузовику размером, мощными плечами развалила искалеченные огнем деревья. выскочила на дорогу.

Анна не удержала крика, - заорала от страха, увидев чудище, именуемое бесом.

Огромные трехпалые лапы оканчивались крючкообразными когтями, широченная пасть полна черных от сажи зубищ, от морды со слипшейся шерстью тянулись вдоль позвоночника три ряда изогнутых когтистых окаменелостей, похожих на дьявольские рога. От опаленных ключев шерсти валил дым, - молния ударила в беса, не удивительно с такими-то рогами-громоотводами во всю спину. Адская гончая во плоти.

Вырвавшись из леса, едва не сцапал Цоя, и, не устояв на лапах, кубарем слетел с дороги.

Взревел, то ли от боли, то ли в ярости.

Выпрыгнул обратно на дорогу, шаркая когтями, устремился за Жуком. Звеня пулеметной лентой, Лис зарядил оружие и открыл огонь; уши Анны заложило. Свист пуль исчезал в надвигающейся туше беса вместе с булькающими звуками. Шматы мяса отлетали от чудовища,

но оно и не думало останавливаться. Издавало дикий ор и продолжало приближаться.

Газ, краем глаза заметив, что пули бесу нипочем, щелкнул тумблером и крикнул Цою приготовиться. Нажал кнопку, заставив бочки в кузове открыться и выплеснуть черную жижу на дорогу. Искатель немедля поджог запал и швырнул в жидкость. Вспыхнуло пламя, охватившее беса; он ревел, обезумев от обжигающей боли, но гнаться не перестал; охвативший огонь не укротил боевой порыв, но не оставил от шерсти и следа, спалил ее окончательно, оголив обожженную кожу, под которой проступали напряженные мускулы.

Ослепленный яростью бес, взревев, бросился в атаку. Мотал рогатой башкой у самого кузова машины, еще чуть-чуть и поднимет на рога мощным ударом.

Лис и Цой обменялись быстрыми взглядами.

- Доберитесь до Резервации, - резко приказал Цой, голос приглушен из-за маски, - доведи ее.

Вынул клинки и поджог, обмочив в жидкости. Темный металл раскалился докрасна. Лис кивнул, отпустил пулемет и, похлопав Газа по плечу, дал знак приготовить ракету. Водитель щелкнул еще одним тумблером и, схватившись за рычаг переключения передач, держал большой палец над кнопкой, вокруг которой красовалась потертая надпись «GO-BABY-GO».

Анна не совсем понимала, что должно произойти. Не расслышала и слов искателя. Удивилась, когда он снял с себя рюкзак и бросил его в кузов. Развернулся к несущемуся позади бесу, проверил Ататашку, дернув за ремень.

- Рогалище проклятое, - выдавил Цой, опуская руку в нагрудный кармашек. Втянул пыльцу носом и, сжимая горящих Лялю-Олю, прыгнул прямо на несущегося зверя.

Вонзил мечи в плоть.

Бес взревел, но не остановился.

Ухватился за рог, перекинул ремень автомата через голову и, прицелившись, открыл огонь. Череда раздавшихся хлопков наглядно рассказала о происхождении названия «Ататашка».

Бес взревел еще.

Цой выронил автомат, выпрямился, ловко балансируя на спине огромной твари, и, вытащив из плоти беса Лялю-Олю, с криком вгонял лезвия в шею зверя еще и еще. Боль замедлила тварь, но не убила.

Как раз тогда Газ опустил палец на кнопку и Жук, засвистев шинами, резко дернулся вперед, выпустив из-под днища языки пламени, оставив позади Цоя и беса.

ГЛАВА 18

Выполнив обещание, данное Цою, Газ буквально доставил Лиса и Анну к концу Крюка. Дорога обрывалась, то ли была не достроена, то ли обвалилась, - теперь не узнать.

Ни Лис, ни Газ не проронили ни слова, молчала и Анна, пытаясь прогнать точившее ее гнусное ощущение, завязанное на жертве искателя.

Газ попрощался и вернулся к Догме, - машину оставить не мог, слишком ценна для Домов, не

мог и отправиться на ней дальше. Дороги больше нет, только бескрайние угольно-черные просторы. Лис прав, Пепелище - Великое Ничто.

Молча сидели на краю дороги, свесив ноги. Два метра вниз и земля, устланная пеплом. Отовсюду тянулось пустое пространство. Сидели, вглядываясь в черно-серый волнистый серпантин; будто очутились в ином мире. Не было больше зеленых деревьев вокруг, над головой в синем небе не плавали белоснежные облака. Только сгоревшие деревья, изогнутые, причудливые карикатуры самих себя, да бледно-желтая пелена наверху, сменившая унылыми тонами небо. Вдалеке очертания города; черные, будто углем на сером пергаменте выписанные. Баград, сожженный, но не забытый Дом.

- Я обещал довести тебя, Милаха и доведу, - Лис поднялся.

Оперившись на руку, встала следом.

- Он погиб? - голос дрожал. - Тесой умер?

Лис долго не отвечал, посматривал с болью в глазах, а потом пробормотал несвязно:

- Как-то Цой убил беса, - пытался вселить в Анну надежду, - как именно, не говорит, но убил. Может, Каторга позволит победить еще раз. Пора идти. Скоро стемнеет.

Раскрыв рюкзак искателя, Лис достал полиэтиленовые рулоны. Плотно обмотал ноги Анны и затянул поверх бечевку из бесых жил, затем проделал то же со своими. Полученные беруши и наушники убрала в сумку, они, по его словам, понадобятся ночью.

Спустились с дороги и, сверившись с картой ролла, двинулись к Резервации. Шли не спеша, пепел легонько вздымался под тяжестью шагов.

Анна, не смирившаяся со смертью искателя, указывала ему дорогу: доставала из сумки белые медицинские жгуты, и затягивала их на корягах деревьев, чьи ветви выламывались в причудливые формы и, казалось, тянулись, переисполненные желанием впиться в плоть. Если будет нужно, он найдет нас и без них, подумал Лис, но не озвучил мыслей, решив не убивать в Анне остатки надежды.

Темнело быстро.

Ночь сползла с темно-синего неба, укрыв черное полотно земли. Их приютило поваленное дерево, выгоревшее изнутри. Ощутила себя мышью в водосточной трубе. Темно - глаз выколи. Спросила, можно ли зажечь огонь. Оказалось, нельзя; крикуны, шныряющие на Пепелище - глухие, но видят прекрасно и огонь, как приглашение отведать человечины. Рассказал, как с ними бороться: давить крикунам на глаза. Так можно защититься; их глаза лопаются, как яичная скорлупа и нащупать легко - с яблоко размером. Или гоном облить, и они, впитав алкоголь, впадают в безумие и убивают сами себя, но главное, - наушники не снимать, оглушающий визг крикунов - опасная штука.

Лис обвязал Анну и себя страховочной веревкой и, закрепив на себе карабин, велел достать беруши, наушники и использовать по назначению. Давящая тишина не отпускала до самого утра. Ночью прошел дождь. Сырость, сажа и смерть Цоя навалились тошнотворной горечью, отбившей все желание двигаться дальше, пусть и до цели оставалось совсем немного.

Каждый новый день становился мрачнее предыдущего. Чем дальше шли, тем сильнее

сгущались угольно-черные краски. Но самым черным пятном оставался Обелиск, грозно возвышавшийся, казалось, над всей Каторгой, - видно отовсюду.

Вдалеке занавес гари, а за ним, то появлялась, то пропадала стена из дыма от леса, горящего далеко-далеко. Будто, серые облака, опустившись, соединились с землей.

Голые деревья стального цвета доживали дни, готовые рассыпаться в прах. Вода в лужах от прошедшего ночью дождя, точно чернила, а пузырьки на поверхности, сродни волдырям от ожогов. Плюх-плюх, - каждый шаг, как в жижу, - плюх-плюх, - хлопья пепла, как по волшебству появлялись из бледно-желтого неба и, лениво вальсируя над угольно-черным серпантинном, кружились, продолжая броуновский танец, никак не могли опуститься на землю.

- А чего с Земли улетели, Милаха? - спросил Лис, решив скрасить нависшую тишину. Анна рассказала, наблюдая за послушно разлетающимися частицами пепла от шарканья ботинок, замотанных в полиэтилен, не позволявший ногам промокнуть.

- Ты не представляешь Лис, - впервые назвала спутника по имени, от чего тому сделалось жуть, как приятно, - что творилось в первые дни. В словах слышались отголоски ужаса пережитого.

По словам Анны, после Инцидента, люди перестали выходить на работу и почему-то маленькие винтики какого-то большого, неизвестного Лису механизма, начали отваливаться один за другим.

Когда закончились землетрясения и правительства установили карантин, обезумевшие устремились к самим кораблям. Нашлись смельчаки, решившие проникнуть внутрь, но с ними творилось такое, о чем и подумать страшно. Ненормальная зона, понял Лис, и по сей день не пускала никого, со страшной силой уничтожая все, чему не посчастливиться оказаться внутри. Средства массовой информации в погоне за рейтингами и тиражами, разнесли новости о ней быстрее чумы. Но настоящим бумом стало видео популярного лайвьюера; огромная тварь, вылетевшая из Обелиска, убила парня во время прямой трансляции, выпустив рой перьев, копиями пронзивших тело бедняги. Теперь Анна знала, - так убивают иглаптицы. После того, как видео распространилось по сети, правительству больше не приходилось сдерживать людей, а когда из-за стен стали вырываться первые чудовища, начался хаос, распространение которого удержать не удалось.

Военная техника не справлялась с тем, что выползло из Обелиска, люди гибли, в криках и крови. Положение усугубил и северокорейский политический деятель, исполнивший давнюю мечту предшественника: пустил в ход ядерное оружие. Ракета не достигла цели, взорвавшись где-то над Желтым морем - почему, неясно.

Упавшие инопланетные корабли породили панику, истерию и окончательно погрузили общество в пучину безумия. Но ученые мира, сохранившие веру в Человечество, под покровительством влиятельных организаций и государственных структур, неустанно продолжали работу.

В течение года проект NOPE позволил разместить ценных людей в Резервациях. Ученых всевозможных наук, врачей, военных, - на их плечи легла ответственность обеспечения, а также людей, выбранных компьютером по определенным критериям, специальным отбором через гексабайты вычислений с полной совместимостью, чьей непосредственной задачей станет восстановление популяции, иными словами - размножение.

Тут Лис особенно ободрился, сказав, что в случае чего - готов принять непосредственное участие.

Экипаж Анны состоял из двадцати человек, в команду вошли капитан корабля - Калинин Василий, штурман по прозвищу Зед, с ними Анна провела больше времени. Был и врач, и психолог, - сама Анна. Повар, механик, физик, геолог, лингвист, специалисты по гидропонике, - еще немного и от названий у Лиса бы разболелась голова, - и группа сопровождения - специально отобранные бойцы спецподразделений, которые должны были помочь основному составу собрать первую информацию и доставить их к Резервации.

Если бы не улетели с Земли в космос, где до них не добраться, воцарившийся хаос непременно распространился бы и до лаборатории, утопив в анархии все достижения.

Сверху, высоко за облаками, доносились приглушенные расстоянием крики перелетных птиц. Наверху - ничего кроме пышных облаков, птицы давно не спускались к выжженной земле, не сидели на обугленных, усохших ветках деревьев. Лис помнил оставленное Пожарищем - все тонуло в клубах дыма. Сказал, он приходит с неба, вместе с молниями; Анна быстро сообразила, что Пожарищем каторжники прозвали опустошающие все на своем пути лесные пожары. Теперь, без технологий человека справиться с ними задача весьма непростая, но им частично удалось.

К следующей ночи облака отступили, и лунный свет с трудом пробивал мрак, кое-где бездонная, бескрайняя пустота расступалась перед скупым холодным светом.

Лис разбудил ее среди ночи, приставив указательный палец ко рту, призывая сохранять молчание. Поманил за собой.

Тихонько, пригнувшись, добрались до небольшого холмика. В полной тишине сердцебиение отчетливо стучало в ушах, а дыхание казалось шумом ветра. Чуть выглянув, Анна заметила несколько больших ящериц, - в темноте не удалось разглядеть достаточно хорошо, но пресмыкающиеся напомнили комодских варанов.

Лис снял наушники и вынул беруши, Анна следом освободилась от своих, и уши заложило отдаленным ревом, страшными протяжными визгами, будто сотни женщин и мужчин в предсмертной агонии, вопили, заживо сгорая в адском пламени. Благо звуки доносились откуда-то издалека. Вблизи этого плача и ора не вынести.

- Огнедыхи, - назвал Лис, кивнув на лениво ползавших ящериц, - у них брачные игры в самом разгаре. - Указывал Анне, куда следует обратить внимание и со знанием дела пояснял происходящее. Наблюдала за одним из самцов, вальяжно обхаживающего самку. У самцов шипы на шее, плавно переходящие в спину и оканчивающиеся на хвосте, самки же имели шипы только в области хвоста. Остановившись напротив, огнедых встал на задние лапы, уперся и хвостом, мешки на шее вздулись и, запрокинув морду и разинув пасть, ящер, высвободил быстро испарившуюся струю огня, осветив местность вокруг, кишашую сородичами. Огонь вспыхнул сильнее, но, как оказалось, не достаточно для самки. Ящеры устроили целое огненное представление, до глубины души поразившее Анну, но самка оставалась неприступной. Тогда показался другой самец, немного меньше предыдущего. Выписав круг почета у самки, остановился почти в том же месте, вытянул шею и надул мешки, - не успел раскрыть челюсти, как огонь рванул, разорвав огнедыха изнутри.

Шматы мяса полетели в разные стороны, а за ними органы, которые не удалось опознать, но сородичей огнедыха, такая смерть, кажется, только порадовала, потому как продолжили извергать огонь активнее.

- Жаль, - с сожалением проговорил Лис, цокнув языком, - этот был моим фаворитом.

Наблюдали, как ящеры зарываются в землю. Девушка спросила, зачем. Оказалось, только там, под землей, можно спастись от йухов, до описания которых она не успела добраться.

Вернувшись к месту ночлега, Лис предложил подкрепиться, но у Анны после увиденного кусок в горло не лез. Лис не сразу сообразил, о каком куске речь, но настоял, и Анна отужинала.

Едва развиднелось, отправились дальше. Лис вернулся на место, где минувшей ночью, пытаясь впечатлить самку и продолжить род, трагически погиб огнедых. Засучил рукава, на руке красовался ожог - плата за спасенную жизнь. Вытянул нож и принялся свежевать раскученную шкуру огнедыха. Анна тем временем сверялась с картой ролла - до Резервации оставалось немного.

- Что за штукуевина? - поинтересовался Лис об устройстве в руках девушки.

- Ролл, - подкинула устройство в руке. - В нем собрана все необходимые данные, - продемонстрировала спутнику несколько возможностей гаджета, в том числе и приложение, в котором на многочисленных ветвях искусно изображенного дерева расположилась вся родословная Анны.

- А это что?

- Генеалогическое дерево моего рода, - с гордостью пояснила девушка и немного грустно добавила: - Когда-нибудь, и я окажусь там.

- Ну нет, перестань, - поморщившись от неприятной мысли, ответил Лис. - Ты не можешь стать деревом, Милаха, бревна из тебя не выйдет. Анна посмеялась, на этот раз даже забавно хрюкнув. Лис еле заметно улыбнулся в ответ, свернул плотную кожу в рулоны и уложил в подсумок.

Отправились дальше. Мясо решили не брать, - готовить некогда, пайки и удобнее, и полезнее.

Куда не глянь - частокол мертвых деревьев, и завывающий ветер сдувавший сажу, гонял по земле обугленные ветки и перья пепла. Солнце спряталось; его совсем не видно за серо-желтыми облаками.

Лис предупредительно выставил руку. Что-то заметил.

- Уши заткни, - скомандовал он и, немедля, последовал собственному совету.

Анна послушно вставила беруши и нацепила наушники, прижав их ладонями.

Замерла.

Лис не сводил глаз с волнистой земли, укрытой пеплом. Заметил движение, - слой пепла взбучился; что-то приближалось, вспахивая усыпанную пеплом землю изнутри. Лис достал бутылку гона. Решил напиться перед смертью что ли? Но едва из пепла показались два пучка глаз, как Лис плеснул между ними пойлом из бутылки.

Пепел разлетелся в стороны, подобно миниатюрному взрыву, из которого выскочило продолговатое тело крикуна, взбаламутив серо-черную пыль. Крикун извивался и подпрыгивал точно змея, отплясывающая предсмертный танец на раскаленной сковороде. Показались еще двое, Лис расправился с ними, а когда вынырнул третий, гона в бутылке осталось на доньшке. Пасть крикуна раскрылась в оглушающем вопле, мелькнули несчетные ряды шиповидных

зубов, закрученных спиралью. Ужасные звуки еле слышны благодаря вещицам Старого мира. Лис и Анна должны были упасть от всепоглощающего звона в ушах, но этого не случилось, и червеобразная тварь в отчаянии решила напасть. Лис брызнул остатками гона, которого оказалась недостаточно для пьяной лихорадки, когда тело крикуна реагирует, сжимаясь, и собственными зубами нарезает себя на ремни.

Крикун бросился на Лиса, и лопнув в воздухе, разлетелся на куски, как воздушный шар, наполненный черной водой. Анна держала пистолет в вытянутых руках и не переставала стрелять. Первого попадания оказалось достаточно, - пуля, - прекрасно умерщвляет все, имеющее тягу к жизни, но Анна машинально давила на спусковой крючок еще и еще. Когда пистолет закончил выпускать пули и выплевывать блестящие гильзы, последовала череда щелчков, - магазин пуст.

Открыла глаза.

Рядом с обезображенным телом крикуна обреченно стоял Лис. Лицо искорежено гримасой непонимания и шока, которая вот-вот поддастся страху. Он убрал отлепил руку от живота; ладонь в крови. Чувствовал майку, прилипавшую к телу; алое пятно расплзлось по ткани.

Упал на колени, завалился на бок. Анна, выронив пистолет, подскочила и, согнув колени, нависла над Лисом. Закатала майку, под стоны осмотрела рану, - щупальца крови, расплзаясь по животу, стекала к земле, окрашивая багровым серую почву. Пуля не задела органов, но раскрывшись, подобно цветку, осталась внутри. Каждое движение порождало острую боль. Горло пробил хрип, он крепко сжал предплечья Анны и не отпускал, ухватился как за последнюю ниточку, удерживающую его в мире живых.

- Не бойся, - собравшись, твердо сказала Анна, утерев подступающие слезы, - Ты теряешь много крови, скоро тело начнет неметь, но я не дам тебе умереть. Ты не умрешь.

Полезла в сумку, вытащив хромированный цилиндр, вогнала его в рану и надавила; ее быстро заполнили раздувшиеся целлюлозные губки, похожие на беленьких червячков. Следом бесцеремонно вколола в живот стимулятор и гримаса боли на лице Лиса тут же расплылась. - Ты уснешь ненадолго, - сказала Анна, обхватив его лицо, - уснешь с единственной мыслью: проснешься. Проснешься, ты согласишься?

Лис слышал, но ответить не мог, стимулятор подействовал.

Анна вернулась за пистолетом, перезарядила обойму, - осталась одна. Вернулась к Лису и уложила его голову себе на колени. Одной рукой сжимала пистолет, другой приобняла раненого за плечи, ожидая пробуждения.

Смеркалось. Ветер протяжно выл, заставляя содрогаться и оборачиваться в страхе от каждого дуновения. Как проведет ночь, если Лис не очнется, не представляла. Он размеренно дышал, должен был очнуться с минуту на минуту, но почему-то не приходил в себя. Анна несколько раз вытирала его лоб, покрывшийся испаринами. Лекарство действовало.

- Выживет? - за спиной прозвучал обеспокоенный и знакомый голос -единственный луч света в Царстве тьмы. Обернулась, увидела Цоя; весь вымазан в грязи, саже и запекшейся крови. Одежда изорвана, Оля преданно висела за спиной, а вот Ляля - почему-то за поясом, ее ножны пропали в бою с бесом.

Поднялась и, поддавшись эмоциям, обняла, крепко прижавшись. Нерешительно ответил взаимностью. Не выдержала, сама не поняла, как расплакалась, когда он вернул каждый жгут,

привязанный ей к деревьям.

- Вживет, - говорила, уткнувшись в грудь искателя, - но пуля внутри. Смогу витащить его, если доберемся до Резервации.

- Когда доберемся, - поправил искатель, - когда доберемся.

- Пойдиом ночью? - в страхе спросила Анна.

- Да, - ответил Цой и с гордостью показал флягу, до краев наполненную мочой побежденного беса. Отвинтил крышку; от резкого запаха Анна потеряла сознание.

Когда пришла в себя, сквозь полуопущенные веки углядела огонек размытого костра. Искатель накидал веток и валежника, пламя усилилось и приятно согрело.

Угли пульсировали ярко-красным на ветру, а искры воспаряли, исчезая в непроглядной ночной пучине. Цой вернулся к раненому и продолжил мастерить носилки, пустив в ход крепкие ветки, свою накидку, полиэтилен и бечевку, снятые с ног Лиса.

Уложил его на носилки, тот кряхтел и бормотал что-то нечленораздельное, стараясь выглядеть мужественным и сильным, пытался шутить, но язык заплетался; при каждом движении руки машинально тянулись к ране.

Девушка посмотрела на часы, лежала без сознания неполные десять минут. Засекла время: через два часа вколет Лису очередную дозу стимулятора. Поднялась с земли, подошла ближе, услышав жуткий смрад мочи. Глаза слезились, не выдержала, надела кислородную маску из сумки, уж лучше приторный воздух, чем пропитанный вонью.

Шли всю ночь. Анна извела на Лиса все запасы воды, чтобы компенсировать кровопотерю. Тучи расплзлись, и луна кое-как освещала путь.

Цой уверенно волок носилки и Лиса за собой, оставляя в пепле ровную колею. Терпение в нем сильнее самурайского меча за спиной. Анна шла рядом, связанная веревкой на случай опасности, хотя моча отпугивала крикунов и огнедыхов. А бесы, которые могли оказаться поблизости, учуяв запах побитого сородича, направились поедать останки.

Предраасветная тишина гудела в ушах. К утру, по мере приближения, из пепла, как замок из песка вырос выжженный город, на другом конце которого вход в Резервацию. Гибнущие закоулки, будто вычерченные острым карандашом и вымазанные промасленной кистью, обступили со всех сторон.

Ролл пискнул: проложил кратчайший маршрут. Когда-то под ногами лежала дорога, давно исчезнувшая с лица земли, а карты, ясное дело, обновить было некому. Искатель знал путь короче, срезали через здание, стены которого грозили обвалиться, к счастью, ничего не случилось. Несколько раз через проемы окон видела километры выжженной земли - жуткий вид в никуда, а внутри все серое, под стать пеплу.

Лис охал и ахал. Получив дозу стимулятора, нес несвязную ерунду, почему-то вызывавшую улыбку.

К обеду добрались до нужного здания; все изранено сколами, царапинами, выщербленами, из-под облупленных стен лез наружу голый кирпич, усиленный железными балками, что сквозили

ржавчиной, а кое-где торчали, точно копы, пронзившие плоть.

Вошли.

Пепел осыпался с двери точно песок с иссохшей мумии. Внутри еще хуже: штукатурка осыпалась, из черных, опаленных стен торчали оплавленные корявые путы гнилой проводки.

Спустились в подвальные помещения.

Носилки тяжело шли в узких коридорах. Тогда Лис встал, поначалу ему не позволили, но он настоял и шел, прихрамывая, прижав руку к животу. Обнаружили нужную дверь, не открывалась, пока Цой силой не выбил.

Длинный коридор оканчивался давно изжившим себя лифтом. Спустились ниже по лестницам. Осторожно, опасаясь обвала.

Еще коридор, вдвое длиннее предыдущего и в конце - герметичная запорная конструкция, массивная дверь из цельного металлического профиля и в самом центре - штурвал ручного действия, а рядом кодовый замок.

Искатель с нетерпением ждал момента, когда Анна с помощью глаза откроет дверь. Он хотел узнать, как это работает, но пришлось подождать, то была не та дверь.

Включив ролл, Анна прокручивала экран и, обнаружив нужную комбинацию, вставила ролл в еле заметный паз и ввела на кодовом замке, - ничего. Осмотрели дверь. Никаких мыслей и идей. Ввела код еще несколько раз, - опять неудача.

Дверь непрístupна и мертва.

Цой с силой приложился ногой. Что-то внутри стукнуло. Подошел к штурвалу и с усилием прокрутив, открыл дверь, оказавшуюся намного толще, чем он предполагал. Почти полметра.

За дверью встретили холодные, серые стены. Канаты проводки тянулись по правой стороне, но лампы за мутными плафонами ожидаемо не работали.

Двинулись дальше и совсем скоро остановились у еще одной двери, на вид гораздо прочнее предыдущей, Искатель заметно нервничал, - вот он, Старый мир, спокойно спит за дверью, открой ее, и достигнешь заветной цели.

Анна поместила ролл в очередной паз, приложила руку на небольшую выступающую панель. Короткий звук. Приблизилась к двери, вытянула голову и прислонила лицо к миниатюрному глазку.

Еще звук, после которого все затрещало и ожило.

Дверь, постукивая и зашипев, медленно открылась, а вместе с ней открылась и возможность возродить Человечество.

- Ми добрались, Тесой! - едва не заплакав, проговорила Анна. - Добрались!..

ГЛАВА 19

Первым делом повела искателя и Лиса не к залу управления Резервацией, из которого

запускался протокол операции НОРЕ, а в медблок. И хотя стены бункера не сильно отличались от тех, что искатель встречал на поверхности, - монотонно серые, - не мог не отметить чистоты помещения; настолько аккуратных, вылизанных до скрипучего блеска полов, стекол, предметов интерьера он не встречал.

Анна подкатила медицинскую кровать; колесики не скрипели, стальной блеск новизны вызвал искренний восторг.

Уложили Лиса на койку, покатали вслед за Анной по узкому коридору. Операционная встретила стерильной чистотой, но неизменными серыми тонами. Имелась и капсула, способная проводить хирургические процедуры и операции любой сложности, только медик, имевший необходимый уровень доступа для ее использования погиб еще в воздухе. Анна с ужасом понимала: все придется делать самой; ручками. Наспех вспоминала все то, чему обучилась во время курса интенсивной мед-подготовки. Не церемонясь, хирургическими ножницами разрежала куртку раненого, затем, осторожно, окровавленную майку.

- А-а! Холодно! - вздрогнув, прокомментировал Лис, когда металл кровати коснулся кожи.

- Потерпи, - успокаивающе приложила ладонь к его груди.

От количества предметов, их белизны, разбегались глаза. И ни следа пыли, ни пятнышка грязи. Анна объяснила, когда спускались в лифте: Резервация целиком герметична и изолирована, но с их появлением, появится и пыль, и все то, что человек неустанно несет вслед за собой.

Искатель осторожно коснулся металлического контейнера, за стеклянной дверцей которого покоились выставленные в несколько рядов хромированные цилиндрики; поверхность гладкая, идеально ровная, ни малейших неровностей, а стекло такое чистое, что, казалось, отсутствовало вовсе.

Открыв контейнер, Анна ловко перебирала блестящие цилиндры, изучая маркировку. Выбрав несколько, вернулась к лежащему Лису. Подготовилась, тщательно вымыв руки кристально чистой жидкостью, надела маску, очки, приготовила небольшой столик, на котором аккуратно разложила стальные предметы, безупречной чистотой вызвавшие у искателя странное чувство тревоги.

Поднесла к животу лампу, от света которой кожа Лиса отдавала мертвецки белым оттенком. Повернула грани цилиндрика, показалась игла. Обколола живот вокруг пулевого отверстия, затем, вычистив, обработала кожу у раны. Стянула щипцы со стола, и с внушительной уверенностью принялась извлекать из раневого канала разбухшие губки; каждая новая - краснее и тучнее предыдущей. Отложив щипцы и покончив с удалением разбухших от крови червячков, осушила рану. Кивнула Цюю, приказав держать Лиса, - боли быть не должно, но Анна не профессиональный хирург и будет лучше подстраховаться. Искатель опустил крепкие руки на плечи Лиса, держал его мертвой хваткой. Анна погрузила в отверстие палец, пытаясь нащупать твердое тело пули, попутно дренируя кровотокающую рану губками, - кровь текла совсем не сильно, - органы и сосуды не задеты. Когда удалось обнаружить пулю, повернулась к столу, позвонив железками на медном подносе, сменила инструмент на пинцет со специальными зубчиками. Приблизившись к ранению, и разведя ее края в стороны острыми крючками, опустила пинцет. Делала все с пугающим хладнокровием. Отверстие - дыра с рваными краями, а внутри кровавый фарш, Анне с трудом удалось выудить из этого месива кусочек металла, размером с ноготь. Лис даже не дернулся, когда извлекла пулю, похожую на алый, распустившийся цветок. Бросила ее в железную ванночку, и кровь с пули причудливым

узором расплзлась в жидкости. Следом вытащила из раневого канала кусочки одежды, которые затолкала туда пуля. Промыла рану, обработала неизвестной жидкостью, и в довершении уплотнила прозрачным гелем, быстро принявшим алый оттенок.

- Две новости, Тесой, - поджав губы, объявила Анна. - Хорошая и плохая. С какой начать?

Искатель удивился такому вопросу; услышал впервые и смог лишь пожать плечами.

- Хорошая, - продолжила девушка и указала на Лиса, - он будет жить. Плохая - будет жить недолго.

Лис ужасно побелел, услышав сказанное, но увидев удовлетворенную его испугом улыбку на лице спасительницы - расслабился; месть за случай с жаропаром. Хотел поддержать и рассмеяться, да боль в животе не позволила.

- Шрам останется, - подытожила работу Анна.

- Это не первый, Милаха, - подняв голову и осмотрев живот, вяло прокомментировал одурманенный Лис.

- Главное, чтобы последний, - закончил Цой, похлопав по плечу раненого товарища, от чего тот скривился лицом.

- Отдыхай, - сказала Анна, введя препарат, от которого и Лис моментально погрузился в сон.

Оставив Лиса, по лабиринтам из тонн железобетона, направились в зал управления. Шарообразное помещение с высоким сводом белоснежного потолка, а пол посверкивал черной глазурью. Круглый монолитный стол, будто высечен из цельного куска белого мрамора, стоял в самом центре, диаметром в два метра и с натертой до блеска темной столешницей. Под самым потолком кольцо из стекла во весь рост, позволявшее наблюдать за происходящим в зале. Искатель разглядывал все с восторгом в глазах и не мог насмотреться.

Второй ярус позволял добраться до жилых блоков, медотсека, где крепко спал Лис, столовой, комнат отдыха, технических помещений, отделения криокамер, словом, зал управления, сродни центру паутины, дававшей доступ ко всем необходимым блокам. У стен лесенкой расположены ровные ряды столов, выставленные полукругом, и на одном из них Цой заметил снежный шар изумительного качества - совсем новый, чистый, таких еще не находил. Стоял один одинешенек, будто одного его, искателя, все время ждал. Манил урвать своей чистотой. Цой подошел, еле сдерживал себя: хотел забрать и при встрече отдать Аде, но не мог, шар ведь чей-то. Не хорошо начинать знакомство с воровства; и почему-то засомневался, а считалась ли Резервация территорией Каторги и действовали ли здесь ее правила. Все становилось запутаннее; остановился на том, что выменяет на пайки, найдя хозяина прекрасной вещицы, когда люди очнутся.

Анна приложила руку к поверхности стола и та, спустя какое-то время ответила огоньками; в самом центре появилось изображение неполного кругляшка, концы которого, вертясь, пытались соединиться в кольцо.

Когда это случилось, загорелась надпись «Shelter Тес» и стол приятно затрещал и заиграл холодными цветами и буквами, которых Цой разобрать не мог. Множество цифр побежало по экрану ровными столбиками. Следуя инструкциям из планшета, Анна произвела нужную последовательность действий и стали доноситься глухие, едва отличимые звуки,

свидетельствующие об одном - Резервация Второго Эшелона оживала.

Опустив подбородок на переплетенные пальцы, внимательно следила за датчиками, показателями и мелькающими цифрами.

- Вроде, все в порядке и идиот так, как задумано программой, - доложила она скорее себе, нежели стоявшему рядом искателю, на секунду подумавшему, что его обозвали.

Цой всматривался в экран стола; тот будто гипнотизировал искателя утонченным дизайном: аккуратненькими бледными линиями на темно-сером фоне, ровненькими буквами, четкими цифрами. Через какое-то время на экране, пульсируя мягко-зеленым, показалась округлая кнопка. Анна помедлила, будто не могла решиться нажать. Легкое касание и центральный компьютер запустит протоколы восстановления выведения группы Второго Эшелона из стадии анабиоза, а вместе с ними и ее мужа. Тяжело вдохнула, наслаждаясь последними мгновениями свободной от него жизни, и коснувшись мерцающего контура кнопки, запустила процесс. Омрачившееся лицо осталось непонятным искателю: он рассчитывал на радость, ведь она, как и обещала Василию, добралась, вернула полсотни людей к жизни и подарила возможность родиться и жить будущим поколениям.

- Что не так? - поинтересовался искатель.

Анна отсутствующе посмотрела на него, вопрос не сразу вырвал ее из мыслей о любимом когда-то человеке.

- Нет-нет, - отмахнувшись рукой, протараторила Анна, и указала на экран, на обведенные аккуратной белой линией человеческие силуэты, статусы их организма, - тут, есть и мой муж. Не хочу говорить об этом, Тесой, - помолчав, добавила Анна. Искатель понимающе кивнул, расспрашивать не хотел, не желая причинять боль воспоминаниями; в конце концов, своих у него нет, и нет смысла тревожить чужие.

Одернувшись и освободив себя от мыслей, предложила Цою отправиться в лабораторию. Судя по остающемуся времени, мелькавшему на экране, процесс восстановления жизнедеятельности займет еще сорок два часа и тридцать три минуты.

- Так долго? - спросил Цой.

Как оказалось, кровь людей в капсулах выкачана наполовину и заменена охлажденным физиологическим раствором, а оставшаяся кровь разбавлена инъекционным составом - фризраствором, не позволявшим низким температурам разрушать клетки и для удержания живого организма в охлажденном состоянии. Сутки понадобятся системе на выравнивание температур, откачивание жидкости и замены ее на кровь необходимой группы. После чего начнется вторая фаза, по времени занявшая оставшиеся сутки - микротоковая терапия, восстанавливавшая тонус мышц, и только после, сердцебиение будет восстановлено электрическим разрядом.

- Сложный процесс, - подытожила Анна, подходя к двери над, которой крупными буквами выписаны слова: «LABORATORY», «ROOMS», «T-STATION». Надписи были на обще-английском, теперь Цой знал название языка, который не мог разобрать. Анна обещала обучить его, поскольку преимущественно на английском говорят все участники операции HOPE, хотя вовлечены в проект народы разных национальностей. Ее команда учила русский, потому как старт кораблей-носителей капсул был возможен только с российских площадок, и пилот был русским; Василий - задорнее человека она не встречала. Искатель впервые услышал это слово - русский; неожиданным открытием стало наличие в мире и немцев, англичан, американцев,

остальных, чьи названия никак не укладывались в голове, считал их не нужными, ведь все они люди, каторжники, один вид - Человечество.

Войдя в лабораторию, прежде серый потолок вспыхивал блоками и заливал стерильное помещение слепяще белым светом. На вопрос о том, как все это работает и откуда берется энергия, - шума работающих генераторов искатель не слышал, - Анна сначала ответила что-то про морских черепах, а поняв, что ошиблась, поправила себя и сказала о парящих в потоках течения подводных змей. Реакция Цоя точь-в-точь Аннина, - непонимание и решив внести хоть какую-то ясность, достала ролл и показала Цою описание проекта. Букв он не разобрал, были на английском, но количество страниц, доходивших до числа тысяча девятьсот сорок три, намекнули, почему Анна не способна рассказать больше.

Лаборатория содержала столько неизвестного искателю оборудования и приборов, - он спросить не решался, опасаясь того, что объяснение может затянуться. Но окружающие предметы, их вид, радовали сильно, хотелось кричать, он, наконец, добрался до истоков Старого Мира.

Было в лаборатории пять рабочих мест, ни одно из которых не принадлежало Анне, ее деятельность - зондирование и вправление мозга, путем задавания правильных вопросов, и давая верные ответы, а для этого достаточно кресла и кушетки. Решив, что ученым пока не до работы, а оборудование простаивает, они могут воспользоваться им, и никто не узнает. Сказала: «Будет маленький секрет» и попросила не говорить Декстеру, - начальнику лаборатории, когда тот очнется. Искатель не любил секретов, знал, как трудно хранить их, скрывать от других.

Касанием оживив экран у стола Анна вызвала очередные наборы букв, и одарила Цоя улыбкой победительницы, а осознав недостижимость для него слов, нажала на миниатюрную шестеренку в углу экрана, сменив в настройках язык на знакомый искателю. Помогло не сильно, но удивило другое; искатель не подозревал, что кровь - жидкость можно отобразить словами, пусть непонятными, и цифрами. На экране в буквенном и цифровом эквиваленте отображалась кровь пациента «ноль-ноль-один», первый образец взятый с тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, как позже выяснилось - дата постройки бункера, который в две тысячи семидесятом был приобретен и восстановлен компанией Shelter Tec.

Единственным пациентом мог быть только Лис, предположил Цой и оказался прав. Анна оставила кровь на анализ еще в лаборатории, решив, что больше информации не помешает, если его состояние неожиданно ухудшится.

С каждой новой строкой, прочитанной Анной, лицо вытягивалось от удивления, а глаза округлялись в восторге; если верить данным, кровь Лиса «сильнее» чем у любого среднестатистического человека чуть ли не вдвое, более того, абсолютно здорова, не имела предрасположенности к заболеваниям. Гемоглобин в крови насыщен и обеспечивал прекрасную транспортировку кислорода, свертываемость крови также хороша, а состоянию лейкоцитов и иммунной системе позавидовал бы самый здоровый человек на планете. Обогащение организма витаминами вдвое превышало норму, и эта норма в свою очередь вполне обыкновенное явление для Лиса. Наверное, отчасти и поэтому перенес ранение и операцию относительно легко. Поняла, почему Цой нес ее так долго и совсем не уставал, она для него, как перышко на плече.

Вырвавшаяся от загрязнения человеком окружающая среда отплатила за чистоту сполна, а Каторга, пусть и жестоко, укрепляла тело и дух. Однако, это не единственные причины.

- Я би хотела взять и твою кровь, если можно, - предложила Анна.

Искатель опустил взгляд на руку, вымазанную в грязи, саже и запекшейся крови, и ответил:

- В другой раз.

- А твоя пыльца, Тесой, при тебе? - не сдавалась Анна.

В ответ получила кивок.

- А еио изучить?

Молча достал из кармашка шепотку красной пыли, последовал за Анной и высыпал в небольшую остекленную коробочку, рядом с громоздким прибором бледно-серого цвета. Нажав несколько кнопок, Анна запустила процесс.

- Ну, осталось ждать, - подытожила, глядя на искателя и вдруг поняла, в каком nepoтpeбe он и его изорванная одежда, посмотрела на себя, - ноги так и перевязаны полиэтиленом с бечевкой, одежда пропитана сажей, кое-где покрыта частичками пепла. Никак нельзя встречать в таком виде генерала Ван Каспера и остальных. Улыбнулась. Хорошо половое покрытие в лаборатории серое и никто не заметит, как они наследили. Во всяком случае, не сразу.

- Что-то не так? - спросил искатель, когда Анна вдруг вернулась к экрану за лабораторным столом.

- Удалю данные Лиса, - ответила она, ловко бегая пальчиками по экрану, - Люди внизу, они привыкли видеть врагов везде, и я не хочу, чтобы цифри, показывающие ваше физическое превосходство над нами сочли угрозой.

Закончив, предложила отправиться в жилые помещения, отмыться от грязи и сменить одежду, на долю которой выпало немало бед и испытаний.

Поначалу Цой планировал быстро ополоснуться, - незнакомые белые стены душевой без единого изъяна настораживали и пугали беспрецедентной чистотой, но, когда из хромированной душевой головки хлынула теплая вода, искатель вмиг раздумал. Анна объяснила, как регулировать воду; приложил ладонь к окружности напротив и держал, пока вода не стала горячей, было больно, горячо, но терпимо; не самое страшное, что довелось пережить. Суставы блаженствовали от горячей воды, омывающей тело. Очень быстро душевая наполнилась приятным душевым паром, и покидать кабинку совершенно не хотелось. Никак не мог поверить, что совсем скоро подобными благами будет обладать каждый каторжник. Позволил улыбке радости проплыть на лице.

В раздевалке встретила заготовленная Анной одежда. Такой чистой, прямой и ровной искатель еще не встречал. Остался след от выдранной металлической бирки на уровне левой груди. Одевшись, нашел Анну. Увидев Цоя невольно улыбнулась, одежда немного маловата, но это лучшее, что удалось найти. Была уверена, бывший муж будет не против, а отобрать вряд ли решится. Искатель оказался крупнее, но строгая одежда темных тонов сидела хорошо, а смотрелась еще лучше, правда криво постриженные волосы и лицо, обильно заросшее щетиной, немного подпортили лоску, оставив при искателе частичку дикости и звериной харизмы. Протянула искателю нарукавник с часами и компасом, который собственноручно снабдила выпрыскивающими капсулами со сжатым воздухом, пока Цой наслаждался дарами Цивилизации, и посоветовала по возможности заполнить их пылью и тогда использовать ее по назначению в экстренных ситуациях будет и быстрее проще. Искренне поблагодарив,

принял подарок и потом долго рассматривал, поместив оставшуюся пыльцу в капсулы нарукавника.

Показала искателю комнату в жилых помещениях, обшитую деревом для большего уюта, который подчеркивался теплым приглушенным светом, сочившегося с низкого потолка. Указала на ниши в стене, в каждой из которых горела небольшая лампочка, предложив выбрать альков, где заночует. Все места одинаковы, - Цой выбрал ближайшее и, уложив связку Ляли-Оли у кройки, с удовольствием растянулся на мягкой поверхности, не раздеваясь. В конце концов, заснул, едва свыкшись с неописуемым комфортом, порождавшем странные мысли, - уж слишком все хорошо, чтобы быть правдой. Может он давно умер, а это лишь иллюзия. Посмеялся про себя, - глупость какая.

- Спи, Тесой, - приятным, убаюкивающим голосом сказала Анна и отправилась проведать Лиса. Вернувшись, легла в той же комнате, хотя женский и мужской блок стояли напротив, решила, - делиться на мужчин и женщин нет никакой нужды.

Искатель сам не понял, как сон овладел им на целые сутки. Проснувшись, не обнаружил Анны. Что-то изменилось; исчезла акустика, присущая миру мертвых. Прогнал дремоту, и поднялся. Потянулся к Ляле, увидев женщину в сером комбинезоне; лежала в нише на другом конце комнаты. Лицо белобрысой головы спрятано в ладонях и между пальцев рук бежала тоненькая цепочка, венчавшаяся крестиком Василия. Постапывающая от потери любимого, девушка не замечала Цоя и он, решив оставить ее наедине с горем, направился к залу управления. Подходя ближе, у самых дверей услышал властный голос, звучавший громко и отчетливо, но совершенно неясно.

Двери открылись и люди, - насчитал человек двадцать, - заполнившие зал, при виде Цоя разом замерли, будто приведение увидели, хотя сами напоминали призраков не меньше; бледные какие-то, даже те, кожа которых имела смуглый и удивительно темный окрас. Но все как один, выглядели хорошо: гладенькие и чистенькие, прямо с обложек сошли, в опрятной форме: черной, серой, белой, - явно как-то отличались по принадлежности. Правда, художавы, это роднило их с каторжниками, подумал Цой, стараясь внимательно осмотреть каждого. Вот они, Люди Старого мира, совсем скоро подчинят себе Каторгу, принесут спокойствие на ее земли. Неужели, конец? Хотел, но не мог поверить.

Долгие годы Каторга отучала искателя от чудес, и ей удалось; не мог поверить, боялся, что, если поверит, расслабится, то совершит преступление и в наказание случится нечто плохое. Радостная улыбка неуверенно пыталась пробиться на лицо искателя. Нависло молчание, прервавшееся властным голосом:

- А вот и наш спаситель, - приближавшись к Цою, отчетливо, и одновременно странно коверкая слова, поговорил человек крепкого телосложения. Протянул руку, искатель принял ее. За твердым рукопожатием последовало знакомство:

- Меня зовут Ван Каспьер, - натужно улыбаясь узким ртом, похожим на порез бритвы, гордо назвался человек в строгой темной форме, и точно такое же имя выбито на металлической табличке на груди, рядом с большой, поблескивающей теплым светом звездой. - Генерал Ван Каспьер.

- Цой, - коротко назвался искатель.

- Иа отдать приказ и вы, Тсой, получите свою именную табличку, - решительно сказал генерал, заметив, как искатель рассматривал эмблему на груди. - Но сначала, - выпрямившись,

продолжил он, - позвольте от лица всего будущего Человечества поблагодарить вас, мы в неоплатном долгу перед вами. Просите, что угодно и мы попытаемся выполнить желание.

Цой, недолго думая, вытянул руку и пальцем указал на снежный шар, стоявший на том же месте, чем породил сдавленные смешки присутствующих; не понял, что над ним посмеялись, а вот грубое лицо генерала, подчеркивающее суровый нрав, не изменилось ни на секунду, прекрасный самоконтроль.

Видеть Старых людей вживую, знать, что они освободят каторжников - уже награда, а шар, шар нужен Аде.

- Капитан Максимилиан, - обратился генерал, не сводя серых глаз с искателя, и продолжил на непонятном искателю языке: - Принесите шар. Прямоугольное командирское лицо, казалось, выбили из камня исключительно для непрерывной раздачи приказов и выдачи заданий. Человек с непозволительно длинным именем Максимилиан, отправился за шаром через всю комнату зала управления и совсем скоро, неохотно кивнув, протянул его искателю. Рукав черной формы приоткрылся, и показалась татуировка красного змея - дракона, - Цой узнал ее, и ее обладателя, - мужа Анны.

- Где Анна? - спросил искатель, приняв шар из рук Максимилиана.

- Мадмуазель д'Арк? В медблоке, - сухо ответил генерал Ван Каспер, - наблюдает за вашим товариществом. Говорит, идет на поправку семимильными шагами, - искатель не понял, как это возможно. - Должна вернуться с минуты на минуту, - закончил генерал. Как раз тогда искатель и заметил Анну, появившуюся за окном, венчавшим зал управления. Только теперь, на окнах, так же, как и на экране, мелькали какие-то столбики цифр, буквы, ломанные и плавные линии. Увидев Цоя, девушка поспешила спуститься, а войдя, прошла мимо круглого стола, заметив на экране карту, почему-то отображавшую местность над Казематами и небольшой экран камеры наблюдения, показывающую комнату в которой поселился Цой. Выйдя из-за спины генерала, встала рядом с искателем, будто одним своим присутствием пыталась уберечь его от невидимой угрозы. Что-то тяжелое нависало в воздухе, когда Максимилиан и Анна сталкивались ненавистными взглядами, готовыми испепелить друг друга, но искатель не замечал подобных деталей; мог разглядеть затаившуюся в густых зарослях каанаконду, а на человеческие чувства, завязанные на ненависти и отвращении, глаз не наметан. Однако изменения в поведении Анны он уловил; она в присутствии капитана при каждом удобном случае старалась прикоснуться к нему, и в касаниях тех проскальзывало нечто, чего он никак не мог разобрать. Анна прекрасно видела и понимала, как касания эти тупым ножом ревности, вырезают гримасы гнева на хмуром лице Максимилиана.

- Как себя чувствует пациент? - вежливо, с искренней заботой в голосе генерал Ван Каспер осведомился о Лисе.

- Совсем скоро поправится, - ответила Анна, зачем-то стараясь придать интонации безразличия.

- Хорошо, хорошо, - повторил генерал, а затем перевел холодные глаза на искателя. - Вы говорите по анлиски?

Искатель отрицательно мотнул головой.

- Только русский, - ответила Анна на вопрос, заданный Цою.

- Чтош, - досадно пожав плечами, начал генерал, - Это только начало пути, - продолжил, взглядом обведя зал управления, - и благодарья вам, Тсой, он стартовал, пусть и с потерь, но они неизбежны.

Из-за странного произношения генерала, искатель не разобрал всех слов, но уловил общую суть: Ван Каспер по диагонали изучил Монструм, не все вычитанное там его удивило; он боролся с тварями еще до того, как был утвержден на роль командующего Второго Эшелона в программе НОРЕ. И сейчас, осознавая опасность, генерал готовился к мобилизации всех возможных групп, ближайшая из которых расположена под Центром Всемирной Организации Труда, но Цой знал место под другим названием - Казематы.

- Ваши навыки и знания, господин Тсой, - заканчивал генерал, - придутся весьма кстати, и, если можно, - он приобнял за плечо, будто они знакомы сотню лет, - мы бы хотели использовать их с вашего позволения.

- Если нужно, я помогу, - признался искатель и торжествующая улыбка, засияла на тусклом, гладковыбритом лице генерала.

- Прекрасно, сержант Ковальски!

- Генерал! - звонкий голос донесся из-за спины и человек в серой форме, сию минуту оказался в шаге от генерала.

- Сколько займет отсифровка? - Ван Каспер протянул солдату Монструм, полученный от Анны. Сержант Ковальски запнулся, но не от того, что высчитывал время, он не знал на каком языке отвечать и все-таки решился ответить на русском:

- Минут десять, генерал.

Цою вдруг сделалось не по себе; пять долгих лет он непосильным трудом, через мучительную боль, кровь и пот собирал все написанное в Монструме, а его вот-вот оцифруют за каких-то десять минут, но, если это поможет в борьбе с Каторгой, поможет освободить других людей, пусть так. Не жалко, для этого и создавался.

- Выполниай, - приказал генерал голосом, обязывающим к беспрекословному подчинению. - Каждому копию на ролл.

- Есть, генерал! - и сержант Ковальски, прихватив книжонку под мышку, помчался исполнять поручение.

- Декстер? Доктор Декстер? - вопрошал генерал, оглядывая круглую комнату.

- Да, Ван, - неофициально ответил скучный голос, принадлежавший худощавому молодому человеку с рыжей копной волос и черными роговыми очками в толстой оправе. Увидев доктора, генерал улыбнулся и приказал подготовить камеру, а всем остальным - собраться, объяснив действие необходимостью запечатлеть момент.

Двадцать человек выстроились в два ровных ряда. Впереди встали невысокого роста, позади - повыше. Цой несуразно встал рядом с генералом, по его просьбе. Пожимали руки. Искатель выше всех почти на голову, глаза бегали, не зная куда деваться и, наконец, нашли пристанище в добрых, зеленых глазах Анны. Улыбнулась, кивнув головой на установленную камеру, как бы указывая, куда нужно смотреть. Цой повернулся. Яркая вспышка - и все мигом вернулись к делам. Через несколько секунд Декстер поднес планшет с включенной фотографией. Искатель

впервые увидел свою улыбку, - сам не понял, как получилась. Стоит в кадре и улыбается. Понял, как глубоко заблуждался, был не прав, думая о счастливой жизни Старых людей. Сейчас кто-нибудь мучается в Каторге, умирает, кто-то горбится, выращивая грин, безустанно думая, как прожить следующий день, а он стоит и улыбается. В тот самый миг искатель впервые стал противен сам себе.

- Мадмуазель д'Арк, - с приторной лаской начал генерал, на английском, протягивая планшет, - список людей, их поведение... беспокоит. Осмотрите, побеседуйте, рапортуйте. Иа должен знать, сколько людей боеспособны и готовы принять этот мир. Анна поморщилась, начала пристально изучать список из семи имен, пролистывать их личные дела и, договорившись с Цоем к вечеру встретиться у Лиса, удалилась исполнять поручение. - Капитан Максимилиан, - продолжил генерал на ломаном русском, обратившись к бывшему супругу Анны, стоявшему по стойке смирно, точно нерушимая статуя. Приказы он раздавал, как братья Иван и Илья друг другу тумачи. - Сопроводите нашего спасителя в допро... переговорную, обговорите население Центра, жду с докладом через десяти минут, - и ненавязчивым коротким движением чиркнул большим пальцем у горла. Искатель не понял жеста, но очень скоро узнает и запомнит его навсегда.

Капитан кивнул, указав Цою в сторону выхода. Не скрывал неприязни, выказывая ее небрежными движениями, косыми взглядами, полными неоправданного презрения, интонацией, а искателю все нипочем, не важно, - он слишком прост для всего этого.

Вышли в узкий коридор, освещаемый прямоугольными лампами. Поднялись на этаж выше, позади - стекло с видом в зал управления и Люди Старого мира внутри, усиленно готовятся вернуть миру былое величие.

Капитан Максимилиан остановился у двери, пропустив вперед себя искателя.

Зашел.

Странная комната, серая вся, безжизненная какая-то. Вспышка, уши заложило оглушающим хлопком. Грудь прострелило дикой болью. Ком в горле встал, дыхание перехватило. Посмотрел на грудь: дыра и алое пятно расплзлось по форме. Успел только с силой сжать снежный шар в руке, и всепоглощающий мрак затянул глаза, когда Цой ничком рухнул на холодный пол.

ГЛАВА 20

Анна почти пять минут сидела в кабинете, специально отведенном для оздоровительных бесед с членами проекта. Отложила разбор личного дела доктора Декстера, руководителя лаборатории, и раз за разом пересматривала запись с камер видеонаблюдения блока анабиоза.

Отправилась туда, пока Цой крепко спал. Стояла, окутанная мраком, а под ногами толстым слоем стелился густой туман.

До хруста суставов, сжимала в руках пожарный топор.

Мерила нервными шагами трап между камерами, освещаемый едва заметными полосами ламп и решив, что готова, остановилась напротив камеры Максимилиана; холодный бирюзовый свет, слепя глаза, падал на лицо. Нашупала нужные канаты проводов, но обрубить их так и не решилась. Поморщилась, сдерживая слезы, от озлобленности на саму себя, даже замахнуться не смогла; сил не доставало. Не физических, - моральных. Не могла переступить черту, после которой возненавидит себя так же, как и Максимилиана.

Ничего, тешила себя, ты свое получишь, за все ответишь. Не я, так Каторга тебя заберет.

Удалила файл. Очистила и резервные копии, ожидавшие отправки на ролл Ван Каспера. Нельзя допустить огласки; аккаунт Анны, после запуска протоколов Резервации имел наивысший уровень допуска; генерал, занятый непрерывной раздачей приказов и указаний, не успел вернуть контроль над системой, активировав учетную запись командующего.

Пока была возможность, решила просмотреть записи происходящего в зале управления, после того как передала генералу Монструм искателя и отправилась проведать Лиса. Пролистав несколько файлов, нашла нужный и, выбрав искомый тайминг, начала просмотр.

Генерал в окружении личного состава бравых вояк нервно ходил вокруг стола, листая Монструм, мрачней от страницы к странице. Показался Максимилиан, доложив о том, что абориген спит без задних ног.

С момента знакомства Максимилиана с генералом тот во всем старался походить на него. Постепенно даже выглядеть стал схоже, правильные черты лица огрубели, голос понизился. Ван Каспер, выслушав доклад, протянул красную книжонку капитану, и тот, приняв ее, моментально изменился в лице.

- Кто бы мог подумать, - генерал говорил на общем-английском, - люди пережили Инцидент, и мало того, что выжили, еще и заняли здание Центра, под которым стоит Резервация ударной группы.

- Какие будут указания?

- А какие могут быть? Сам слышал, по заключению мадмуазель д'Арк, люди сплотились. Считаешь, они позволят нам с оружием в руках войти в их дом и вызволить людей? Нет, - голос генерала обратился леденящим безразличием, - их трупы станут фундаментом, на котором мы заново выстроим наш мир.

- А что делать с тем? - спросил Максимилиан, подразумевая Цоя. - Запереть?

Генерал отрицательно покачал головой и вынес приговор:

- Решетка его не удержит, а вот гроб в сотне метров под землей - вполне.

- Неужели предыдущий опыт ничему не научил, генерал? - не скрывая презрения, обратился доктор Декстер. Подчиненные генерала оторвались от дел и наблюдали за происходящим. - Хотите начать жизнь с объявления войны тем, кто может помочь? Их знания, навыки...

- Согласно протоколу Пять-Сорок-Пять, - Максимилиан бесцеремонно вмешался в разговор, перебив Декстера, - в случае потенциальной угрозы доминирующему виду, полный контроль над операцией возлагается на генерала Ван Каспера...

- Мы больше не доминирующий вид, а пресмыкающийся, - перебил Декстер, позабыв о всякой субординации.

Анна обреченно обхватила руками голову; едва успели высвободиться из почти тысячелетней спячки, и тут же принялись спорить. Протоколы, сноски, поправки, подпункты, - голова идет кругом.

- А если вы не правы, доктор? - рассудительно, но неизменно холодно продолжил генерал. - И те, от кого вы ждете помощи, окажутся врагами. Готовы взять на себя ответственность за окончательное вымирание нашего вида?

Тяжелая пауза, точно железный купол, накрыла зал управления.

- Нет, - ответил доктор Декстер, - но и участвовать в этом не желаю.

Шесть присутствующих поддержали доктора. Анна посмотрела на лица, затем на дела, выданные Ван Каспером. Именно они значились в списке, полученном от генерала.

Запись на видео подошла к появлению искателя, - все видела, присутствовала там, перемотала вперед до момента, когда удалилась в кабинет и вздрогнула, увидев, как капитан уводит искателя, как генерал жестом приказал расправиться с ним. Лихорадочно переключала камеры. Увидела Максимилиана, ведущего искателя по коридору, заметила, как достает пистолет. Переключилась на камеру комнаты допроса, слезы навернулись на глаза, когда Максимилиан застрелил искателя в спину.

Вскочила, пулей выскочив из комнаты, но было поздно.

Бежала, спотыкаясь, чуть ли не падая лицом вниз; ноги от волнения непослушно заплетались. Пробежала до конца коридора, от выступивших слез с трудом разбирала дорогу. Остановилась, ударившись о смотровое стекло, покрыв небольшую часть поверхности парами дыхания. Жадно всматривалась в зал управления. Достала из кармана брюк острый зуб каанаконды, силой сжимая в руках, представляла, как раз за разом будет вгонять шип в брюхо Ван Каспера.

Генерал, как ни в чем не бывало, продолжал выкрикивать указания и в одно мгновение властный голос прервался глухим ударом о стекло. Анна подняла глаза к источнику звука. Смахнула слезы, решила, мерещится, но нет: на той стороне, за окном стоял искатель, держал Максимилиана за шкирку, как нагадившего щенка.

Грудь Цоя тяжело вздымалась. Стоял за стеклом и сверлил генерала глазами, переполненными ненавистью; Анна узнала взгляд, - точно такой был в момент их первой встречи, и тогда, у капсулы, когда их окружили бездомные, а затем и собиратели Каземат, и в тот миг, когда Цой бросился на беса.

Искатель обрывисто дышал, и в каждом вдохе ощущался нарастающий гнев; он весь дрожал, закипая от ярости, готовый впустить в уютный, изолированный мирок Ван Каспера одну из самых опасных частичек Каторги - свою.

Поднес руку с нарукавником к лицу и, выпустив ало-красное облако пыли, поморщившись от боли как в последний раз, с силой втянул в себя воздух.

Ударил капитана о стекло еще и еще; кровь хлынула носом. Присутствующие внизу в ужасе дрогнули, наблюдая расправу над Максимилианом.

Цой не хотел убивать его о стекло, хотел выбить его им.

Еще удар.

Получилось.

Тело капитана, сделав в воздухе оборот, вместе с осколками, дождем обрушилось в центр

компьютера управления. Опомниться не успели, как искатель скользнул следом, приземлившись на стол. Генерал судорожно пытался достать пистолет из кобуры, а искатель тем временем нанес первый удар бойцу, решившему напасть.

Размашистый удар ноги пришелся в челюсть, выбив сначала ее, а затем вывернув шею. Цой со звериной ловкостью спрыгнул и нырнул под следующего атакующего, а оказавшись позади, схватил его за затылок и силой направил голову, размозжив о ребро стола. Следующий получил удар под дых, согнулся от боли, и Цой, ухватив его голову, разбил о стол и ее; лопались, как переспелые арбузы.

Анна видела, как он убивал прежде; отточенные движения по смертельным точкам. Быстрая, почти безболезненная смерть, но сейчас все иначе: движения полны ненависти, пугающей жестокости; искатель убивал не людей, в каждом из них он умерщвлял собственные надежды, отчаянно уничтожая все, во что верил, к чему стремился. Привыкший к Каторге, к боли, что она причиняла, давно не чувствовал ни угара битвы, ни жалости, ни, тем более, страха.

Кости ломались от его ударов чудовищным хрустом, как сухие ветки.

Сержант Ковальски, вернувшийся в зал управления, разъяренным криком ринулся на искателя, тот встретил его ударом вытянутой руки в горло и тело, изогнувшись под невыносимым углом, рухнуло куда-то под стол. Сцепился с другим бойцом, и пока наносил удары в живот, генерал, достав пистолет, пытался прицелиться, и после нескольких неудачных попыток, открыл огонь, выпустив весь барабан, пристрелив сначала собственного подчиненного, а следом и Цоя.

Когда искатель упал, Ван Каспер, решив, что все закончилось, победно выпрямился и, сбивчиво дыша, пытаясь подавить адреналин, оглядел стены, украшенные мазками крови, стол с кусочками мозгов, посмотрел на уцелевших женщин, которых испуганный доктор Декстер заслонил собой, прижав к стене.

Как раз тогда Анна увидела, как искатель буквально поднялся из мертвых.

- Дафц?.. - поморщившись, проговорил генерал одними губами, испугано наблюдая за искателем, оправившимся и вставшим после выстрелов, как ни в чем не бывало; вся форма вымокла в крови.

Страх сковал тело генерала, а испуг искорежил лицо.

Перезаряжал пистолет. Дрожащие пальцы неуверенно скользили по барабану, впихивая в каморы патрон за патроном.

Поздно.

Цой стоял перед ним.

Схватил за шею и, с гневом в глазах, задушил в нем жизнь.

Небрежно отпустив бездыханное тело генерала, огляделся, исподлобья посмотрел на Декстера и женщин за его спиной, не представляют угрозы. Увидел и Анну; в глазах ужас - вызывающе указала на стол, - Максимилиан, сплюнув кровью и зубами, пытался подняться.

Цой медленно повернулся, удивившись стойкости капитана, и тяжелой поступью направился исправлять недоразумение. Максимилиан выбросил руку в слабом ударе, Цой легко перехватил

ее и, закричав, переломал. Кисть. Локтевой сустав. Капитан издал нечеловеческий вопль. Цой заломил руку, доведя до страшного хруста, и обрушил его обратно на стол.

Анна впервые в ужасе наблюдала, как до смерти забивают человека, и улыбка радости едва не одолела лицо, пока Цой в исступлении наносил тяжелые удары, и с каждым из них она чувствовала, как невидимый груз, тяжелое бремя отношений раскалывается и падает с плеч, освобождая ее.

Цой озверел, каждый новый удар сопровождался резким вскриком; он бил и бил, вминая кулаки в кровавое месиво, когда-то служившее Максимилиану лицом, бил долго и остановился, осознав, - от головы ничего не осталось, он колотил и вдребезги разбил экран стола, превратив его в кровавую паутинку.

Зажмурился сильно, схватился за грудь в области сердца, и завалился, прямо на безголовое тело капитана, чья нога сотрясалась судорогой.

Анна поспешила вниз, подбежала к искателю, обхватила за плечи, прижав к себе. Пена изо рта, - передозировка пылью, прямо как тогда, в Каторге, убегая от дикого стада.

Неистовым криком приказала Декстеру бежать за медкейсом, но тот замер, охваченный шоком.

Тело искателя изранено пулевыми отверстиями, обрывистое дыхание, горло пробил рваный хрип. Разорвала мокрую от крови куртку на его теле, рукой попыталась закрыть рану, только какую из них?

Кровь растекалась по телу и... прекратилась.

Раны взбучились. Деформированные пули, те, что не прошли на вылет, будто под давлением, поползли из тела наружу. От ранений не осталось и следа. Анна не понимала происходящего, думала, бредит.

Цой, глубоко вдохнув, поднялся сильным рывком.

- Ти... ти... ти, - захлеб повторяла она, пытаясь облачить захлестывающие мысли в слова.

- Да, - на выдохе проговорил искатель, схватив ее за руку, и впервые признался: - Я умею умирать.

- Боже, боже, - заплакала Анна, уткнувшись лбом в его грудь.

Так и сидели, пока все не выплакала.

Несколько часов ушло очистку зала управления от ужаса, оставленного Цоем и паранойей Ван Каспера. Провели в Резервации несколько дней, выведя из анабиоза оставшуюся группу. Искатель ушел на Пепелище, а когда вернулся, Анне удалось убедить его в том, что далеко не все люди такие, как покойный генерал; она надеялась доказать Ван Касперу отсутствие угрозы, но он не послушал и поплатился за это, - жизнью, - иначе в Каторге никак. Заверила: люди в Резервации Первого Эшелона не такие, не одурманены войной, она не пьянит, а претит им. Там спят люди, жившие во благо Земли, во благо людей. Они заслуживают шанса, который подарили Анне и всем остальным.

Стояли на Пепелище, выбирая путь. Лис вместе с доктором Декстером и остальными остался в Резервации, рассказывая им о оцифрованных данных из Монструма искателя. Позже они отправятся к дому Догмы, а затем, совместными силами, освоят Резервацию Второго Эшелона.

- И много раз ты умирал, Тесой?

- Двести десять, - впервые произнес число вслух, и вдруг, отчего-то стало легко. - Двести десять раз с того дня, когда я понял себя, и начал считать, а сколько до этого - не знаю, не помню.

- И как?

Пожал плечами и перечислил некоторые эпизоды смертей:

- С десятков от пылицы, несколько раз от жирвяков, треуголок, каанаконд, дважды от беса, трижды от удара молнии...

- Больно?

- Всегда.

- Получается... ты бежал из Каземат, просто пригая вниз и разбиваясь насмерть?

Искатель кивнул.

- Как ты таким стал?

- Не знаю, я таким очнулся.

- А беса, Тесой, как убил беса?

- А тебя, почему Анной назвали?

Обменялись вымученными улыбками и, тормоша пепел под ногами, шагали навстречу восходящему солнцу, двигаясь к Резервации Первого Эшелона.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Спасибо, что прочитали роман «Хроники Каторги: Цой жив». Если Вам понравилась или, наоборот, не понравилась книга - высказать мнение, замечания и просто поддержать произведение, можно просто подписавшись на группу проекта Вконтакте:

https://vk.com/the_torturelands

Здесь можно найти саундтрек, фанарты и многое другое.

Впрочем, если считаете, что история закончилась и открытый финал, который Вы определите для себя сами - ваш вариант, ничего делать не нужно.

Но мы все равно рады всем и каждому. Благодарю за уделенное время.

Спасибо и до новых встреч!

mir-knigi.org